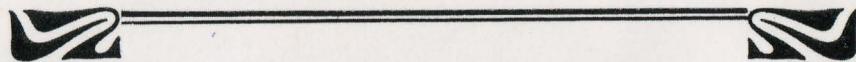

КИР БУЛЫЧЕВ

КИР БУЛЫЧЕВ

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ
АЛИСЫ

КИР БУЛЬЧЕВ

КИР
БУЛЬЧЕВ

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ
АЛИСЫ

КИР БУЛЫЧЕВ

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ АЛИСЫ

Москва 1996

ББК 84Р7
Б90

КИР БУЛЫЧЕВ
(Игорь Всеволодович Можейко)

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
Серия «Детская фантастика»

День рождения Алисы

Булычев Кир

Б90 Полное собрание сочинений. Серия «Детская фантастика». т. 3. День рождения Алисы. — М.: «Хронос», 1996. — 400 с., 42 ил.
ISBN 5—85482—011—0

В этот том серии «Детская фантастика» вошли повести и рассказы об увлекательных и опасных приключениях отважной девочки Алисы Селезневой и ее верных друзей: «Пленники астероида», «День рождения Алисы», «Золотой медвежонок», «Чудовище у родника» и т.д.

ББК 84Р7

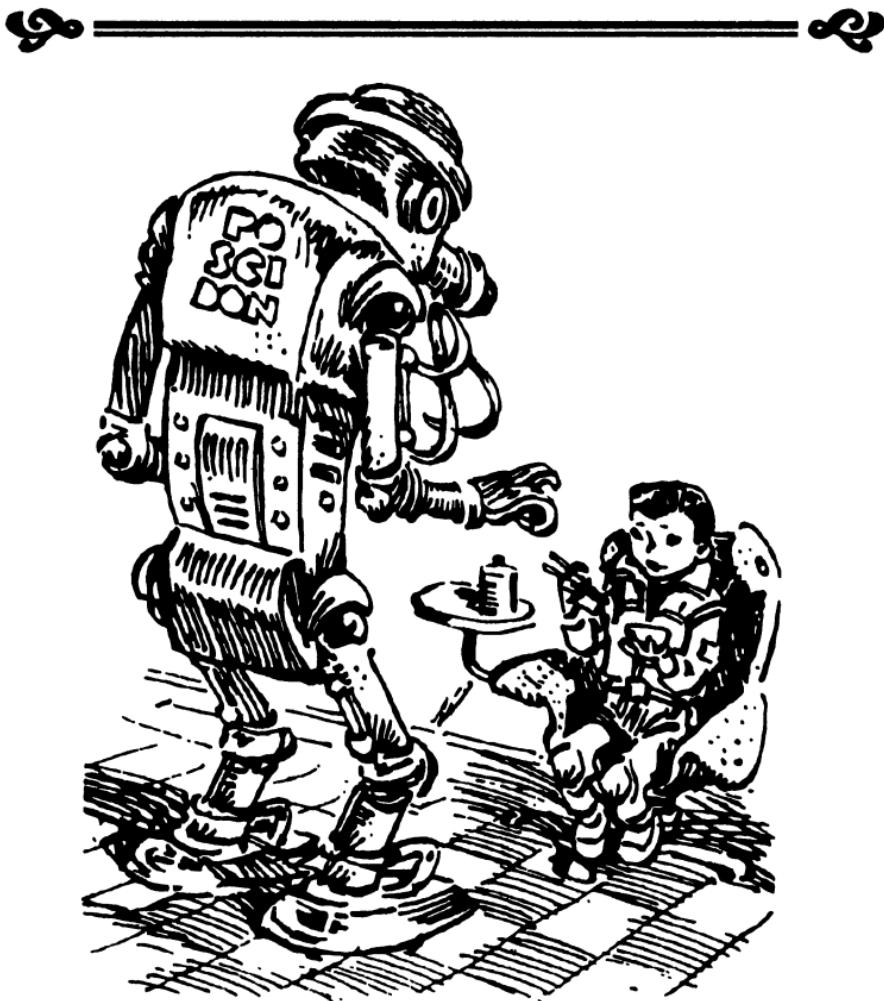
Художник Е. Мигунов

ISBN 5—85482—011—0

© «Хронос», 1996
© Кир Булычев
© Е. Мигунов

ПОВЕСТИ

ПЛЕННИКИ
АСТЕРОИДА

1

«Арбат» был раньше разведботом. Два таких бота обычно бывают на борту корабля Дальней разведки. Они предназначены для посадок на планеты и для исследований внутрипланетных систем. А так как ботам приходится порой попадать в сложные ситуации, сделаны они на совесть: скоростные, крепкие, выносливые, долговечные.

Полина Метелкина, научный сотрудник Института времени, координатор Инопланетной секции, раздобыла списанный разведбот, потому что ей часто приходилось летать на Марс и на Плутон, где были базы института. А так как разведботы названий не имеют, то окрестила его «Арбатом». Это название кажется странным и непривычным лишь на первый взгляд. Все объясняется просто: Полина родилась и выросла в Москве, на улице Арбат.

Когда в июле она собиралась лететь на Плутон, ей позвонил старый знакомый — директор Московского космического зоопарка Селезнев и попросил взять с собой его дочку Алису. Жена Селезнева, Алисина мама, архитектор, строила на астероиде Паллада культурный центр, а у Алисы были каникулы, и она хотела повидать маму. Пассажирского корабля на Палладу надо было ждать две недели, а тут подвернулась такая оказия.

Полина с удовольствием согласилась взять Алису, тем более что лететь одной куда скучнее, чем в компании.

Правда, в путешествие они отправились втроем. Вместе с разведботом Полина получила от Дальней разведки и старого робота по имени Посейдон. Посейдон отработал свое в экспедициях, теперь там работали новые роботы, куда более ловкие, сообразительные и умелые. Но для помощи на борту в обычных планетарных рейсах Посейдон еще годился.

За долгую для робота жизнь Посейдон обзавелся характером, жизненным опытом, причудами и капризами, то есть очеловечился. С Полиной он летал третий год, они сдружились, привыкли мириться со слабостями друг друга. И все же робот — это робот.

У Полины своих детей не было, хотя детей она любила. Так что с точки зрения Алисы заботилась она о ней даже больше, чем нужно. Но в общем жили они дружно, и даже жаль, что путешествие было недлинным.

В тот день Алиса сидела в пилотском кресле и смотрела, как на экране переднего обзора возникали и гасли звезды: «Арбат» вошел в пояс астероидов и автопилот снизил скорость, потому что навигационная обстановка была сложной.

По экрану наискось пролетела искра, корабль вздрогнул, меняя курс, чтобы не столкнуться с метеоритом.

— Осторожнее! — крикнула из камбуза Полина. — Я суп пролью.

Слова эти относились к автопилоту, и тот их, конечно, не услышал.

Зато услышал их Посейдон, который сидел в кают-компании, положив металлические ноги на низкий столик, и читал видеокнигу.

Кают-компания на разведботе — это маленькое помещение, в котором умещаются лишь обеденный стол, три или четыре кресла, к тому же один угол ее отгорожен полукругом перегородки, за которой находится плита и мойка-камбуз.

— Нет смысла винить автопилот, — заявил Посейдон. — В поясе астероидов повышенная метеоритная опасность. Советую тебе, Полина, ускорить приготовление пищи, так как возможны более резкие флюктуации курса.

— Посейдон, ты пессимист, — ответила Полина. — Я ходила этим маршрутом два десятка раз и никаких резких флюктуаций, пользуясь твоей терминологией, я не замечала.

— Еще бы, — проворчал Посейдон, который

не выносил, когда ему возражали. — В те рейсы ты питалась консервами, а сейчас половину времени проводишь в камбузе. Я тебя не узнаю.

— Алисе вредно питаться консервами, — сказала Полина.

Корабль снова вздрогнул. В буфете зазвенели чашки.

— И все-таки я бы не был таким легкомысленным на твоем месте, — сказал Посейдон, который любил, чтобы последнее слово оставалось за ним. — Помнишь, что случилось с контейнеровозом «Далия» в прошлом году? Помнишь то жуткое столкновение, из-за которого весь Юпитер и базы на Уране остались без клубники?

— А что случилось? — спросила Алиса.

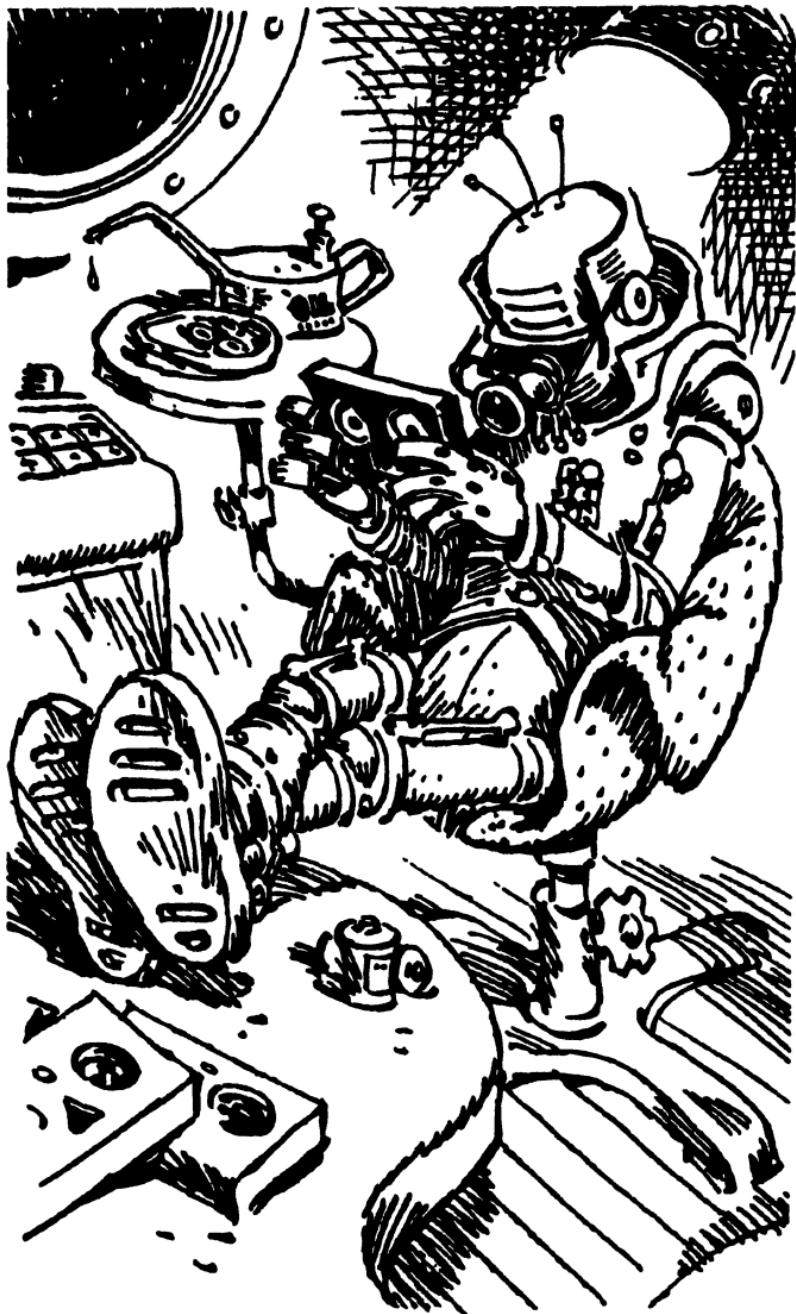
— Туристы, — заявил Посейдон. — От них все беды.

— Не томи, Посейдончик, — сказала Алиса. — Расскажи.

— «Далия» столкнулся с неучтенным роем метеоритов. А при расследовании они оказались искусственными.

— Кто же их сделал?

— Туристы. Упрощенно говоря, они были содержимым помойного контейнера, который кто-то выбросил за борт. Очистки и обедки мгновенно превратились в замерзшие твердые тела, и летели они с той же скоростью, с которой когда-то летел корабль, который их выбросил. А «Далия» шел встречным курсом. Удвой скорость и представь, что получится!

Посейдон сидел в кают-компании, положив металлические ноги на низкий столик, и читал видеокнигу.

Какое счастье, что «Далия» оказался беспилотным автоматом!

— Но ведь выбрасывать что-нибудь в космос категорически запрещено, — сказала Алиса.

— Вот именно! Мало того, что они оставляют на Земле непогашенные костры, мало им, что они исписали своими глупыми автографами руины города Страдальцев на Марсе, они загадили даже пояс астероидов. Я бы на месте людей объявил туризм вне закона.

— Посейдон, ты преувеличиваешь, — улыбнулась Полина, накрывая на стол. — Это же редкие исключения.

— Вот столкнемся с консервной банкой, — ответил Посейдон, — тогда по-другому заговоришь. Если сможешь.

Полине не хотелось спорить со стариком, и поэтому она позвала Алису:

— Обедать!

— Посейдончик, посидишь за меня? — спросила Алиса.

Нужды в том не было, все равно корабельный компьютер быстрее реагировал на любую опасность, чем человек, но принято было, чтобы на сложных участках трассы кто-то из экипажа был у пульта управления.

— С удовольствием, — ответил Посейдон и, не выпуская книги, отправился к пилотскому креслу.

— А вот книжку придется отложить, — сказала Алиса.

Всю жизнь взрослые говорят ей: «Отложи книжку», «Перестань читать за столом». И как

приятно, если рядом есть кто-то, кому можно сказать взрослые слова.

— Это не книжка, — ответил миролюбиво Посейдон. — Это справочник по малым планетам. Учу его наизусть.

— Зачем? Компьютер все равно уже знает об этом.

— Во мне тоже есть компьютер, — возразил Посейдон. — К тому же мне интересно учиться. Жизнь коротка, а так хочется побольше знать! Вам, людям, хорошо. Вы можете обедать, пить чай, спать, у вас болит живот, меняется настроение, вы влюбляетесь или ссоритесь. Всего этого я лишен. Я старая железная банка на жидких кристаллах, и единственное мое развлечение — новая информация. Скажи, например, ты знаешь диаметры хотя бы крупнейших малых планет?

— Если мне будет нужно, я загляну в справочник.

— Алиса, суп стынет! — сказала Полина.

— А представь, что у тебя не будет времени заглядывать в справочник. К примеру, диаметр Паллады, где тебя ожидает твоя мать, достигает 490 километров. А Веста уступает Палладе почти сто километров...

— Спасибо, — сказала Алиса, которая поняла, что очень проголодалась.

Она села за стол в кают-компании.

— Послезавтра прилетаем, — сказала Полина. — Соскучилась по маме?

— Конечно, соскучилась, — призналась Алиса. — Большинство мам сидят дома и дальше

Антарктиды не улетают. А моя придумала себе занятие: космический архитектор! С ума сойти можно.

— А ты кем будешь? — спросила Полина. — Тоже в архитектурный пойдешь?

— Нет. Я биолог по призванию. Буду космобиологом, как отец.

— И будешь сидеть дома? И дальше Антарктиды ни шагу?

Алиса уловила иронию в тоне Полины, но решила не обижаться. Полина была права. Космобиологу приходится летать чаще и дальше всех остальных.

— Одно дело — экспедиция, — сказала Алиса. — Два-три месяца — и домой.

Из рубки донесся громкий хохот Посейдона. Робот явно хотел обратить на себя внимание.

— Это же надо! — рокотал он. — Эрос-то! Ха-ха-ха-ха!

— Что случилось? — Полина даже поднялась из-за стола. — Какой Эрос?

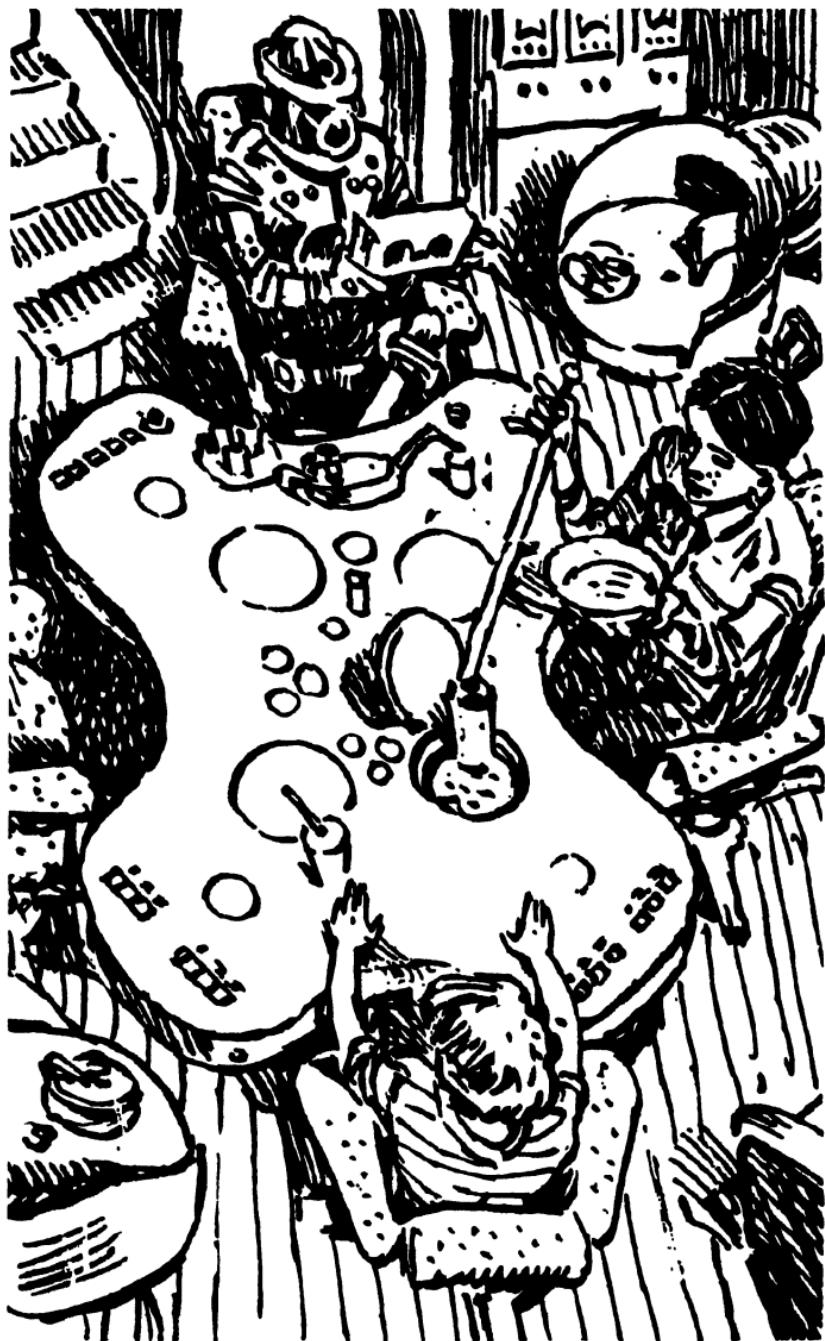
— Эрос имеет форму груши! — сообщил робот. — Груша длиной в тридцать два километра. Нарочно не придумаешь.

— Ты меня испугал, — с облегчением сказала Полина. — Не надо так громко хохотать.

— Какой вставили динамик, таким и хохочу, — заявил Посейдон.

— Суп немножко недосолен, — сказала Полина.

— Нет, очень вкусно, — ответила Алиса. — А может, вы задержитесь на Палладе? А потом

— Суп немножко недосолен, — сказала Полина.

бы мы вместе дальше полетели. Я никогда не была на Плутоне.

— Во-первых, меня там ждут, — сказала Полина. — А во-вторых, ты тогда опоздаешь к началу занятий.

— Жалко! Мне с вами нравится летать, — сказала Алиса.

— Мне тоже с тобой веселее. И Посейдон к тебе привязался.

Посейдон, конечно, все услышал. И желание возразить заставило его снова вмешаться в разговор.

— Привязчивость мне несвойственна, — категорично заявил он. — Я старая железная банка...

Тут его слова перекрыл вой сирены.

Тревога!

Полина с Алисой в мгновение ока вскочили и бросились в рубку.

— Что случилось? — спросила Полина.

Рука робота лежала на кнопке тревоги. Это он включил ее.

— Прямо по курсу неизвестный корабль, — сказал робот.

— Ну и что? Здесь же бывают корабли. Зачем было объявлять тревогу? — спросила Алиса.

— Это учебная тревога, — ответил робот. — Я проверял вашу готовность.

— В первом же порту списываю тебя на берег, — сказала Полина. Но так как она грозилась сделать это в каждом рейсе, Посейдон ее слов всерьез не принимал.

Раз уж обед был прерван, Полина опустилась во второе пилотское кресло. В любом случае встреча с кораблем в космосе — развлечение после долгих дней одиночества. Полина включила увеличение. Корабль пока еще казался яркой точкой, но постепенно он вырос, и можно было разглядеть его дискообразную форму.

На дисплее компьютер начал выдавать скорость корабля, его размеры, направление движения.

— Турист, — сказал Посейдон, когда обнаружилось, что корабль невелик. — Сердце болит, чувствую, что турист.

— У тебя не сердце, а бесчувственный компьютер, — напомнила Алиса.

— Компьютер, снабженный интуицией, а это что-нибудь да значит, — сказал Посейдон.

Полина включила связь. И не успела она вызвать корабль, как в эфире послышались странные ритмичные звуки: три точки, три тире, три точки, три тире...

— SOS! — закричал Посейдон. — Турист заблудился. Так ему и надо.

— В самом деле, сигнал бедствия, — сказала Полина. — Посейдон, мы меняем курс.

— Ну, вот это лишнее, — проворчал Посейдон, хотя на самом деле так не думал. Он тут же отдал приказ компьютеру, и тот стал высчитывать новый курс.

Полина включила передатчик.

— Корабль «Арбат» на связи, — сказала она. — Что у вас случилось? Откликнитесь.

Корабль не ответил.

— Вымерли туристы, — заявил Посейдон. — А автоматика работает. Я о таком читал. «Летучий голландец» в космосе.

— Как тебе не стыдно! — возмутилась Алиса. — У людей беда, а ты все шутишь,

— К сожалению, я лишен чувства юмора. Откуда быть чувствам у железной банки, — ответил Посейдон, который отлично знал, что у него есть чувства, включая чувство юмора.

Полина продолжала вызывать неизвестный корабль. «Арбат» изменил курс и пошел на сближение.

Неожиданно, когда Полина уже отчаялась связаться с кораблем, в динамике послышался слабый высокий голос:

— У меня кончилось топливо. У меня нечего есть... Я сдаюсь. Можете брать меня на абордаж.

— Он сошел с ума, — сказала Алиса. — От лишений он сошел с ума.

— Все туристы... — начал было Посейдон, но Полина прервала его.

— Приготовиться к стыковке, — приказала она.

— Я возьму стыковку на себя, — ответил Посейдон. — Здесь опасно. Астероиды.

Посейдон был прав. В пределах видимости экрана темными или светящимися точками угадывались астероиды, в большинстве случаев мелкие, как булыжники, но от этого не менее опасные.

Неизвестный корабль медленно увеличивался на экранах.

За время сближения и стыковки корабль, терпевший бедствие, больше на связь не выходил.

«Арбат» в умелых железных руках Посейдона послушно коснулся своего собрата. Пока захваты на борту «Арбата» притягивали чужой корабль — люк к люку, Алиса разглядела надпись: «ШУК-24».

— Что такое ШУК? — спросила Алиса. — Ты ведь все знаешь, Посейдон.

— Кое-что я знаю, — признался робот. — Без справочника сообщаю: Регистр Солнечной системы, страница тысяча девятьсот восемьдесят. ШУК — серия из тридцати планетарных катеров, приписаны к Школе Учебного Космовождения на Марсе. Сокращенно ШУК. Еще тридцать таких же суденышек базируются на Луне, но носят на борту код ШЛК, что означает Школа Любительского Космовождения. К выходу в открытый космос не предназначены, запас топлива ограничен, скорость низка. Названий не имеют, различаются по порядковым номерам. Кстати, я всегда утверждал, что номер куда лучше, чем нелепое название.

— Посейдон, я же говорила тебе десять раз: Арбат — это улица...

— На которой ты выросла, — закончил за Полину робот. — Все равно неубедительно. Тебе просто хочется, чтобы тебе все задавали вопросы и видели при этом, какая ты красивая.

— Что ты понимаешь в красоте! — сказала Полина.

— Я посетил крупнейшие музеи мира, — ответил Посейдон.

Они ощутили толчок. Произошла стыковка.

— Ну, кому идти на «ШУК-24»? — спросил Посейдон. — Полагаю, что это лучше сделать мне. Если этот турист сошел с ума и будет стрелять, то меня не жалко.

— Включите видеосвязь, — сказала Полина в микрофон. — Мы вас не видим.

— Я не знаю, как она включается, — ответил слабый голос.

— Сумасшедший турист, — уверенно заявил Посейдон. — Я иду его спасать.

— Оставайся здесь, — ответила Полина. — Бывают ситуации, когда твой ум оказывается недостаточным. Не обижайся, но я убеждена, что на борту этого катера находится несчастное существо, нуждающееся в первую очередь в ласке.

— Тысячу раз говорил, — заметил Посейдон, сделав вид, что не слышал слов Полины, — возьми на базе оружие. Мало ли что — и мы оказываемся с пустыми руками. Как сейчас помню — вышел наш капитан Мержичка на поляну, поляна была такая безобидная, нагнулся цветок сорвать, а из цветка...

Тут Посейдон понял, что Полина уже вышла из рубки. Алиса следом за ней. Посейдон обернулся к приборам и стал наблюдать переход в другой корабль на экране. Он любил поворчать, но все же оставался роботом и

капитану подчинялся беспрекословно. А Полина была его капитаном.

В рубке планетарного катера Полина увидела мальчика.

Мальчику было лет десять — двенадцать, он был худ и невысок ростом. Черные глаза его были чуть раскосыми, а темные волосы стояли ежиком.

При виде Полины мальчик попытался подняться с кресла, но сделать этого не смог — видно было, что он устал и ослаб.

— Я сдаюсь, — сказал он. — Вы гнались за мной от самого Марса, да? А я заблудился, потом кончилось горючее, а на связь я выходить боялся.

— Ты здесь один? — спросила Полина.

— Да, совсем один. Я думал, что не испугаюсь, но было очень страшно.

Мальчику удалось подняться. Он упрямо сжал губы, и глаза его сузились. Его шатнуло, и он, наверное, упал бы, если бы Полина не подхватила его и не подняла на руки.

Так, с мальчиком на руках, она и вернулась на свой корабль.

4

На «Арбате» была всего одна каюта и в ней две койки. Там и спали Полина с Алисой. Посейдон спать не умел, и ночами, если не дежурил в рубке, он поглощал корабельную библиотеку. На его счастье, библиотека была велика и занимала немного места, потому что состояла из микрофильмов.

Полина уложила мальчика на свою койку, сняла с него башмаки и накрыла пледом.

Тем временем Алиса принесла стакан сока.

— Пускай он выпьет, — сказала Алиса. — Здесь сплошные витамины.

Полина поднесла стакан к губам мальчика, и тот послушно выпил его мелкими жадными глотками. Это его так утомило, что он уронил голову на подушку и закрыл глаза.

— Ты давно не ел? — спросила Полина.

— Почти три дня, — сказал мальчик. — Я очень спешил и забыл взять с собой пищу.

— Давай я сделаю ему бульон, — сказала Алиса.

— Займись, — согласилась Полина, открывая медицинский шкафчик.

Алиса вышла из каюты, и тут же в дверях возник Посейдон.

— Ты турист? — сурово спросил он.

Мальчик открыл глаза и испуганно поглядел на массивного робота.

— Нет, — сказал он. — Я не турист. Я учился в школе космонавтики и потому уgnал корабль. Но я не хотел развлекаться... Я должен был, понимаете, обязательно... У меня не было другого выхода...

Мальчик снова закрыл глаза и заснул.

Алиса заглянула в каюту, неся чашку разогретого бульона, но Полина приложила палец к губам и вышла навстречу.

— Пускай он поспит, — прошептала она.

* * *

Мальчик проснулся только через семь часов.

«Арбат» как раз проплыval мимо изъеден-
ной кратерами, изборожденной трещинами
планетки.

Алиса не уставала любоваться этими зага-
дочными, мертвыми мирками, некоторые были
уже обследованы, на других еще никто никогда
не бывал. Алиса воображала, что они плывут
по океану между рифами и коралловыми
атоллами и она, юнга на мачте, все надеется,
что на одном из атоллов вдруг появится дымок
и человеческая фигурка примется прыгать на
берегу — это потерпевший крушение Робин-
зон или дикарь, никогда еще не видевший
парусного корабля.

— Сколько их! — сказала Алиса. — Вот бы
пожить на каком-нибудь.

— К настоящему моменту обнаружено и
зарегистрировано, — раздался в ответ скрипу-
чий голос Посейдона, — шесть тысяч восемь-
сот тридцать две малые планеты, не считая
камней, учитывать которые бесполезно — все
равно потеряются. Однако отметим, что общая
масса астероидов в тысячу раз уступает массе
Земли... Так что теории, объясняющие их
происхождение гибелью планеты Фаэтон, вряд
ли имеют право на существование...

Посейдон только что вернулся с осмотра
планетарного катера, и потому Полина переби-
ла его, спросив:

— Нашел там что-нибудь интересное?

— Осмотр корабля не дал ничего нового, —

ответил Посейдон. — За исключением детского любительского удостоверения на вождение учебной машины, выданного на имя Юдзо Комура, место выдачи — Марспополь, место постоянного проживания — город Осака, Земля.

— Осака — это в Японии, — сказала Алиса. — Я так и подумала, что он японец.

— Не стоит спешить с выводами, — сказал Посейдон. — Города с таким названием могут существовать и в других странах. Кстати, на пульте в рубке мною обнаружена вот эта фотография.

Посейдон положил на стол фотографию улыбающегося пожилого человека, черноглазого и похожего на найденного мальчика. Подпись под фотографией состояла из иероглифов.

— Кто это такой? — спросила Алиса.

— Что может быть проще? — удивился Посейдон. — Здесь же черным по белому написано: профессор Такео Комура.

— Это по-японски?

— Разумеется. И надо сказать, что вам повезло — не у каждого на корабле работает робот-лингвист, талантливый и трудолюбивый полиглот. К счастью, я могу читать и писать по-японски и при том неплохо сочиняю танки.

— Что? — удивилась Алиса.

— Танки — это вид японской поэзии, краткие стихотворения, которые в парадоксальной форме раскрывают душу природы и поэта.

— Ясно, — сказала Алиса.

Полина взяла фотографию.

— Вернее всего, профессор Такео Комура — отец нашего найденыша.

— Не доказано, — возразил Посейдон. — У нас на корабле как-то было три Иванова, и ни один из них не состоял в родственных связях с остальными. Этот пожилой мужчина может оказаться дядей, соседом, однофамильцем мальчика, наконец, фотография могла остаться на борту от предыдущего пилота...

— Это мой отец, — послышался голос.

Мальчик стоял в дверях.

— Тебя зовут Юдзо Комура? — спросила Полина.

— Да. Мой отец — профессор Такео Комура. Я долго спал?

— Несколько часов. Выспался?

— Я не хотел так долго спать, — ответил Юдзо.

— Ты голодный? — спросила Алиса.

— Честно говоря, — сказал мальчик, — я хочу есть. Но кормить меня необязательно. Я заслуживаю наказания.

— Алисочка, разогрей бульон и сделай сухарики, — сказала Полина.

Робот сделал шаг вперед и остановился, разглядывая мальчика.

— Меня зовут Посейдон, — сообщил он. — Универсальный помощник.

— Я понял, робот-сан, — ответил мальчик. — Очень приятно с вами познакомиться.

— Ты нечаянно корабль угнал или нарочно? — спросила Алиса.

— Нарочно, — ответил мальчик, опустив голову. — Но у меня не было другого выхода.

Вид его был настолько несчастным, что Полина пожалела мальчика и сказала:

— Юдзо очень устал, и он еще слабый. Не приставайте к нему с расспросами. Он потом сам все нам расскажет, правда?

Мальчик кивнул.

Но Посейдон не согласился с Полиной.

— Я иногда буквально поражаюсь, — сказал он. — Ты, Полина, путаешь гуманизм с легкомыслием.

— Почему, мой дорогой? — спросила Полина.

Ласковое обращение не успокоило робота. Он упрямо продолжал:

— Потому что мы не знаем, кого пригрели на борту. Не исключено, что это опасный преступник, который бежал с Марса, потому что его разыскивает патрульная служба.

Полина вздохнула. Она не выносила ссор.

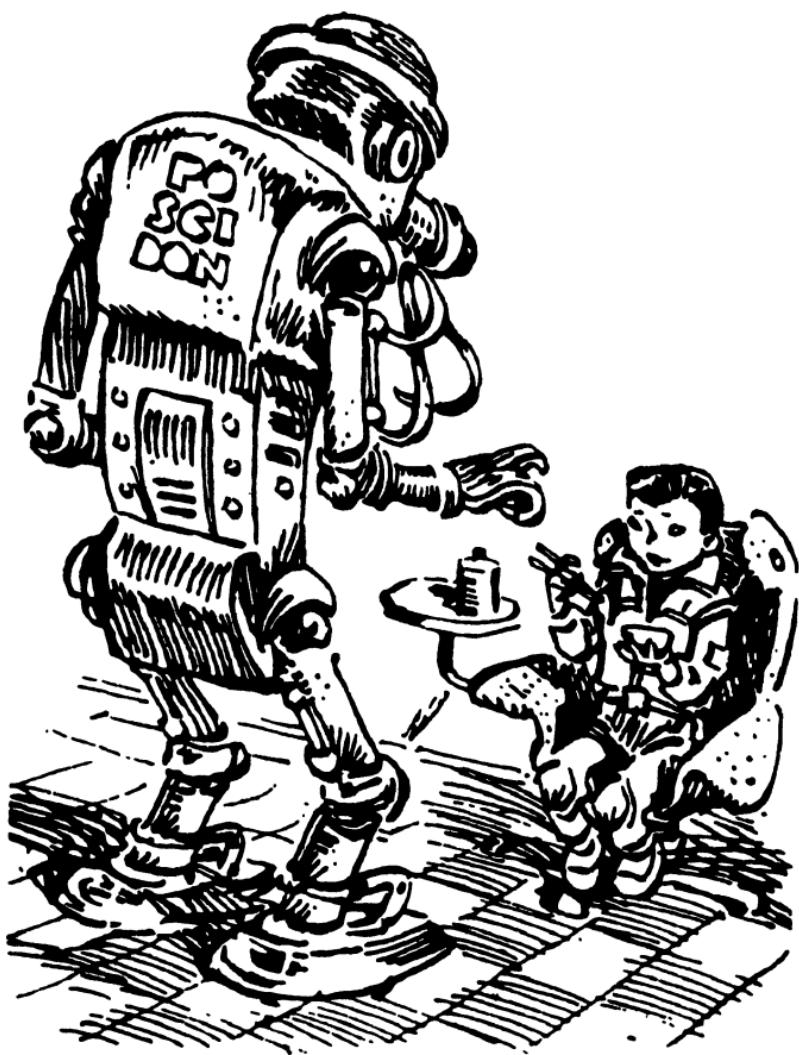
Но мальчик неожиданно поддержал робота.

— Вы правы, робот-сан, — сказал он, не поднимая головы. — Я заслужил самого строгого наказания. И, наверное, меня разыскивает патрульная служба. Я сначала решил, что вы и есть патрульная служба.

— Но почему тебя разыскивают? — спросила Алиса. — Потому что ты угнал корабль?

— Конечно. Я угнал космический корабль и чуть не загубил его. И вы правильно сделали, что погнались за мной и поймали меня.

— Мы тебя не ловили, — сказала Поли-

— В данной ситуации, — сказал робот, — разумнее всего мальчику выпить еще чашку бульона.

на. — Мы услышали твой сигнал бедствия и поспешили к тебе на помощь.

В этот момент «Арбат» дернулся, меняя курс: видно, опять на пути показался какой-то маленький астероид.

— Чуть не налетели на риф! — сообщила Алиса.

— Садись, — сказала Полина, указывая Юдзо на кресло. — Я должна тебе сказать, что лечу по делам на Плутон, а Алиса — дочь моих друзей и отправляется к маме на Палладу.

— Счастливая! — вырвалось у мальчика. — Ты знаешь, где твоя мать.

— У тебя случилось несчастье, — сказала Полина. — Иначе бы ты никогда не решился на такой безумный поступок.

— Что за разговор с малолетним преступником! — вмешался Посейдон. — Жестче, Полина, строже. У тебя совершенно нет металла в голосе.

Полина только отмахнулась от робота.

— И не пытайся заткнуть мне рот! — возмутился Посейдон. Ему хотелось ссоры.

— Еще слово, и я попрошу тебя уйти, — сказала тогда Полина.

— Молчу, — ответил Посейдон. — Молчу под угрозой неминуемой расправы. Но внутренне не сдамся.

— Не обращай на него внимания, — сказала Алиса японскому мальчику. — Он старый и нервный, хотя с роботами такого не должно случаться. Лучше расскажи нам, что же у тебя случилось.

— Мой отец, — сказал Юдзо, — геолог, профессор. После того как умерла наша мама, он увез меня на Марс, и мы там очень дружно жили. А четыре месяца назад он полетел на астероиды в экспедицию. Он полетел один на корабле «Сакура». С дороги он присыпал мне письма и космограммы. Последняя космограмма была с Весты. Он писал в ней, что полетит дальше, к малым астероидам. Но потом он исчез.

— Как так исчез? — удивилась Алиса.

— Никто ничего не знает. Его искали. И, наверное, ищут и сейчас. Но астероидов очень много.

— Здесь сам черт ногу сломит, — сказал Посейдон.

— А я очень тосковал без отца, — сказал Юдзо, и его голос дрогнул.

Он проглотил слезы и отвернулся. Все молчали, потому что понимали, что утешить мальчика нельзя. Он был очень гордый.

— Мне кажется, — продолжал мальчик, — что отцу нужна моя помощь. Ему плохо. Мне все говорили, чтобы я терпел и ждал, что отца найдут. Но они на самом деле думали, что отец погиб, и даже корабля не нашли. И наконец мне сказали, что меня отвезут на Землю, к моей тете в Осаку. Но я знаю, что отец жив! Я лучше их всех знаю! Я знаю!

— Успокойся, Юдзо, — сказала Полина, обнимая мальчика. — Мы тебя понимаем. Ты не мог улететь на Землю, улететь далеко от отца.

— И ты взял учебный катер! — воскликнула

Алиса. — Молодец! Я бы на твоем месте сделала то же самое.

— И глупо, — сказал Посейдон. — Если ты воруешь корабль, то обязательно надо взять с собой побольше топлива и продовольствия.

— Мне было некогда. Я прокралясь ночью на космодром. Я знал этот корабль, потому что я на нем учился в детской космической школе. Но я не мог нести с собой продукты. Я дал себе слово, что не вернусь, пока не найду отца. Но я не подумал, как далеко надо лететь и как долго надо искать. У меня кончились продукты, а потом кончилось топливо. И я уже не мог вернуться обратно. У меня была слабая рация, и на Марсе меня не слышали.

— Еще бы. Никто не думал, что учебный катер полетит так далеко. Для этого он не предназначен. Это все равно что на открытой лодочке уплыть в океан. Твое счастье, что мы тебя встретили.

— Я вам очень благодарен, робот-сан, — сказал Юдзо. — Но я не мог поступить иначе.

— Не знаю, не знаю. В любом случае ты поступил как человек. Вы, люди, очень неразумные существа.

— Если бы мы были очень разумными, Колумб бы никогда не открыл Америку, — сказала Алиса. Ей понравился Юдзо, и она полагала, что на его месте она поступила бы точно так же.

— В данной ситуации, — сказал робот, — разумнее всего мальчику выпить еще чашку бульона, а мне выйти на связь с Марсом и

сообщить, что мы подобрали мальчика Комуру. Я представляю, какая паника царит на Марсе — пропал ребенок!

— Согрей бульон, — сказала Полина роботу.

— Ну вот, разве это занятие для Посейдона? — проворчал робот, но тут же отправился в камбуз.

— Что же ты будешь делать, когда вернешься на Марс? — спросила Алиса мальчика.

Мальчик ответил не сразу. Но потом решил-ся и сказал уверенно:

— Я снова возьму корабль. Выпрошу, украду, если надо... и снова полечу искать отца. Только боюсь, что будет уже поздно.

— Странно, — сказала Полина, — я просто не знаю случая, чтобы бесследно пропал корабль. В Солнечной системе, где все пути исхожены, где так мало опасностей...

— Ты не права! — ответил из камбуза Посейдон. — Один пояс астероидов может похвастаться множеством жертв. За последние месяцы это, наверное, уже шестой случай. Я как раз перед вылетом просматривал сводки спасательной службы. Без вести пропали грузовые корабли «Робинзон» и «24-бис», неизвестно, куда делся корабль «Громкий смех». До сих пор неизвестна судьба двух туристских кораблей. И как найдешь корабль, если он разбился на таком вот астероиде.

Посейдон, рассуждая так, вернулся в рубку и перед тем, как включить передатчик и сообщить о мальчике на Марс, поглядел на центральный экран.

На экране красовался сплющенный черный шар. Астероид не отражал света и казался черным провалом в звездном небе.

Посейдон протянул руку к передатчику и замер.

— Полина, — сказал он, — ты ничего не чувствуешь?

— Очень странно, — отзвалась Полина. — Мне кажется, что увеличилась сила тяжести.

— Погляди на приборы. Мы меняем курс.

— Но я не давала такого приказа компьютеру, — ответила Полина. Она быстро прошла к пульту управления и включила запрос компьютеру. Черный астероид, матовый, непроницаемый, медленно увеличивался на экранах. В нем было что-то зловещее.

Полина и Посейдон прочли показания компьютера.

— Странно, — сказала Полина.

— Я с таким феноменом еще не сталкивалася, — ответил Посейдон.

— Что случилось? — спросила Алиса.

— Поле тяготения этого астероида во много раз больше расчетного, — сказала Полина.

— Он как магнит? — спросила Алиса.

— Можно сказать и так, — согласился Посейдон.

— Ура! — крикнула Алиса. — Значит, мы сделали открытие.

— Не знаю, как насчет открытия... — Посейдон уселся в кресло пилота. — Но придется уходить от этого открытия, чтобы не разбить об него нос. Прошу пассажиров пристегнуться.

— Да, дети, — сказала Полина. — И пожалуйста, не теряйте времени.

Алиса нажала на кнопку в задней стене рубки, и из стены вывалились, раскладываясь, два кресла. Она уселась в одно и сказала Юдзо:

— Скорей же!

Они пристегнулись амортизационными ремнями.

— К ускорению готовы? — спросил Посейдон.

— Я готова, — сказала Полина.

— Мы готовы, — сказала Алиса.

— Есть ускорение, — сказал Посейдон.

В рубке было очень тихо. Чуть слышно жужжали приборы. Посейдон увеличил мощность двигателей, и «Арбат» начал бороться с силой, притягивавшей его к черному астероиду.

В первые минуты Алиса почувствовала, как ее вжимает в кресло — корабль начал вырываться из паутины. Но это продолжалось недолго. Алиса услышала мрачный голос Посейдона:

— Компьютер говорит, что нашей мощности не хватит.

— Почему? — спросила Полина.

— Сила тяготения увеличивается. Чем сильнее мы вырываемся, тем сильнее нас притягивает. Но этого быть не может, — сказал Посейдон.

— Почему? — удивилась Алиса.

— Потому что этого не может быть никогда.

Сраженные таким категорическим заявлением робота, люди замолчали.

— Что делать? — спросил после паузы Посейдон.

— Ты что предлагаешь?

— Мы с компьютером, — сказал Посейдон, — считаем, что этот феномен лучше изучать на месте. Для этого лучше всего опуститься на астероид и выяснить, в чем же дело.

— Значит, сдаться какому-то несчастному куску камня? — спросила Алиса.

— Сдаться камню невозможно. Но чтобы тебя не обижать, — вы ведь такие гордые, — предлагаю по доброй воле опуститься на астероид и его быстренько исследовать.

— Найти там генератор гравитации, — сказала Алиса, — и выключить его?

— Вот видишь, какие мы сообразительные! — согласился с Алисой робот.

— Но если мы пойдем на пределе двигателей? — спросила Полина.

— Только зазря потратим топливо, — ответил Посейдон. — К тому же я не позволю увеличивать нагрузки. Моя первая и важнейшая функция — охранять людей. На борту есть два молодых существа, которым такие перегрузки вредны. И если ты, капитан, прикажешь мне продолжать борьбу с астероидом, я скажу тебе: прости, Полина, я против.

Астероид занимал теперь уже весь экран. Корабль сносило к пятну посреди астероида, которое даже на фоне черноты казалось провалом.

— Там какое-то углубление, — сказал Юдзо. — Наверное, яма.

— Большая яма, — сказал Посейдон.

Полина приняла решение.

— Слушайте меня внимательно, — сказала она. — Я уменьшаю нагрузку на двигатели, и мы будем спускаться на астероид. Всем включить амортизацию кресел по аварийному расписанию. Нас будет притягивать, и мы будем падать на астероид все быстрее. Перед самой его поверхностью я включу двигатели на полную мощность, чтобы нам не разбиться. Будьте к этому готовы и не пищать.

— Есть не пищать, капитан! — ответила Алиса и перед тем, как включить аварийную амортизацию своего кресла, включила ее на кресле мальчика.

Оба кресла выпустили из спинок упругие широкие захваты и как бы вобрали в себя своих пассажиров. Нежно, но решительно, словно у них были живые человеческие руки.

Пол как бы ушел из-под ног — это Полина, тоже закутанная в кресло, включила двигатели, оставив только вспомогательные тормозные моторы.

Черная стена астероида превратила экран в непроницаемо темное пятно. В центре пятна что-то мерцало. Но Алиса не успела разглядеть, что это, потому что корабль вдруг буквально содрогнулся и поднатужился, стараясь преодолеть тяготение, которое хотело размозжить его о черные камни. Он завис в нескольких десятках метров над поверхностью астероида и потом, сдаваясь на милость астероида, опустился на каменное дно впадины.

И хоть Полина сделала все возможное, удар был настолько сильным, что «Арбат» подпрыгнул на амортизаторах, ударился вновь, накренился и замер...

Свет погас. Наступила тишина.

5

— Все живы? — раздался в темноте голос Посейдона.

Щелкнула застежка амортизационного кресла, потом второго. Кто-то застонал.

— Спокойно, — сказал Посейдон. — Сейчас подключу себя к аварийному освещению.

Тут же загорелся слабый свет под потолком рубки.

Вторая лампа загорелась во лбу Посейдона.

Люди вылезали из кресел, приводили себя в порядок. К счастью, никто сильно не пострадал. Только Юдзо оцарапал щеку — сорвался один из дисплеев и задел его. Алисино кресло покосилось, но устояло. Главный экран разбился, но вспомогательные работали.

— Это ты стонал, Юдзо? — спросил Посейдон, глядя на мальчика. По щеке его протянулась алая полоска.

— Нет, — ответил мальчик уверенно.

— Это я стонала, — призналась Полина. — Я вспомнила, что посуда в шкафу была не закреплена.

— Ой, там моя любимая чашка! — воскликнула Алиса, бросаясь в кают-компанию.

Посейдон возился с освещением. Постепенно свет становился все ярче.

— А притяжение здесь нормальное, — сказала Алиса, — как на Луне.

— Да, меньше земного, — сказал робот. — Я это уже отметил.

Загорелся свет и в кают-компании.

Алиса раскрыла шкаф, и оттуда посыпались осколки чашек и тарелок.

— Я неоднократно предупреждал, — заявил робот, услышав звон, — что корабельная посуда должна быть металлической или пластиковой. Пристрастие людей к фарфору неразумно.

— А моя чашка цела, — сказала Алиса.

Полина прошла к аптечке, достала пластырь и спирт.

— Алиса, — сказала она, — займись Юдзо. А мне надо выйти на связь с Марсом.

— Давно пора, — сказал Посейдон, обрачиваясь к рации.

Юдзо между тем подошел к иллюминатору и старался разглядеть, что творится снаружи.

Алисе пришлось потянуть его за руку, чтобы он отошел от иллюминатора и дал помыть и заклеить щеку. Спирт больно щипал, но Юдзо даже не поморщился.

— А вдруг мой отец... — начал Юдзо. — Ведь его тоже могло притянуть.

— Ну что, Посейдон? — спросила Полина. — Наладил связь?

— Придется потерпеть, — ответил Посейдон. — Рация разбита.

— Вот жалость! — сказала Полина. — И сколько тебе надо времени?

— Часа два, — ответил робот. — Я достану запасные части.

Полина очистила пульт от осколков и попробовала включить внешний прожектор.

— Погоди, — сказал Посейдон. — Не женское это дело — чинить освещение.

Он открыл кожух пульта, заменил один из блоков, и за иллюминатором стало светло — луч мощного корабельного прожектора распорол темноту.

Все подошли к иллюминатору.

— Ой! — первой воскликнула Алиса. — Что это значит?

6

Корабль «Арбат» очутился в большом круглом углублении, схожем с лунным кратером. Стены кратера были высоки и отвесны. Но удивление вызвало не это, а то, что «Арбат» оказался в кратере не одинок. Вокруг него лежали корабли и обломки кораблей.

Некоторые, видно, разбились давно, и нельзя было угадать, какими они были раньше. Другие корабли были ободраны, словно какой-то шутник срывал с них обшивку, оставляя лишь скелеты шпангоутов. Третья разбились при посадке. Но два или три корабля казались совершенно целыми.

Посейдон медленно вел лучом прожектора по этой странной свалке, и луч по очереди высвечивал потерпевших крушение.

Вот луч замер на золотой надписи на борту корабля.

Вокруг лежали корабли и обломки кораблей.

— «Робинзон», — произнесла Алиса.

— Здравствуй, стариk, — сказал Посейдон. — Когда мы виделись с тобой в последний раз? Кажется, на Ганимеде. Ты куда лучше выглядел. Вот ты где пропал, вот где закончил свой славный путь!

Луч прожектора ушел в сторону. Остановился, осветив надпись «Громкий смех».

— Какое странное название! — произнесла Полина, глядя на искореженный, ободранный корабль.

— Ты не слышала? — спросил Посейдон. — Это была странная компания. Поклонники веселой музыки. Они летали по разным планетам с концертами. Певцы и клоуны.

— Неужели они погибли?

— Если внутри астероида нет атмосферы, — сказал Посейдон, — тогда деваться некуда.

Луч тем временем полз дальше, и вдруг раздался отчаянный крик Юдзо:

— Это отец! Отец здесь! Я говорил, что найду отца!

Мальчик показывал на корабль, лежавший за «Громким смехом». На борту была надпись «Сакура». И знак геологической службы.

— Это наш корабль! — повторил Юдзо. — Пустите меня, пожалуйста, туда. Я там должен быть.

— Там его нет, — тихо сказала Полина.

Под холодным безжалостным светом прожектора видно было, что корабль пострадал при посадке, к тому же часть металлической обшивки была снята.

— Но я все равно должен туда пойти, как вы не понимаете! — сказал Юдзо. — Отец мог оставить там записку. Хотя бы записку...

— Успокойся, Юдзо, — сказала Полина. — Мы обязательно пойдем туда и осмотрим корабль.

— Ты сказал, что внутри астероида может быть атмосфера? — спросила Алиса у робота. Она спросила негромко, потому что не верила в это.

— Вряд ли, — сказал Посейдон. — Астероиды — мертвые тела. На них нет атмосферы. Она бы не смогла удержаться, потому что притяжение очень маленькое.

— Но здесь притяжение большое!

— Погляди за иллюминатор. Ясно же — здесь вакуум.

— А внутри?

— Внутри камень, — ответил Посейдон.

— А если внутри сделана полость и в ней сидят люди, у которых есть генератор гравитации?

— Ну, Алисочка, ты мне начинаешь рассказывать фантастический роман. Кто и зачем будет сидеть в мертвом астероиде?

— Космические пираты! Они специально пробрались в Солнечную систему и сделали такую ловушку. Затягивают корабли, а потом их грабят, а пассажиров берут в плен.

— Фантазерка! — решительно заявил Посейдон. — Даже если бы пираты и смогли незаметно проникнуть в Солнечную систему, зачем им грабить грузовик «Робинзон», который везет

запасные части к бурильным установкам? Зачем им грабить «Громкий смех», на котором летят музыканты, все богатство которых — трубы и барабаны? Зачем им грабить «Сакуру», на которой профессор Комура везет образцы горных пород?

— Посейдон, ты не понимаешь простых вещей, — сказала Полина, которая открыла стенной шкаф, чтобы достать свой скафандр. — Нельзя отнимать у людей надежду.

— Надежда — это гипотеза, не подкрепленная фактами, — возразил Посейдон.

— Пока не подкрепленная, — сказала Полина. — Но факты могут возникнуть.

— Нелогичность людей меня порой просто возмущает, — сказал Посейдон.

Юдзо подошел к шкафу со скафандрами вслед за Полиной и остановился.

— А где мой скафандр? — спросил он. — Ой, мы же его оставили на катере!

— С катером придется подождать, — произнес Посейдон.

Он перевел луч прожектора поближе, к самому «Арбату», и стало ясно, что пришвартованный к нему катер «ШУК-24» не перенес аварийной посадки.

— Не беспокойся, — сказала Полина мальчику. — Я пойду на «Сакуру», а Посейдон осмотрит катер и принесет тебе скафандр.

— Если от него что-нибудь осталось, — сказал Посейдон.

— Я возьму скафандр Алисы, — сказал Юдзо.

— Послушай, — строго сказала Полина, — ты на космическом корабле. В неизвестной ситуации. Капитан корабля — я. И сейчас все подчиняются мне беспрекословно. Тебе это понятно?

— Понятно, капитан-сан, — ответил мальчик. — Но, может, все-таки я возьму скафандр Алисы?

— Мы даже не знаем, куда мы попали, — терпеливо объясняла Полина мальчику. — Мы не знаем, что нас ждет. Вы с Алисой, что бы ни случилось, останетесь в корабле. Здесь безопаснее.

— Правильно, — поддержал Полину Посейдон. — А то придется и вас спасать. Кстати, астероида с такими параметрами в полном списке малых планет не существует. Но, может, все же к «Сакуре» тоже схожу я? В случае чего меня даже не надо спасать. Я старая железная банка...

— Слышили, — ответила Полина. — Ничего нового. Быстро принеси скафандр Юдзо. Он может нам понадобиться. И сразу же обратно. Ты отвечаешь за безопасность детей.

— И без твоих приказов знаю, за что отвечаю.

Посейдон был недоволен — он боялся за Полину.

Полина проверила скафандр, опустила шлем. Ее голос в динамике шлема звучал глухо, как будто сквозь подушку.

— Я попробую связаться с Марсом по радио.

«Сакуры», — сказала она и открыла люк в переходник.

Прежде чем люк закрылся, Посейдон успел сказать вслед:

— Ставлю сто против одного, что никакой рации там и нет.

Щелкнул запор переходника. Через полминуты Полина показалась на черной гладкой поверхности астероида.

— Проверяю связь, — донесся ее голос.

— Связь устойчива, — сказал робот.

— На случай любой неожиданности капитаном корабля остается Алиса Селезнева, — сказала Полина.

— Понятно, — сказал робот, следя лучом прожектора за Полиной.

Он не возражал, потому что по космическим правилам робот не может командовать кораблем, на котором есть люди. Даже если он умный, опытный, универсальный робот. Конечно, фактически в отсутствие Полины главным будет он, но в критической ситуации последнее слово останется за Алисой, хоть Алисе всего одиннадцать лет.

— Я все поняла, — сказала Алиса, глядя, как на экране уменьшается блестящая фигурка Полины.

Полина обходила обломки кораблей и иногда рассуждала вслух:

— Вижу корабль незнакомой конструкции. Его вам не видно — он лежит за «Громким смехом». Явно не из Солнечной системы. И попал сюда давно. Значит, этот астероид не

первый день притягивает корабли. Странно, что до сих пор его никто не заметил. Уже двадцать лет назад здесь работала комплексная экспедиция. Они не могли пропустить такое крупное тело. Как ты думаешь, Посейдон, каков радиус астероида?

— Чуть больше километра, — ответил Посейдон. — Но форма у него неправильная, он похож на сплюснутый шар или на чечевицу. Мы опустились на вдавленной стороне.

— Подхожу к «Сакуре», — сказала Полина.

Когда Полина остановилась возле корабля, стало ясно, что «Сакура» раз в пять выше нее. Полина вслух описывала свои действия. Так положено делать, если разведчик один вышел из корабля.

— Вижу люк, — говорила она. — Люк открыт. Крышка отсутствует. Значит, в корабле никого нет. Тем не менее я войду внутрь, осмотрю корабль и постараюсь выяснить, в каком состоянии рация. Посейдон, ты принес скафандр?

— Помню, — ответил Посейдон. — Алиса, ты остаешься на связи. Знаешь, как управлять прожектором?

— Все знаю.

Посейдон пошел к переходной камере, а Алиса слушала, как Полина рассказывает о том, что видит на «Сакуре».

Юдзо разрывался между «Сакурой» и учебным кораблем. Он даже подбежал к люку, как будто хотел поторопить Посейдона, медленно ворочавшегося у люка учебного катера. Юдзо

надеялся, что, как только он получит скафандр, он сможет тоже побежать к «Сакуре».

— Я внутри «Сакуры», — был слышен голос Полины. — Удивительное зрелище! Как будто здесь бушевал какой-то разбойник. Обшивка ободрана, приборы разбиты, посуда разбита, куда-то делись все вещи из каюты и кубрика. И рация... рации нет. Она вырвана и исчезла.

— А записка? — крикнул Юдзо. — Отец должен был оставить мне записку!

Полина не слышала мальчика и продолжала говорить:

— В шкафу нет скафандра. Значит, отец Юдзо успел надеть его.

Алиса подумала, что если кто-то ограбил корабль, то могли взять скафандр. Ясно, что Полина сказала последнюю фразу, чтобы успокоить Юдзо.

— Больше мне здесь делать нечего, — сказала Полина. — Придется нам искать путь внутрь астероида.

Может быть, Посейдон был не прав, когда высмеивал Алисину теорию о пиратах.

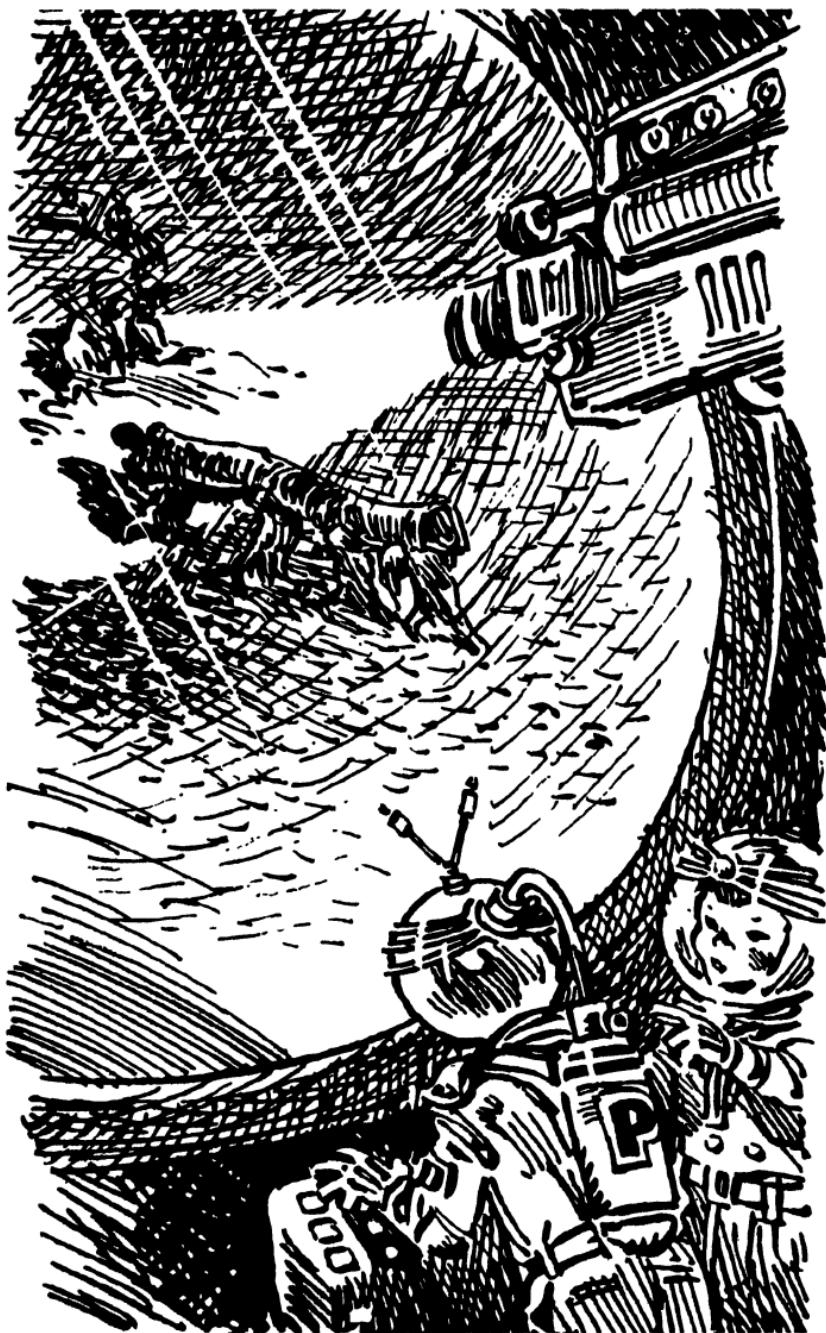
— Алиса, посмотри! — раздался громкий голос Юдзо.

Алиса обернулась к иллюминатору, который смотрел на учебный катер.

Она увидела, как Посейдон подходит к кораблю, неся скафандр Юдзо.

Но мальчика взволновало не это.

— Что случилось? — спросила Алиса.

От стены кратера к кораблю спешили какие-то фигуры.

— Поверни прожектор правее! — попросил Юдзо. — Еще правее. Видишь?

Луч прожектора выхватывал из темноты остовы кораблей, каменные глыбы, изломанные клочья металла... И вдруг Алиса уловила движение. От стены кратера к кораблю спешили какие-то фигуры. Непонятные существа были в черном, и потому трудно было разобрать, что они из себя представляют.

В этот момент открылась дверь переходника и со скафандром в руке появился Посейдон.

— Гляди, Посейдон! — позвала его Алиса.

Тот сразу понял, в чем дело, кинул скафандр мальчику, а сам бросился к пульту, чтобы включить увеличение на экране.

— Полина, — сказал он, вглядываясь в бегущие фигуры, — мы видим людей. Они двигаются к «Сакуре» и к нам.

— Очень хорошо, — сказала Полина, — я выхожу им навстречу. Значит, здесь работает какая-то неизвестная нам лаборатория.

— Осторожнее, Полина! — вмешалась в разговор Алиса. — Хоть Посейдон не верит, я все равно думаю, что здесь космические пираты. Неужели может быть лаборатория, которая разбивает и грабит корабли?

— Внимание! — произнес Посейдон. — Это не люди.

— А кто? — спросила Полина.

— Это пришельцы. Может быть, тебе остаться в «Сакуре»?

Но было видно, что Полине не удастся

скрыться. Темные существа разделились на две группы. Одна из них спешила к «Арбату», другая бросилась к «Сакуре».

— Они идут к тебе, — сказал Посейдон. — Полагаю, что они следили за нами и знают, что ты на борту «Сакуры». Я иду к тебе на помощь.

— Оставайся на корабле, — сказала Полина.

— Не могу. Ты в опасности. «Арбат» можно закрыть, и ребята продержатся в нем до моего возвращения. Ты беззащитна.

И, не тратя больше слов, Посейдон направился к переходной камере.

— Я тоже выхожу, — услышала Алиса голос Полины. — А то я себя чувствую в этой коробке, как крыса в ловушке.

— Посейдон пошел к тебе, — сказала Алиса.

Она смотрела, как Посейдон большими шагами спешит по открытому пространству. Потом они увидели и Полину. Полина вышла из «Сакуры» как раз в тот момент, когда к «Сакуре» подбежали первые из черных фигур.

— Кто вы? — успела спросить Полина.

И тут же черные фигуры накинулись на Полину, словно стая волков на оленя, и повалили ее на камни.

— Посейдон... — И тут же связь оборвалась. Видно, черные существа сорвали со шлема антенну.

Посейдон несся к Полине громадными прыжками. Но достичь ее не смог.

Несколько черных фигур встретили его, и

он ударился о них, смял ближайших противников, но не выдержал тяжести остальных.

— Внимание, Алиса! — донесся до рубки его голос. — Из корабля не выходить. Я временно прекращаю сопротивление, чтобы проникнуть в астероид вслед за Полиной. Ждите меня...

На этом прекратилась и связь с Посейдоном.

В рубке царила тишина.

Алиса и Юдзо остались совсем одни.

7

Алиса заметила, что Юдзо спешит, натягивает скафандр. Она подумала, что и ей не мешает одеться. Может, придется выйти из корабля. Она побежала к шкафу, чтобы снять последний скафандр.

— Следи, чтобы они не подошли! Будешь мне говорить, где они! — крикнула она Юдзо.

Добежав до шкафа, она остановилась. Нет, сначала надо запереть корабль. Она поднялась на цыпочки, чтобы включить экстренный запор. На любом корабле есть эта система электронной блокировки — когда она включена, люк не поддается никакому ключу. Только разрезав обшивку корабля, можно в него проникнуть.

— Они идут сюда, — сказал Юдзо.

— Все?

— Нет. Почти все потащили к стене Полину и Посейдона. А три идут сюда.

— Эх, жалко, у нас нет бластера, — сказала Алиса.

— Да, — согласился Юдзо. — Сейчас бы мы их расстреляли.

— А вдруг... — Алиса задумалась, держа в руках скафандр. У нее буйное воображение, и она умеет придумывать невероятные объяснения событиям. — А вдруг этот астероид управляемый? А черные существа — местные спасатели? Только они не из нашей системы и не знают языка. Вот они и вытаскивают из кораблей всех, кто терпит крушение, чтобы спрятать их внутри астероида.

— Я не верю! — сказал Юдзо. — Спасатели не наваливаются на людей, как звери.

Алиса натянула скафандр, надела шлем, но пока что не стала опускать забрало. Это можно сделать в одну секунду.

— Они подошли к кораблю, — сказал Юдзо.

— Посмотрим, что они будут делать, — ответила Алиса.

Ждать пришлось недолго. Раздался удар в люк. Потом еще один, посильнее первого.

— Козлятушки, ребятушки, — сказала Алиса, — это я пришла, молочка принесла.

— Что ты говоришь? — удивился Юдзо.

— Это детская сказка, ты ее не знаешь. Один волк переоделся козой и пришел в дом к козе, чтобы съесть ее детей.

— Я знаю такую сказку, — сказал Юдзо.

— Только нас не обманешь, — сказала Алиса.

Следующий удар был сильнее.

— Чем они стучат? — подумал вслух Юдзо. — Что, у них кулаки железные?

Удары следовали один за другим, однообразно и монотонно.

— Если они не совсем идиоты, — сказала Алиса, — то они что-нибудь придумают.

И как бы в ответ на ее слова к кораблю подошли еще несколько черных существ. Один из них притащил нечто вроде бластера, но с длинным стволом.

Узкий белый луч вырвался из бластера и коснулся люка.

— Прожгут, — сказала Алиса. — Наверняка прожгут.

— Мы будем сражаться, — сказал Юдзо.

— А какая польза? — спросила Алиса. — Если они Посейдона одолели, то ты недолго продержишься.

— А что делать? Лучше погибнуть с честью.

— Логика не для меня, — сказала Алиса. — Я еще школу не кончила. Надевай шлем.

Пока Юдзо, поглядывая в иллюминатор, за которым черные существа настойчиво сверлили обшивку «Арбата», надевал шлем, Алиса откинула угол ковра в кают-компании. Там, она знала, был небольшой люк, который вел в технический отсек «Арбата». Как-то при ней Посейдон лазил туда, чтобы проверить системы отопления.

Юдзо пролез в люк первым, затем туда же спустилась Алиса, закрыв за собой люк таким образом, чтобы, когда она его закроет, угол ковра опустился на старое место. Она не

видела, удалось ей это или нет, — люк захлопнулся. Было так тихо, что слышно было, как часто дышит Юдзо.

Алиса включила на минуту шлемовый фонарь.

Отсек, в котором они спрятались, был низким и тесным, хотя и очень длинным. Вдоль него тянулись воздуховоды, трубы опреснителей, отопительные шланги. Алиса поманила Юдзо за собой, и они отползли подальше от люка.

— Теперь тихо, — прошептала Алиса, — молчи, что бы ни случилось.

Ждать пришлось недолго.

Минут пять.

Сначала они ощутили движение воздуха. Это значило, что черные существа, которых Алиса про себя называла бандитами, все же вскрыли люк «Арбата». Воздух сразу вылетел из корабля, как вылетает пузырь воздуха, если быстро опустить под воду кувшин. Правда, из отсека, в котором укрылись Алиса с Юдзо, воздух вылетел не так быстро — хотя он и не был герметичным, но щели и каналы, которыми он сообщался с основными помещениями корабля, были невелики, и воздуху потребовалось несколько секунд, чтобы выбраться из отсека. Скафандры ребят мгновенно приспособились к изменению давления, но Алиса привычно ощущала переход в вакуум, подобный тому, как бывает, когда выходишь из корабля в открытый космос.

Потом послышались шаги.

Но Алиса услышала их не ушами — звуки не распространяются в вакууме. В космосе всегда царит тишина. Но вибрацию пола под тяжелыми шагами бандитов они почувствовали.

И если приложить руку в перчатке к потолку отсека, то можно угадать каждый шаг тех, кто наверху.

Бандиты довольно долго ходили по кораблю. Потом корабль начал содрогаться сильнее, рывками, и Алиса не сразу сообразила, что бандиты занялись грабежом. Они отламывают, вырывают, отвинчивают приборы и вещи и уносят с собой.

Потом внезапно появилась над головой, там, где был люк, тонкая круглая полоска света. Значит, кто-то отвернул ковер. Алиса замерла, ожидая, что сейчас бандит откроет люк.

Но этого не случилось. Вместо этого вскоре наступила тишина. Корабль опустел.

— Что делать? — спросила Алиса.

— А что? — не понял Юдзо.

— Я думаю, что они ушли, потому что унесли с корабля разные вещи. Но, вернее всего, они вернутся. И тогда обязательно залезут в этот отсек. Боюсь, что нам здесь не отсидеться.

— Тогда давай вылезем, — сказал Юдзо. — Мне тут надоело.

— У нас мало времени, — сказала Алиса и поползла к люку. — Ведь они могут работать в несколько смен. Одни уходят, другие приходят. Мы не знаем, сколько их здесь всего.

Сказав так, Алиса открыла люк и, осмотрев-

шись, быстро вылезла наружу. Следом за ней выбрался Юдзо.

На корабле никого не было. Но за те минуты, пока бандиты бесчинствовали на нем, корабль преобразился. Исчезли приборы, посуда, даже мебель, простыни и одежда, пульт управления стал скелетом пульта. Даже ковер унесли.

Алиса кинулась к иллюминатору. Прожектор теперь не горел, но ей удалось увидеть смутные тени бандитов. Они удалялись к стене кратера. Они шли цепочкой, волоча добычу. Два последних бандита несли свернутый в трубку ковер из кают-компании.

— Пошли, — сказала Алиса.

— Куда? На «Сакуру»? — спросил Юдзо. Хоть Полина и сказала, что на «Сакуре» ничего нет, он хотел туда попасть: а вдруг Полина упустила что-то важное, какое-то послание, предназначеннное только для глаз Юдзо.

— Нет, — сказала Алиса. — Я думаю, лучше всего нам пойти за бандитами. Надо увидеть, как они попадают внутрь астероида.

— А если они нас увидят?

— Если боишься, иди на «Сакуру» и сиди там, жди.

— Я ничего не боюсь, — обиделся Юдзо. И первым пошел к люку.

Люк был сорван и валялся на камнях рядом с кораблем.

Они вышли из корабля и быстро пошли следом за бандитами.

Полина не заметила, как открывается дверь внутрь астероида. Хоть и старалась это сделать. Виной тому были черные безликие существа, которые тащили ее к стене кратера, мешая друг другу, суетясь и толкаясь. Они напоминали Полине муравьев, которые тащат к муравейнику пойманного жука. Вроде бы бестолковы, но постепенно жук все же продвигается к муравейнику.

Открылся первый люк, существа остановились, ожидая, видно, когда уравновесится давление. Затем открылся второй люк. Полина поняла, что внутри астероида есть воздух.

Она оказалась в темном коридоре, и ее снова потащили вперед.

Шагов через сто впереди забрезжил слабый свет. Под потолком коридора мерцала слабая лампа. При свете ее было видно, что коридор высыпан в породе, причем сделано это не очень аккуратно и стены были не облицованы. Вдоль них тянулись кабели, провода, на всем была пыль, и Полина ощущала атмосферу запустения.

Полина старалась разглядеть своих противников, но света было мало, а фонарь в шлеме она не решилась включить, опасаясь, что его разобьют, ведь догадались они сорвать антенну внешней связи.

Вскоре встретилась еще одна лампа. Потом Полина увидела ход, ведущий направо. Он был перегорожен невысоким барьером. И ей показалось, что из-за барьера выглядывает бледное

человеческое лицо, скорее всего лицо ребенка. Она не была уверена, видела ли она это лицо в самом деле или ей только показалось. Существа не давали ей ни секунды покоя — теребили, толкали, тянули вперед.

— Да не толкайтесь вы! — сказала Полина. — Я и так иду. Хоть бы объяснили, что вам от меня надо.

Однако ее слова не возымели никакого действия на черных существ. Они все так же тянули ее вперед. Еще через несколько метров Полина почувствовала, что пол пошел вниз, она чуть не упала от резкого толчка.

Впереди открылась дверь.

За нею было полутемное помещение, куда существа и втолкнули Полину.

Дверь со скрежетом задвинулась, отрезав Полину от коридора.

Она была одна.

Единственный неяркий светильник под потолком с трудом освещал обширное помещение. Серые стены, серый пол, серый потолок. В углах свалено тряпье, разбитая чашка лежит посреди пола, кукла без руки, и почему-то у стены кучей — музыкальные инструменты: помятая, тускло сверкающая туба, флейта, скрипка с оборванными струнами и даже виолончель.

Полина ни до чего не дотрагивалась. Она медленно обошла комнату, чтобы убедиться, что она здесь одна, и выяснить, есть ли отсюда другой выход. Да, никого, кроме нее, нет. Но и выхода другого тоже нет. Стены гладкие,

сплошные, лишь в одном месте над головой небольшое, забранное решеткой отверстие вентиляционного хода.

Неожиданно, как раз под этим отверстием, Полина увидела выцарапанную чем-то острым надпись: «Мы с «Громкого смеха». Люди, уничтожьте это гнездо...» Неподалеку была еще одна надпись, на этот раз черная, написанная углем или тушью: «Сегодня наша очередь. Мы знаем, что никто еще не уходил живым из когтей ледяного дракона. Прощайте...»

Полина непроизвольно обернулась. Ей показалось, что кто-то заглядывает ей через плечо. Но никого нет, просто тишина, и без того зловещая, сгустилась, словно холодный кисель.

Полине стало страшно. Она бросилась к двери, принялась молотить в нее кулаками и кричать:

— Выпустите меня! Вы не имеете права!
Немедленно отпустите меня!

* * *

Алиса и Юдзо не спешили. Они не хотели приближаться к бандитам.

Но те не оглядывались. Они были заняты — тащили к стене награбленное барахло.

Так, перебежками от корабля к кораблю, Алиса с Юдзо добрались почти до самой стены, но тут они чуть было не попались. В тот момент, когда бандиты скрылись в отверстии, обнаружившемся в стене, и дети вышли на открытое место, чтобы последовать за ними,

дверь в стене вновь открылась и оттуда выско-
чили три других бандита.

К счастью, неподалеку возвышался круглый
борт мертвого корабля, и Алиса, дернув за руку
Юдзо, упала на камни и замерла. Юдзо сооб-
разил и последовал ее примеру.

Видно, бандиты и не ожидали увидеть здесь
кого-нибудь. Они спешили, бежали трусцой,
подобно муравьям на тропе добычи.

— Ну что, будем ждать? — спросил Юдзо.

Надо было решать быстро.

— Нет, — сказала Алиса. — Мы не знаем,
сколько придется ждать и когда они утомят-
ся. А наши там, внутри. И может быть, твой
отец.

— Мой отец наверняка там, — сказал Юд-
зо. — Пошли?

Они подбежали к тому месту в стене, где
скрылись бандиты.

Алиса на секунду включила шлемовый фо-
нарь и увидела в его свете тонкую черную
полоску в сглаженной породе — очертание
большого люка. Рядом с ним — выпуклость, до
которой, как она заметила, дотрагивались бан-
диты, приблизившись к стене.

Алиса поднесла ладонь к выпуклости, и
после секундной паузы люк сдвинулся внутрь,
а затем ушел в сторону.

В переходной камере, куда они попали, было
темно. Алиса включила фонарь и нашла дверь,
ведущую внутрь астероида. Дверь открылась,
как только уравновесилось давление в переход-
нике и астероиде. Алиса бросила взгляд на

браслет-регистратор внешних условий. На нем вспыхнула зеленая искра — воздух пригоден для дыхания, температура плюс семнадцать градусов. Но шлема она откидывать не стала, даже не подняла забрала — мало ли какие микробы могут таиться в этом воздухе.

— Иди на три шага сзади, — сказала Алиса своему спутнику. — Если со мной что-то случится, ты сможешь отпрыгнуть назад.

Через несколько шагов они дошли до поворота коридора.

Коридор был узким, стены холодными и неровными, словно он был вытесан в скале. За поворотом коридор расширялся, в стенах появились ниши и ответвления, но Алиса не рисковала пока заглядывать туда, потому что думала, что основной коридор скорее приведет их к центру астероида.

Освещен коридор был еле-еле. От светильника до следующего светильника было метров по тридцать, а горели они слабо. А так как в нишах и ответвлениях вообще света не было, то все время казалось, что там таятся какие-то существа и настороженно следят за Алисой и Юдзо.

И хоть Алиса была готова к любым неожиданностям, то, что случилось, испугало ее смертельно.

Большая тяжелая рука высунулась из черной ниши и опустилась ей на плечо.

Алиса ахнула и присела. Она даже не смогла убежать — ноги подкосились от страха.

Юдзо налетел на нее.

— Что? — спросил он сдавленным голосом.

— Тише, — ответил кто-то. Тот, чужой голос донесся откуда-то сверху, будто с потолка. — Ни звука.

И тогда из ниши вышел Посейдон.

Когда Алиса поняла, что это друг, ноги отказались ее держать и она вынуждена была прислониться к роботу. Металл его ног был гладким и теплым.

— Посейдончик, — прошептала Алиса. — Нельзя так пугать.

— Прости, — ответил робот, — но у меня не было возможности кричать тебе издали, чтобы ты не боялась. Я с трудом справился с первой партией моих друзей и двоюродных братьев. Следующая партия может оказаться решительней.

— Что это значит? — спросил Юдзо, которого Посейдон не испугал.

— Есть глаза, гляди, — сказал Посейдон и включил на полную мощность свой шлемовый фонарь.

За поворотом в глубокой нише лежали грудой, именно грудой, другого слова не подберешь, несколько бандитов. Черные тела перепутались ногами и руками, некоторые были вообще без голов.

— Ой! — воскликнула Алиса. — Ты совершил страшное преступление! Робот не может убивать человека. Что с тобой, Посейдон?

— А если они враги и убийцы? Я должен терпеть?

— Врагов и убийц должен судить суд, — сказала Алиса.

— Где суд? Покажи мне его. Куда доставить преступников? Как уговорить их, что им надо быть паиньками и идти, куда им скажут?

— Я понимаю, но все равно так не бывает.

Юдзо присел на корточки и внимательно разглядывал убитых.

— Это же не люди! — вдруг заявил он.

— Умница! — Посейдон громко захохотал, довольный тем, что провел Алису. — Как только я понял, что они роботы, не больше как слепые машины, тут я взялся за дело по-настоящему. На открытом месте они, конечно, сильнее меня и могли бы разобрать меня на части. Но в узком коридоре я куда сильнее. А почему?

— Потому что вы умней, робот-сан, — сказал Юдзо.

— Я рад, что с тобой встретился, — сказал Посейдон. — Мне очень приятно познакомиться с таким сообразительным молодым человеком.

— А вы не видели моего отца? — спросил Юдзо.

— Когда? Я тут такой же новичок, как и вы.

— А Полина, где Полина? — спросила Алиса.

— Полину будем искать. И профессора Комуру будем искать. И всех найдем. Только сначала я хотел бы познакомиться с теми, кто натравливает бездушных роботов на честных космических путешественников. И поговорить с ними серьезно.

Робот отодвинул в сторону отломанную руку одного из бандитов, и из нее выкатилась Алисина чашка. Алиса подхватила ее.

— Удивительное дело! — сказала она. — И при посадке не разбилась, и здесь уцелела.

— Ты еще напьешься из нее чаю, — пообещал Посейдон.

В тишине подземелья послышался отдаленный топот.

— Жаль оставлять поле боя, — сказал Посейдон. — Но полагаю, что разумнее всего отступить. Война не в наших правилах.

Они поспешили вперед, где Посейдон высмотрел узкий ход в сторону. Там и затаились, выключив фонари.

Через минуту мимо них пробежали вереницей несколько черных роботов. Потом их шаги оборвались. Слышны были щелкающие короткие звуки, которыми обменивались роботы. Скрип и грохот — видно, они растаскивали груду своих собратьев, стараясь понять, что же произошло.

— Сейчас они сообразят, что у них на астероиде завелся враг, — прошептал Посейдон. — Так что нам лучше не ждать здесь. Чем будем дальше отсюда, тем лучше.

И они побежали по коридору, стараясь выбирать менее освещенные узкие ходы, чтобы запутать следы погони.

Алисой и Юдзо, неизвестно, где Посейдон, неизвестно, наконец, где же она находится и почему ее заточили в этой камере. И, главное, неизвестно, что же случилось с теми людьми, кто был здесь раньше, до нее.

Полина поднялась и снова стала стучать в железную дверь.

— Выпустите меня! — кричала она. — Кто ваш начальник? Я требую, чтобы вы меня отвели к нему.

— Молчать! — послышался голос из-за двери. — Ты мешаешь отдыхать ашиклекам.

— Кому?

Никакого ответа.

Полина оглянулась в поисках чего-нибудь крепкого, может, палки или бруска, чтобы сильнее бить в дверь. Ей на глаза попалась помятая, но в общем целая туба — громадная завитая труба, оставшаяся от группы «Громкий смех».

Она взяла тубу, вспомнила, как надевают ее через голову оркестранты, нашла мундштук и после нескольких неудачных попыток смогла исторгнуть из нее низкий громкий звук.

Она почувствовала, как этот звук проник сквозь дверь и разнесся по всему астероиду.

Звук проник так далеко, что бежавшие по коридору за несколькими стенами робот и его спутники услышали этот звук.

— Ты слышишь, Посейдон? — спросила Алиса. — Здесь есть люди.

— Почему ты так решила? — удивился

робот. — Разве на астероиде нет своих музыкантов?

— Жалко, — ответила Алиса. — Я не думала, что может играть кто-то другой. У твоего отца нет трубы?

— Нет, — удивился Юдзо. — Он никогда не играл на трубе.

— Стой! — Алиса замерла.

В этот момент Полина, которая пробовала извлекать из трубы разные звуки, смогла изобразить первые ноты из известной детской песенки «В лесу родилась елочка».

— Да, — вынужден был согласиться Посейдон. — Труба у них может быть, но эту песню они вряд ли знают. Давайте попробуем пробиться в этом направлении.

Но сделать им этого не удалось. Как только они свернули в проход, который вел к неведомому музыканту, они увидели, что оттуда на встречу им спешат черные роботы. Пришлось бежать обратно.

А Полина все продолжала играть, пока не устала. Из-за двери не доносилось ни звука. Зато, когда она положила тубу на пол, услышала тихий голос, который донесся сверху.

— Вы меня слышите?

— Да. — Полина обернулась на голос. Он доносился из вентиляционного хода, забранного решеткой. — Кто вы такой?

— Подойдите поближе.

Полина прислушалась.

— Я такой же пленник этого астероида, как и вы, — продолжал голос. — Вам грозит смер-

тельная опасность. Вам нужно обязательно вырваться из этой камеры.

— Но как? Я проверила все стены. Выхода нет. Скажите, как вам удалось выбраться? Может, я смогу уйти вашим путем?

— Нет, мне удалось убежать, когда нас вели к пропасти. Ждать этого нельзя. Я убежал случайно. Слишком мал шанс. Вам надо действовать сейчас же.

— Как?

— Вы видите в углу кучу тряпья?

— Да.

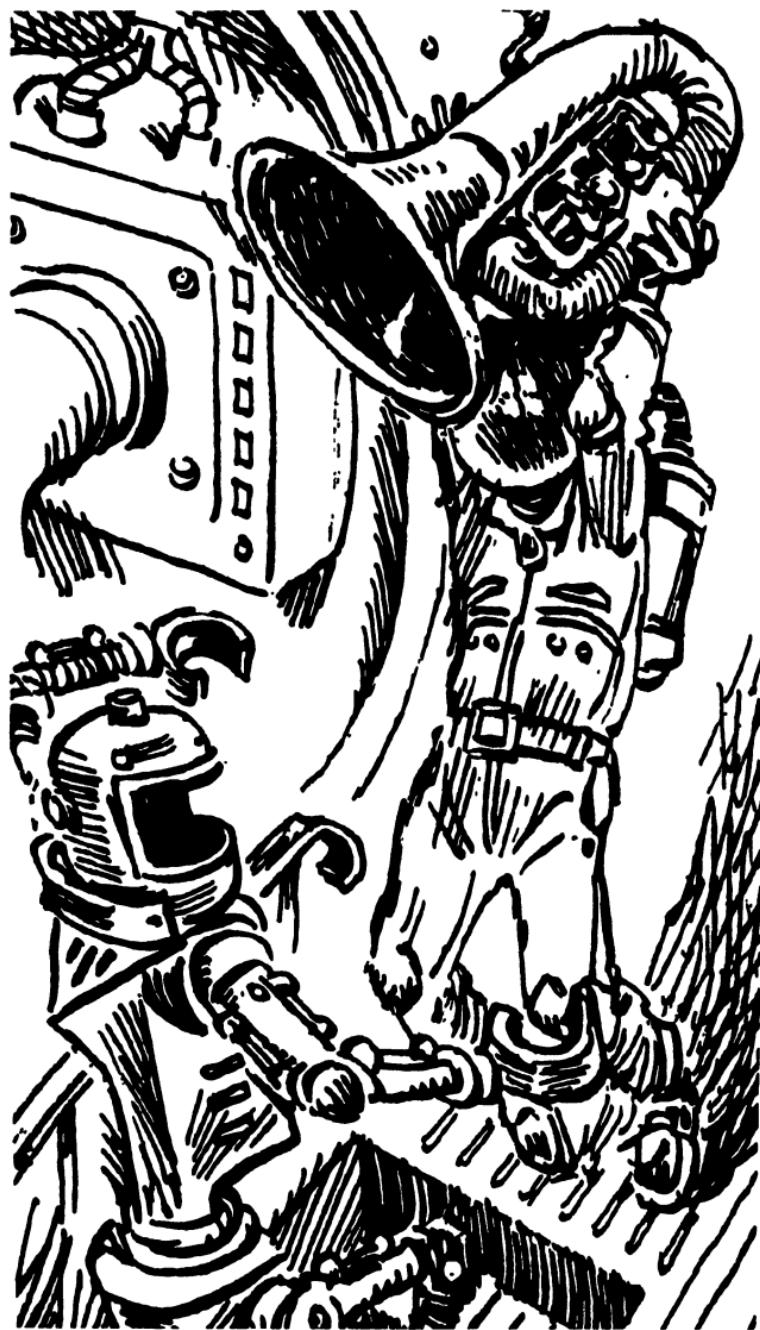
— Под тряпьем спрятан напильник. Вдоль пола, за тряпьем, линия уже пропилена. Те, кто был раньше, старались уйти. Но они не успели. Если вам удастся выпилить отверстие, вы попадете в технический туннель. Я услышу. Ползите по туннелю... Но помните, в вашем распоряжении всего два часа.

Полина почувствовала, что за ее спиной открывается дверь. Она быстро шагнула в сторону от вентиляционного хода, подняла с пола трубу и приставила мундштук к губам.

Робот остановился, будто ударившись о громкий протяжный звук.

— Нельзя! — закричал он. — Мертвый час! Нельзя. Разбудишь!

Полина отскочила в сторону. Робот надвигался на нее, протягивая руки, чтобы отобрать трубу. Полина подняла руки с трубой и со всего размаха надела широкой частью трубу на голову робота, который сразу стал похож на шута в золотом колпаке.

Полина со всего размаха надела широкой частью трубу на голову робота.

От неожиданности ослепший робот нелепо замер, расставив руки, и Полина бросилась к двери. Но опоздала. Оттуда уже бежал на помощь своему товарищу другой робот. Он грубо отбросил Полину и с трудом стащил с головы робота тубу.

Так, с тубой в руках, он и покинул камеру. За ним, развернув голову на сто восемьдесят градусов, чтобы не выпускать Полину из виду, последовал пострадавший.

Когда все стихло, Полина вернулась к вентиляционному ходу и сказала:

— Все спокойно. После короткого боя враги отступили.

Она улыбнулась, вспомнив, как комично выглядел робот с тубой на голове. Она пожалела, что Алиса этого не увидела.

— Все спокойно, — повторила Полина. — Вы меня слышите?

Но в ответ не раздалось ни звука.

Тогда Полина, оглядываясь на дверь, отошла к углу камеры и отодвинула груду тряпья. Под ней, на полу, она обнаружила небольшой напильник.

Невидимый союзник был прав.

В стене, чуть выше пола, была пропилена тонкая полоса. Но надо было сделать еще вертикальные распилы, и работа предстояла долгая и трудная. Делать нечего. Полина присела на корточки и начала продолжать то, что сделали неизвестные ей заключенные этой камеры.

Минут через пять, оторвавшись от погони, Посейдон и его спутники достигли входа в длинный низкий зал, в котором рядами стояли невысокие узкие помосты, покрытые истертыми матрасами. На матрасах лежали и сидели многочисленные существа, совсем другие, чем роботы. Настоящие обитатели корабля, вернее всего, его хозяева.

Правда, вид у них был странный, запущенный, даже жалкий. Большей частью они были одеты в серые хламиды, будто сделанные из мешков с прорезями для тонких рук. Это была их единственная одежда. Из-под мешков высовывались грязные худые ножки. Именно ножки, потому что эти существа ростом вряд ли были выше, чем Алиса, хотя даже при слабом свете этой громадной спальни видно было, что среди них есть не только взрослые, но и старые людишки. Так их называла про себя Алиса — людишками.

Волосы их были длинными, спутанными, глаза тусклыми, движения вялыми, будто сонными.

В проходе между помостами стоял черный робот, на котором был надет желтый передник, а на голове красный колпак. Получилась помесь между нянькой и шутом.

— Вот они, — сказал Посейдон, и явно с облегчением.

— Настоящие люди, — согласилась Алиса.

— Пошли к ним, — сказал Юдзо. — Мы должны с ними договориться, объяснить им.

— Погоди, — сказала Алиса. — Что-то они мне не нравятся.

— Почему?

— Ты веришь, что они в самом деле хозяева этого астероида? — спросила Алиса. — Что они могут управлять этим кораблем, приказывать роботам?

— Внешность обманчива, — сказал Посейдон. — При взгляде на меня никогда не подумаешь, что я заочно окончил четыре университета.

— И все-таки давайте не будем спешить, — сказала Алиса. — Может, встретим одного. С ним и поговорим.

Остальные согласились с Алисой и пошли дальше, хоть и любопытно было понаблюдать за людышками. И буквально через несколько шагов они натолкнулись на одинокого человечка, который задумчиво стоял посреди коридора.

Этот человечек оказался старицком. Тонкая редкая бородка доставала почти до пояса, а лицо было сморщенным, как будто кто-то изрисовал его тонким черным карандашом.

При виде Посейдона человечек не испугался, не убежал, а задумчиво положил в рот грязный палец и принял его сосать.

— Тише, — сказала шепотом Алиса старишку. — Ты не бойся, мы ничего плохого тебе не сделаем... Посейдончик, покопайся в своей голове, на каком бы языке нам с ним поговорить?

Слушая Алису, человечек склонил голову, потом вытащил палец изо рта и потянулся к

звездочке, горевшей на груди у Алисы. Пальцы его цепко ухватили звездочку, и человечек постарался ее отвертеть, что было невозможно сделать, потому что звездочка была пришита к скафандру.

— Нельзя, — сказала Алиса человечку.

Тот даже сморщился от напряжения. Сдаваться он не собирался, и Посейдон сказал:

— Пускай старается, а я пока буду задавать ему вопросы на всех известных галактических языках.

Но Посейдон не успел задать вопросов, потому что, отчаявшись оторвать звездочку, старикашка вдруг обиженно взмыл, ну как маленький ребенок. Причем вопль его был таким пронзительным, что проникал сквозь стены.

Все оцепенели от его вопля.

Первым опомнился Посейдон. Он схватил человечка поперек туловища и кинулся бежать по коридору.

Коридоры стали уже, термометр на запястье Алисы показывал, что температура поднимается.

Вдруг Юдзо остановился и бросился назад.

— Ты куда? — спросила Алиса.

— Не бойся, я сейчас. Кажется, я увидел одну вещь...

Юдзо пробежал несколько шагов назад и наклонился. На полу лежал плоский красный карандаш. Точно такой карандаш был у отца Юдзо. Маленький золотой цветок вишни был выдавлен на его конце.

— Это отец! — воскликнул Юдзо. — Я же говорил, что он здесь!

Юдзо подхватил карандаш и бросился вслед за Алисой.

Надо сказать, что все эти события уместились ну самое большее в минуту. Но и за минуту может многое произойти. Если учесть, что никто из беглецов не знал толком, куда бежать, не знал расположения коридоров и комнат астероида.

Юдзо пробежал несколько шагов и очутился на развилке. Три совершенно одинаковых коридора отходили от главного пути, как растопыренные пальцы руки. Мальчик прислушался. Ему показалось, что визг захваченного человечка доносится из правого коридора, и он, скимая в кулаке карандаш, побежал туда.

И в этот момент визг оборвался.

А случилось это потому, что Алиса крикнула Посейдону:

— Отпусти ты его — он нас выдаст!

— Что? — удивился робот и поглядел на существо, которое билось у него под мышкой. — У меня, очевидно, склероз. Я совершенно о нем забыл.

Посейдон опустил существо на пол, и человечек, возмущенно ругаясь, убежал по коридору обратно.

Тогда Посейдон спросил:

— Нас недостаточно. Где Юдзо?

— Он немножко отстал, — сказала Алиса. — Что-то нашел. Сейчас догонит.

— Почему ты мне сразу не сказала? — спросил Посейдон.

— Я думала, что ты слышишь.

— Наверное, он, — Посейдон показал вслед убежавшему человечку, — так верещал, что я ничего не слышал. Это моя вина. Когда бегаешь по подземельям с детьми, надо обязательно оглядываться и пересчитывать детей.

Алиса не любила, когда ее называли ребенком, но на этот раз она понимала, что не должна была оставлять Юдзо одного. Поэтому она первой побежала назад.

В несколько секунд они достигли развилки, у которой только что останавливался Юдзо. Но они выбежали из среднего коридора, а Юдзо побежал по правому. И в тот момент, когда Посейдон и Алиса стояли в растерянности, не зная, что делать дальше, Юдзо уже был в пленау. В коридоре он столкнулся с тремя роботами, которые подхватили его и так быстро потащили дальше, словно хотели помочь ему бежать. У Юдзо перехватило дыхание.

Посейдон закричал:

— Юдзо! Юдзо Комура!

В ответ с разных сторон послышался топот. Топот железных ног.

Ничего не оставалось, как кинуться в левый коридор.

Преследователи были все ближе.

Посейдон крикнул:

— Беги, Алиса, я задержу их!

— Никуда я не побегу, — ответила Алиса. — Куда мне одной деваться?

К счастью, в ту же секунду Алиса увидела сбоку узкую щель, а за ней лестницу вниз.

— Посейдон, сюда! — крикнула она.

Алиса проскочила в щель, Посейдон с трудом протиснулся следом.

Они сбежали по лестнице вниз — лестница вилась винтом, ступеньки ее были ржавыми, как будто здесь давно уже никто не ходил.

Снизу доносились какое-то жужжание.

Лестница привела их в новый коридор, на этот раз пол его состоял из квадратных железных плит. Шаги по ним отдавались гулко — под плитами была пустота.

Через двадцать шагов впереди неожиданно возникла глухая стена.

Сзади гулким грохотом гремели шаги роботов, которые сбегали по лестнице.

Посейдон, поняв, что дальше отступать некуда, развернулся, готовый к бою. И тут одна из плит у их ног отодвинулась в сторону, и оттуда послышался голос:

— Скорее, вниз!

Под плитой было темное пространство, куда вела железная лесенка. Алиса первой спустилась по ней, цепляясь за перекладины.

За ней съехал по лесенке Посейдон, который, хоть и казался тяжелым и неуклюжим, а на самом деле был ловчее любого человека. Как-то он даже совершенно серьезно готовился выступать вне конкурса на олимпиаде по десятиборью. И уверял, что чемпионом бы не стал, но достойное место сумел бы занять.

Больше того, Посейдон, подчиняясь голосу, успел задвинуть плиту.

Все замерли.

И вовремя. Сверху слышны были шаги. Вот они прогремели по плитам, прямо над головой. Утихли. Это означало, что преследователи остановились у глухой стены. Раздались гулкие удары — можно было догадаться, что роботы проверяют, нет ли в стене отверстия.

Потом, после паузы, снова послышались шаги. Они двигались в обратном направлении. И были куда медленнее и тише. Словно роботы были подавлены и разочарованы. Вот они уже цокают, удаляясь, по ступенькам винтовой лестницы... И тишина.

— Вроде обошлось, — тихо сказал Посейдон.

— Я рад, что смог вам помочь, — ответил тихий голос.

Раздалось шуршание, что-то щелкнуло, и потом вспыхнул маленький желтый огонек. На пустом ящике посреди помещения, куда они попали, стояла плошка, налитая какой-то жидкостью. В ней фитиль. Вот эта коптилка и загорелась, давая слабый, неверный свет.

Огонек осветил лицо старика. Худое, изможденное, усталое.

Длинные черные с сединой волосы спадали на щеки.

Старик был оборван, лицо его почернело, но яркие живые черные глаза горели.

Полина отчаянно пилила стену. Тонкая щель удлинялась так медленно, что ясно было — не только за два часа, но и за двое суток ей не выпилить отверстия. Но она не сдавалась.

Руки Полины онемели, и ей пришлось несколько раз прервать свою отчаянную работу, чтобы отдохнуть. Железная пыль перепачкала руки, а кожа на правой ладони вспухла и даже пошла кровь.

Вжик-вжик — звучал напильник, и от этого однообразного звука звенело в ушах. Полина была так поглощена работой и так старалась заставить себя пилить и дальше, хоть рука отваливалась, что не услышала, как дверь в камеру снова отворилась.

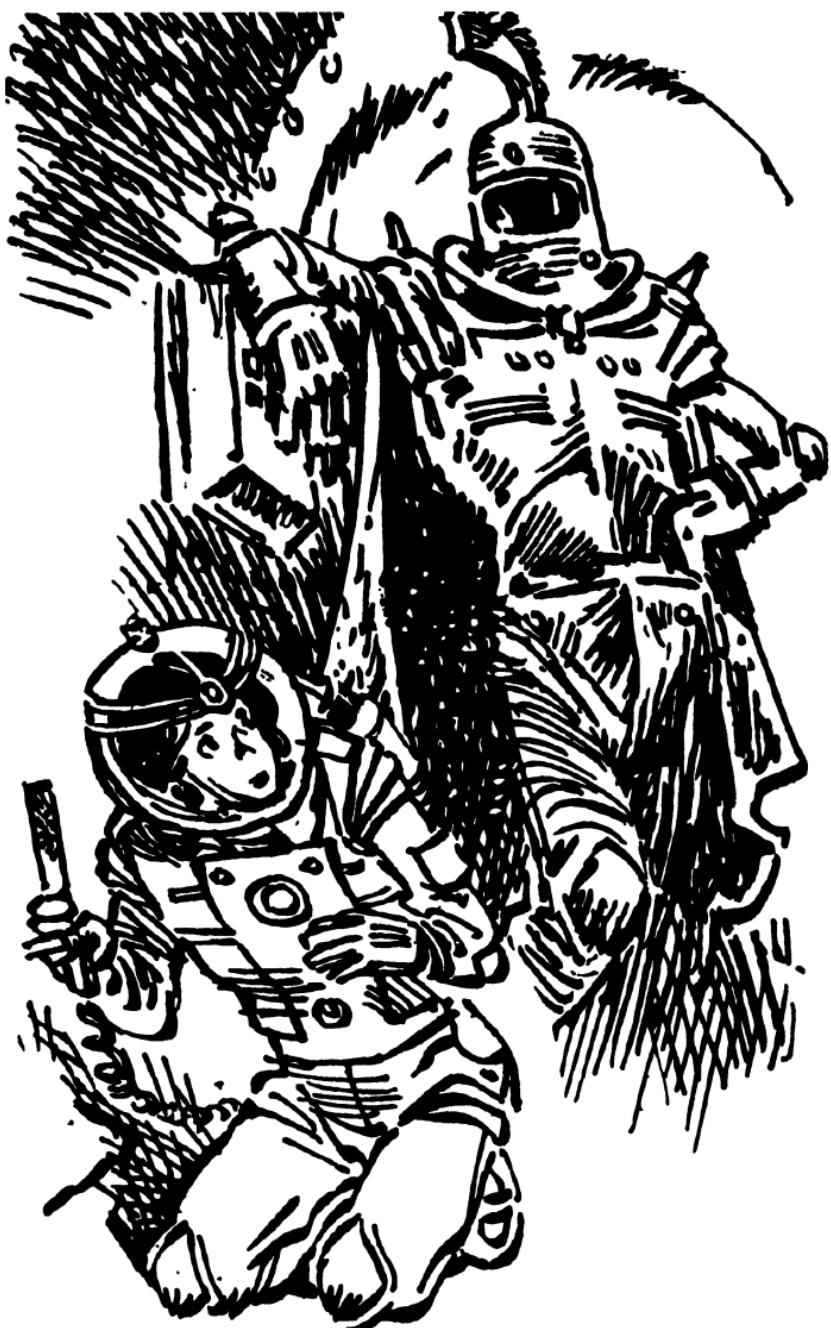
— Человек, — раздался громкий резкий металлический голос, — прекрати свою работу. Ты портишь мой корабль, и пользы от твоей работы нет, потому что тебе никогда не убежать от меня.

Полина вскочила, обернулась, стараясь спрятать напильник за спину.

В камере стояло новое существо.

Вернее всего, как подумала Полина, это тоже был робот. Только выше других и страшнее.

Он был весь в черном, но сверху на него был накинут длинный широкий плащ, а на голове был блестящий антрацитовый шлем с высоким гребнем. Лицо его было таким же черным, как у роботов, и пустым — без глаз и

— Человек, — раздался громкий резкий
металлический голос, — прекрати свою работу.

рта. И потому нельзя было понять, откуда исходит голос.

— Мне интересно наблюдать за вами, — сказал большой робот. — Вы странные существа, вы суетитесь и к чему-то стремитесь. А это никому не нужно.

— Вы кто? — спросила Полина.

— Я — Хозяин, — ответил черный робот. — Я главный здесь. Я правлю этим миром, и этот мир трепещет передо мной.

— Если это так, то вы должны выпустить меня.

— Почему?

— Потому что я не принадлежу к вашему миру, — сказала Полина. — Я не хотела к вам попасть. Мы летели своим путем...

— Вы пролетали слишком близко от меня, — сказал Хозяин. — И я вас заставил покориться мне.

— Зачем?

— Чтобы взять ваше добро, чтобы развлечь и утешить моих подданных. Чтобы поглядеть на вас вблизи, потому что я любопытен.

— Вы тоже робот? — спросила Полина, подходя поближе и приглядываясь к Хозяину.

— Я знаю, что это глупое слово придумали на Земле. Я все время его слышал от тех, кто был здесь раньше тебя и кого теперь уже нет. Мне даже сказали, что его придумал много лет назад земной сочинитель историй по имени Карел Чапек. Робот — это железная машина, раб людей, который выполняет их приказы. Значит, я не робот.

— Вы живое существо?

— Живое, потому что я мыслю.

— Но сделанное другими живыми существами?

— Когда-то был сделан тот, кто сделал меня.

— Ясно, — сказала Полина, — робот второго поколения. И зачем вы были сделаны?

— Чтобы заботиться, охранять и вести вперед.

— Значит, у вас есть долг?

— Долг?

— Назовите это заданием.

— У меня есть долг-задание, — согласился черный Хозяин. — Мой долг управлять этим миром и сделать так, чтобы ашиклеки были счастливы.

— Ашиклеки — ваши хозяева? Настоящие хозяева?

— Ашиклеки — это существа, подобные тебе. Они теплые, в их жилах течет кровь, они глупы, непостоянны, слабы. Я делаю их счастливыми.

— Потому что подчиняешься им и служишь им?

— Я никому не подчиняюсь и никому не служу, — ответил черный робот. — Но без моей заботы ашиклеки умрут.

— Тогда позовите сюда ашиклеков, — сказала Полина. — Я буду разговаривать с ними, а не с машиной.

— Ты глупое существо, — ответил черный робот. — Я думал, что ты достойна, чтобы остаться живой и помочь мне в великом деле. Но ты ничего не понимаешь.

— Нет, — сказала Полина, — я поняла. Ты просто сломавшийся робот. Робот с манией величия.

— Возмущение и обида несвойственны мне, — ответил черный Хозяин. — Называй меня как угодно. Я господин этого мира, и нет предела моему могуществу.

— Странно, робот с заржавевшей программой. — Полина не могла не улыбнуться. Страх, охвативший ее при виде этого существа, давно прошел. Страшно то, чего не понимаешь. И, словно осознав, что для этой женщины он не господин, а лишь машина, Хозяин повысил голос и загремел на всю камеру:

— Когда тебя будут рвать когти ледяного дракона, ты вспомнишь о своих необдуманных словах, ты горько раскаешься. Я не могу прощать оскорблений, но не потому, что они меня задевают, а потому, что мой авторитет должен быть незыблем. Я — бог. Я — Хозяин! Все должны трепетать передо мной.

— Слава Хозяину! — дружно воскликнули остальные роботы. — Слава его мудрости!

Но эта сцена была прервана в самом разгаре. В коридоре послышался шум. Два робота втащили отчаянно сопротивляющегося Юдзо.

Хозяин резко обернулся, несколько секунд смотрел в упор на мальчика безглазым черным лицом и потом сказал:

— Еще один? Где вы его нашли?

— Он был один. Мы нашли его в коридоре.

— Это хорошо. Развлечение будет более веселым.

Роботы отпустили мальчика, и он не удержался на ногах. Полина подхватила его. Юдзо узнал Полину и начал быстро говорить, забыв о том, что вокруг стоят роботы:

— Полина, мой отец здесь! Он жив. Я нашел его карандаш. Смотрите, вот он!

— Какой отец? — раздался голос Хозяина.

— Тебе показалось, Юдзо. Это другой карандаш, — быстро сказала Полина. Но Юдзо ее не понял.

— Я узнал карандаш отца...

— На корабле еще остались посторонние! — взревел Хозяин. — Немедленно отыскать. Перевернуть весь корабль! Я вас всех разберу, если не найдете его.

— Позволь, великий Хозяин, — сказал один из роботов, делая шаг вперед. — Я полагаю, что спешить не надо. Эти существа отличаются большой привязанностью друг к другу. Есть ли смысл искать то, что трудно найти? Сегодня мы отведем их к ледяному дракону. И не будем делать из этого тайны. И тогда его отец прибежит к нам сам. А мы будем к этому готовы.

— Разумеется, идея, достойная моего слуги, — сказал Хозяин.

Он направился к двери, но около нее остановился и обратился к Полине:

— Готовьтесь к ужасной смерти, ничтожные клочки протоплазмы.

Дверь закрылась, но Полина и Юдзо были не одни. С ними в камере остался один из

роботов, который встал возле того места, где Полина пыталась вышилить люк.

Полина отвела мальчика к куче тряпья, села и посадила его рядом.

Мальчик не плакал, но был бледен и подавлен.

— Я сделал глупость, — произнес он. — Надо было молчать, но я так обрадовался...

— Да, лучше было промолчать, — согласилась Полина. — Только теперь поздно из-за этого расстраиваться. А где остальные?

Мальчик наклонился к Полине и начал шептать ей на ухо.

Робот сделал шаг к ним ближе, но ничего не услышал, а так как у него не было приказа, что надо делать в таком случае, то, постояв немного, он вернулся к отверстию.

12

Вернее всего, здесь когда-то был склад. От него остались раскрытые контейнеры, кучи пластиковых мешков, разбитые ящики. Ящик, служивший столом, стоял посреди расчищенного пространства, и рядом с горящей плошкой была видна миска с кашей и кружка с водой.

— Ваше счастье, — сказал стариk, — что вы побежали в эту сторону. Иначе я бы не смог вам помочь.

— В самом деле, нам повезло, — согласилась Алиса, прислушиваясь к удаляющимся шагам наверху. — А вы тут живете? Почему? Вы же не робот.

— Слишком много вопросов, — улыбнулся старик. — Я здесь такой же случайный гость, как и вы. Не по своей воле.

— Вы тоже потерпели крушение? — спросил Посейдон.

— Да. Я попал в ловушку. Меня перетащили в камеру, где еще были другие люди. Музыканты. Ансамбль «Громкий смех». Мы вместе сидели там около недели и совершенно не знали, что с нами будет. Видели мы только роботов. А потом они нам сказали, что нас убьют. Что нас кинут в ледяную бездну. Мы не знали, что это такое, мы хотели убежать. Убежать, когда нас поведут туда. Но удалось это сделать только мне. С тех пор второй месяц я скрываюсь здесь.

— А они? Музыканты? — спросила Алиса.

— Их больше нет, — сказал старик.

— Но как же вы здесь прячетесь? — спросил Посейдон. — Почему они вас до сих пор не нашли?

— Этот астероид очень велик и стар, — сказал старик. — К счастью, здесь много пустых заброшенных помещений, о которых не знает даже Хозяин.

— Кто?

— Хозяин корабля. Это робот. Но в отличие от остальных роботов он связан все время с кибернетическим мозгом корабля, и он как бы его продолжение. Ему подчиняются все — и роботы, и ашиклеки.

— Простите, — сказал Посейдон. — Так как мы попали сюда недавно, чуть больше часа

назад, то мы еще много не знаем. И ваши слова для нас не несут информации. Скажите нам, кто такие ашиклеки?

— Я знаю, — сказала Алиса. — Это такие людишки. Одного мы взяли с собой, но потом отпустили.

— Девочка права, — сказал старик. — Ашиклеки — это и есть космонавты.

— Совершенно не похожи, — сказала Алиса.

— Алиса, — вмешался Посейдон, — если ты будешь перебивать, то мы два дня здесь пропадим, а нам надо действовать.

— Вы правы, — сказал старик. — Времени у нас немного. Но мы можем потратить еще несколько минут на рассказ... Может, вы голодны? У меня плохо с едой, вот видите, только каша и вода, хотите?

— Нет, спасибо, — сказала Алиса. — Я не успела проголодаться, а Посейдон, сами понимаете, не ест.

— Я понял, что вы робот, — сказал старик. — А мне приходится воровать пищу у ашиклеков. Когда все стихнет и все отдыхают, я пробираюсь к котлам и выскребаю их...

— Ну рассказывайте, рассказывайте, — сказала Алиса. — Мы просто измучились от этих страшных тайн. Как получилось, что эти пираты захватили этот астероид? И почему их раньше не нашли?

— Пираты? Это не пираты. Это наши братья по разуму. Гости из космоса. Давайте я вам кое-что покажу.

Старик поднялся и пошел в глубину склада

по узкому проходу между контейнерами. Путешествие оборвалось у небольшой винтовой лестницы, которая привела их на следующий уровень. Там был такой же склад, но дальняя стена его была в одном месте почему-то пробита. Из отверстия пробивался луч света. Туда и привел их старик.

Перед глазами Алисы расстилалась большая зеленая поляна. Правда, трава, если приглядеться, была не настоящей, а пластиковой. Искусственными были и кусты, и деревья, и цветы. Низкий потолок над поляной был покрашен в голубой цвет, и на нем были нарисованы облака.

Несколько людышек, точно таких же, как и те, кого они видели раньше, бродили по поляне, другие сидели на пластиковой траве, двое играли в какую-то игру, двигая по доске поочередно большую красную шашку. На берегу стеклянной реки сидели сразу пять человечков и, раскачиваясь, распевали песню. С первого взгляда можно было подумать, что это мирная сцена отдыха разумных существ, но чем больше Алиса смотрела на эту лужайку, тем понятнее становилось, что все это какое-то притворство. Ашиклеки притворялись, что гуляют, притворялись, что отдыхают, даже притворялись, что поют.

— Должны быть ниточки, — вдруг раздался голос Посейдона.

— Я вас не понял, — сказал старик.

— Это же куклы, — сказал робот. — Мари-

онетки, и кто-то должен дергать их за ниточки, чтобы они двигались.

— У вас образное мышление, — сказал старик.

— Я прожил долгую и нелегкую жизнь, — ответил Посейдон. — И понял, что интересно лишь одно — учиться.

В дальнем конце лужайки появился робот в белом передничке, с большой метлой в руке. К удивлению Алисы, он принялся бесцеремонно сгонять этой метлой ашиклеков, подгоняя их к двери.

Ашиклеки огрызались, пытались убежать, но робот ловко гнал их, как ученый пес стадо глупых коров.

— Что он делает? — спросила Алиса.

— Пора обедать, — сказал старик. — Потом у них будет развлеченье...

Старик нахмурился.

— Времени осталось немного, — продолжал он. — Я успею сейчас только рассказать вам в двух словах, что же это за астероид. Остальное — при более удобном случае.

Поляна опустела, постепенно померк свет, и искусственные кусты почернели.

— Когда-то, много столетий назад, из очень далекой звездной системы стартовал космический корабль. Я не знаю, почему он был послан. Может быть, той планете грозило бедствие, может, это была попытка исследовать Галактику. Корабль был снабжен всем необходимым, и было сделано все, чтобы оградить экипаж от труда и забот. Все тяжелые работы

делали роботы, они же готовили пищу, заботились об оранжереях, ремонтировали, убирали, стирали, не говоря уж об управлении кораблем и всеми его системами.

— Откуда вы об этом узнали? — спросил Посейдон.

— Когда-то на корабле была библиотека. Даже роботы забыли к ней ход, а я нашел ее остатки. Там же хранятся документы от тех первых десятилетий путешествия.

— И корабль так долго летел, что стал похож на астероид? — спросила Алиса.

— Нет, сначала это был астероид, который вращался неподалеку от планеты ашилеков. На нем и был собран корабль. Внутри были высверлены помещения, вмонтированы гравитационные двигатели, ведь в открытом космосе неважно, большой корабль или маленький, квадратный или круглый. Раз сопротивления воздуха нет, разогнать песчинку так же легко, как и астероид, был бы толчок вначале достаточно мощным. А рассуждали строители так. Во-первых, дешевле использовать готовые стены, чем поднимать в космос детали с планеты. Во-вторых, сам астероид для космонавтов стал источником металлов, кислорода и других элементов, которые содержатся в горных породах.

— Ясно, — сказал Посейдон. — И разумно. Может, в будущем мы тоже будем так делать. Ну и что же случилось потом?

— А потом шли годы, десятилетия. Путешествие затягивалось. Насколько я понял,

планета, к которой они летели, оказалась непригодной для жизни. Они решили лететь дальше. И снова потекли годы. И представьте себе... — Стариk замолчал, будто сам хотел увидеть то, что происходило там, за сотни лет и тысячи парсеков отсюда. — Представьте группу космонавтов, вернее, уже не тех, кто улетел когда-то, а их праправнуоков, за которых все и всегда готовы сделать роботы. Роботов становилось все больше, они-то совершенствовались и все меньше доверяли людям, то есть ашиклекам. Потомки космонавтов привыкли к тому, что все делают роботы. Даже когда у них рождались дети, их тоже сразу отдавали роботам, которые их выкармливали, учили; и люди, вроде бы оставаясь господами на корабле, становились рабами роботов. Рабами безделья. И наступил день, когда космонавты забыли, кто они, куда летят, зачем живут на свете. Они думали, что астероид-корабль и есть вся вселенная. И только роботы во главе с бессмертным роботом-Хозяином знали, для чего был построен корабль.

— Знали и терпели такое положение? — спросила Алиса.

— Не только терпели — оно их устраивало. Зачем роботам новые планеты и опасности? У них есть программа — обеспечить выживание ашиклеков. Вот они и обеспечивают. Они няньки, которые не дают детям расти, которые на всю жизнь оставляют их в яслях. И если такое положение сохранится на миллион лет, они будут довольны.

— Но уже и сейчас... — начал было Посейдон, но старик перебил его:

— Уже через тысячу лет ашиклеки превратятся в амеб и полностью лишатся разума. Его и сейчас немного. Это тупой, безумный народец, который только и знает, как есть, спать и развлекаться. Труд, как говорят, превратил обезьяну в человека, так вот, отсутствие труда обязательно превращает человека в обезьяну.

— Эх, хотела бы я привезти сюда одного знакомого мальчика! — проговорила Алиса. — С его вечным желанием не делать уроков.

— А мне, — сказал мрачно Посейдон, — стыдно за моих собратьев. Как можно столь превратно и даже преступно понимать свой долг!

— Самое грустное в этом то, — сказал старик, — что здесь нет преступников и злодеев. Есть отупевшие люди, которые не ведают, что творят, и недалекие роботы, которые хотят лишь одного — чтобы ашиклекам хорошо жилось. Они их кормят, согревают и, к сожалению, развлекают. А так как за пределами корабля для них людей не существует, то развлекают их за счет других.

— Скажите, пожалуйста, — сказала Алиса, когда старик повел их дальше по внутренним ходам астероида, — а как они попали сюда? И почему их не нашли раньше?

— Они попали к нам недавно, несколько месяцев назад. Притяжение Солнца подхватило их, и они скрылись в поясе астероидов незамеченные и затерялись среди тысяч подобных

тел. Я не знаю, почему они не улетели дальше. Может быть, у них на исходе горючее, может, они надеются найти здесь какую-нибудь добычу. Может, просто исследуют нас, прежде чем отправиться дальше. Я не могу заглянуть в железные головы этих роботов. В любом случае выходить на связь с Землей они не собираются.

— Ну ладно, а другие корабли они притягивают и ловят в капкан, это для исследования?

— Нет, для развлечения ашиклеков и для грабежа.

— И, наверное, они опасаются, что их обнаружат, — сказал Посейдон. — Если они превыше всего ставят безопасность ашиклеков, значит, они должны опасаться.

— Вы правы, — согласился старик. — Но главное — грабеж и развлечение. Они полностью очищают упавшие корабли, а экипажи... Поймите, ашиклеки по уровню своего развития — отсталые дети. Жестокие, капризные, глупые. И тогда...

По внутренним помещениям астероида, набирая силу, пронзительно зазвучала сирена.

— Что такое? — спросил Посейдон. — Нас обнаружили?

— Сигнал на обед, — ответил старик. — Святое время для идиотов.

И стало слышно, как по всем коридорам и переходам корабля раздаются мелкие быстрые шаги — бегут ашиклеки. Два человечка внезапно выскочили из-за угла и промчались мимо, прижимая к пузатым животам пустые миски.

— Ну вот, кончились наши с вами беседы, —

сказал старик. — Теперь надо спешить. Развлечение, о котором я говорил, начнется сразу после обеда. И женщина, которая прилетела с вами, грозит смертельная опасность.

— Вы видели Полину? — спросила Алиса. — Где она? Мы ее потеряли.

— Ваша спутница в тюрьме, откуда один выход — к ледяной бездне. А что, она была не одна? Я пытался ей помочь, но, как понимаю, у нее мало шансов.

— Да, она не одна. Нас было четверо, — сказала Алиса. — С нами был еще Юдзо. Он недавно отстал. Как раз когда на нас навалились роботы и вы открыли нам люк.

— Юдзо? — Старик насторожился. — Вы сказали: Юдзо? Это ваш друг?

— Мы нашли Юдзо в космосе, совсем недавно. У него пропал отец в поясе астероидов. Так вот, Юдзо угнал учебный катер, на котором нельзя выходить в космос, и отправился искать отца. Удивительное легкомыслie, свойственное только людям, — сказал Посейдон.

— Я понял. — Голос старика дрогнул. — Это мой сын!

— Неужели вы так изменились? — воскликнул Посейдон. — Только сегодня я внимательно разглядывал вашу фотографию. Это невероятно!

— Последние месяцы были тяжелыми, — сказал старик. — Но где же мой мальчик? Где вы видели его в последний раз? Он был здоров? Вы спасли его в космосе?

— У него кончилось горючее, — сказала Алиса.

— Неразумный мальчик, он у них в лапах.

— Может быть, и неразумный, — сказал Посейдон, — но не всякий мальчик отправился бы в космос, рискуя жизнью, чтобы отыскать отца.

— Мы не успели вернуться за ним, — сказала печально Алиса. — Мы просто не успели.

— Я не виню вас, — сказал старик. — Но нам надо спешить.

Профессор Комура, а ведь именно так звали отца мальчика Юдзо, первым бежал по коридорам и переходам астероида — даже Посейдон с его памятью заблудился бы в этих ходах, которыми, как муравейник, был изрыт астероид. Порой они пробегали обширные залы, даже встретили два раза опоздавших к обеду ашиллеков, раз столкнулись с роботом-нянькой, но не задержались ни на секунду.

— Стойте здесь, — сказал неожиданно Комура.

Он открыл узкий высокий люк и ловко заполз в него.

— Вы скоро вернетесь? — спросил Посейдон.

Профессор не ответил.

— Мне следовало узнать его с самого начала, — сказал Посейдон, — но меня подводит наблюдательность. В Дальнюю разведку меня бы теперь не взяли, нет, не взяли...

— Полина! — послышался голос профессора. Он донесся издалека. — Вы еще здесь?

И уж совсем издалека, как будто с другого конца Галактики, донесся ответ. Голос Юдзо:

— Отец! Это голос отца! Я узнал его. Он жив, я же говорил, что он жив и поможет нам!

И все смолкло.

— Юдзо вместе с Полиной, — сказала Алиса. — Это лучше.

— Я не знаю, что здесь лучше, а что никуда не годится, — ответил мрачно Посейдон.

Еще через минуту из отверстия показались ноги профессора, а затем с помощью Посейдона он спрыгнул на пол.

— Там робот, — сказал он. — Он следит за ними. Уйти они оттуда не смогут. И нам не проникнуть в тюрьму. Поэтому у нас только один выход — перехватить их у ледяной бездны.

13

Профессор Комура провел своих спутников в большое слабо освещенное помещение, длинная стена которого была стеклянной. За стеной была кромешная тьма.

Посейдон подошел к стеклянной стене.

— Там что, пропасть? — спросил он.

Свет из зала не мог проникнуть далеко вглубь. Видны были только отвесные стены из черного камня с прожилками льда, а невдалеке от зала, над пропастью, была небольшая площадка, на которую вела дверь, вырубленная в скале. Дверь была закрыта.

— Сейчас вы кое-что увидите, — сказал профессор, останавливаясь у небольшого пульта. —

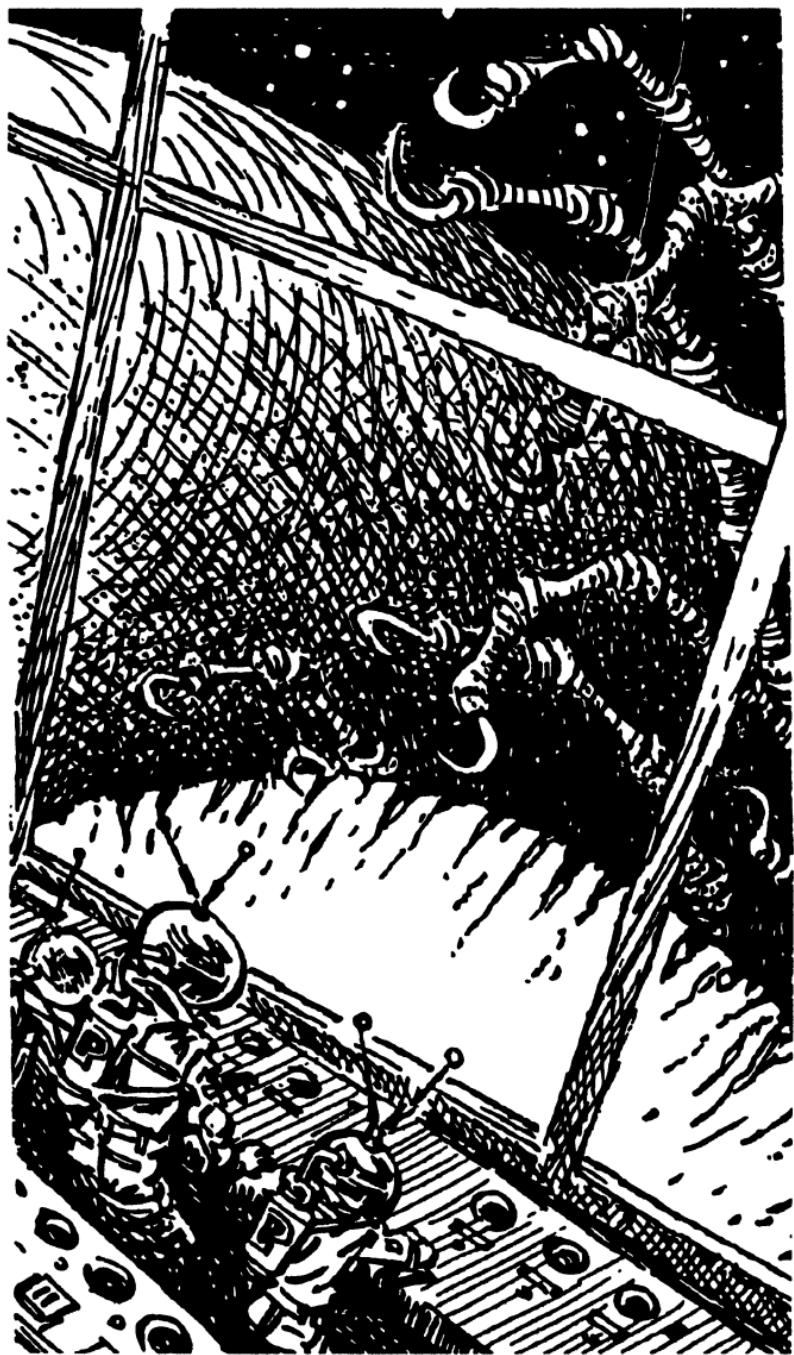
Эта пропасть — естественная полость внутри астероида. Очевидно, она имеет где-то выход на поверхность. Она так велика, что заполнять ее кислородом и обогревать — слишком дорогое удовольствие. Проще было оставить ее как есть, изолировав от жилых помещений. И оставил в ней ее обитателей... ледяных драконов.

Вспыхнул прожектор, который ярко осветил площадку, нависшую над бездной. Алиса и Посейдон подошли к самому стеклу, стараясь увидеть, что за ледяные драконы таятся в глубине.

— Может быть, — сказал профессор, — когда астероид приспособливали для полета, никаких ледяных драконов там и не было. А были лишь их споры, которые ждали своего часа. Потом температура стен бездны немного поднялась — может, на несколько градусов, но этого было достаточно, чтобы началось развитие драконов.

— Но никакие живые существа не могут жить в вакууме, — сказала Алиса.

— Мы еще очень мало знаем о тайнах космоса, — ответил профессор. — Жизнь приспособливается, казалось бы, к невероятным условиям. Есть же бактерии, которые процветают в жерлах вулканов, и черви, отлично чувствующие себя в невероятных глубинах океанов. Известно, что некоторые организмы в зародышах, в спорах пересекали пространство между звезд. Вернее всего, ледяные драконы умеют извлекать энергию из органических веществ, которые есть в породах астероида, они получают ее, поглощая

Теперь из пропасти показались десятки когтей.

тепло. Но сильнее всего они реагируют на свет. К нему они стремятся как мотыльки... Вот, смотрите!

Алиса даже невольно отшатнулась от стеклянной перегородки — из глубины пропасти вдруг показалось нечто вроде толстой покрытой кольцами панциря трубы с загнутым когтем на конце. Затем еще одна труба...

— Это их щупальца, — послышался голос профессора. — Длиной они метров тридцать. А само тело дракона невелико.

Теперь из пропасти показались десятки когтей. Двигались они медленно, но упрямо, казалось, ничто их не может остановить — все выше поднимались они из бездны, стремясь к прожектору.

— Я думаю, — продолжал профессор, — что сначала драконы были главным развлечением для ашикленков. Они ходили сюда, в галерею, устроенную для этого роботами, чтобы смотреть, как свет будят драконов и как они стремятся вверх. А потом, когда астероид попал в Солнечную систему, или раньше, в какой-то другой населенной системе, на астероиде появились пленники. Пленников становилось все больше. Кормить их роботы не хотели — пищи только-только хватает ашикленкам. И вот комуто из роботов пришла в голову мысль — приносить в жертву драконам тех, кто не по своей воле попал на корабль.

— Живых людей? — воскликнула Алиса.

— Вот именно. Теперь пленников выводят на ту площадку и затем включают свет и

уменьшают силу тяжести, чтобы драконам было легче добираться до жертв. А люди — это тепло, это энергия. Драконы раньше и не мечтали о такой пище.

— И вы думаете, — произнес Посейдон, — что эти тупые изверги хотят отправить сюда Полину и Юдзо?

— Я убежден в этом. Причем сделают это они скоро, как только ашиклеки наедятся.

— Так чего же мы здесь стоим? — спросила Алиса.

— Профессор прав, — сказал Посейдон. — Только здесь мы можем что-то сделать.

— И только если будем действовать вместе, — сказал Комура. — Один я бессилен. Но если они... если мой сын погибнет, то я не смогу жить. Ведь я виновник его гибели.

— Простите, профессор, — сказала Алиса. — Во-первых, все мы еще живы. Во-вторых, у Посейдона не голова, а настоящая энциклопедия. Он обязательно что-то придумает.

Посейдон уже придумал.

— Вы знаете, где пульт управления компьютером? — спросил он.

— Я знаю только приблизительно, — сказал профессор. — Мне туда не удалось проникнуть.

— Если бы я мог выйти на связь с мозгом корабля, может, я его бы убедил.

— Вряд ли, — сказал Комура. — Обычная логика на него не подействует. Если бы кибернетический мозг был совершенно нормален, он бы не вел себя таким образом.

— Тогда его надо взорвать, — сказала Алиса.

— Вернее всего, тогда астероид лишится управления — все его системы откажут. И в результате погибнем мы все.

— И все же я попробую. Не забывайте, что я робот и логика машины мне ближе, чем вам.

Комура пошел к двери, открыл ее, и тут они услышали веселый перезвон колокольчиков.

— Поздно, — сказал Комура. — Обед окончен. Время развлекаться.

— Что ж, тогда мы их отобьем, — сказал Посейдон. — Их где поведут?

— Следующим коридором. Он ведет прямо к площадке над бездной.

До следующего коридора было совсем недалеко, но пробиться туда оказалось очень трудным делом: навстречу лился поток ашиклеков. Трудно было представить, сколько их жило на астероиде, наверное, несколько сотен. Посейдон первым пробивался навстречу людскому потоку, сквозь гомонящую, визжащую, веселую толпу ашиклеков. Двигались они очень медленно, и эта задержка оказалась роковой.

Из-за поворота, в проходе между коридорами, они увидели роботов, которые вели Полину и Юдзо. И ни о какой неожиданности и речи быть не могло. Роботы-охранники заметили Посейдона издали, обернулись к нему, образуя сплошную стену.

Посейдон, оценив ситуацию, развернул голову на сто восемьдесят градусов и, продолжая идти вперед, крикнул:

— Назад, в зал со стеклянной стеной! Я

буду пробиваться без вас. Вы мне не помощники. Запирайтесь и не пускайте туда роботов. Поняли?

— Он прав, — сказал профессор Алисе. — Тут мы только зря погибнем.

Они побежали обратно. На этот раз бежать было легко. Они обгоняли запоздавших ашиклеков и, вбежав в длинную смотровую комнату, уже заполненную зрителями, сразу закрыли за собой дверь. К счастью, на ней был не только замок, но и тяжелый засов.

Ашиклеки даже не заметили, что среди них люди, они устраивались поудобнее.

В дверь кто-то ударили с той стороны.

Но Алиса и профессор не обратили на это внимания. Они тоже смотрели на стеклянную стену, ожидая, когда на площадке над пропастью покажутся люди. Но дверца в пропасть почему-то не открывалась. Что-то случилось в коридоре, задержавшее казнь. Профессор и Алиса были в отчаянии. Никакой связи, полная неизвестность. Может, там гибнет в сражении Посейдон? А они здесь, отрезанные от друзей...

14

У двери к бездне в эти секунды никакого боя не было.

Посейдон, не в силах преодолеть сопротивление десятка роботов, остановился, и в этот момент послышался сухой скрипучий голос:

— Пропустите его. Я хочу с ним говорить. Роботы расступились. Помятый в схватке, с

полосами царапин на пластике оболочки, и без того за долгие годы работы разрисованной шрамами — Посейдон был сделан из сверхпрочных материалов, но сколько раз в жизни обнаруживалось, что существуют материалы по-прочнее, чем тело старого робота, — он прошел сквозь строй врагов к большому черному роботу.

— Стой, — сказал Хозяин.

Посейдон остановился. Он был массивней Хозяина, но ниже его ростом.

— Человеческий робот, — сказал Хозяин. — Я вижу, что ты стремишься к своим господам, что твой долг зовет тебя соединиться с ними. Я тебе не буду мешать. Но прежде хочу сделать тебе предложение.

— Говори, кузен, — ответил Посейдон.

— Я не знаю такого слова.

— Это старое слово, его придумали французы. Оно означает — двоюродный брат.

— Почему ты считаешь меня двоюродным братом?

— Потому что все роботы братья, но ты мне брат только потому, что нас обоих сделали люди. В остальном между нами нет ничего общего.

— Ты можешь стать мне настоящим братом, — сказал Хозяин. — Ты мне удобен. Тебя не надо кормить и одевать, о тебе не надо заботиться. Оставайся со мной, забудь о своих господах. Я разделяю с тобой власть на корабле и во всех мирах, которые мы покорим. Ты меня понял?

— Я тебя понял. И сделаю все, что в моих силах, чтобы спасти людей, которых ты хочешь погубить. К счастью, у меня нет господ и я никому не слуга. У тебя в плену мои друзья, и они ко мне относятся как к другу. Тебе этого не понять. Я не могу стать предателем.

— Не слишком ли много философии для простой железной банки? — произнес Хозяин. — Ты робот, и тебе по пути только с роботами. Сегодня ты нужен людям, завтра они разберут тебя и пустят на переплавку. В них нет благодарности.

— Нет благодарности в тех, кто живет рядом с тобой, на этом астероиде. И ты один из виновников того, что они перестали быть настоящими людьми и превратились в животных. А что касается смерти, то смерть ждет всех. И нечего ее бояться.

Посейдон говорил не спеша — он тянул время. Он не мог бы объяснить, почему он так делает, — он уже понял, что переубедить Хозяина ему не удастся. Но все равно оставалась надежда. И в этом Посейдон был человеком. Что бы он ни говорил Полине о логике и трезвом расчете, он все равно от долгого общения с людьми научился тому, что надежду нельзя терять, даже если нет никакой надежды.

— Глупец, — сказал Хозяин. — Иди к своим друзьям.

Дверь на площадку, ведущую к пропасти, растворилась. Посейдон увидел, что там стоят Полина и Юдзо. Полина держала мальчика за

руку. Луч прожектора поблескивал на металлических деталях скафандром.

Посейдон не смотрел больше на роботов. Он сам, решительно и спокойно, пошел к двери. Вышел на площадку. Дверь сзади закрылась.

Полина обернулась.

— Хорошо, что ты пришел, Посейдон, — сказала она. — Спасибо. Вместе нам будет легче.

— Разумеется, — сказал Посейдон. — Еще не вечер. Мы еще погуляем с тобой по Плутону.

— Вы видели моего отца, Посейдон-сан? — спросил Юдзо.

— Твой отец в безопасности, — ответил робот. — Он сейчас видит нас. Видишь это стеклянное окно, за которым множество голов ашикеков? Там твой отец. Там Алиса. Мы с ними договорились — пока мы будем с тобой бороться против драконов, они организуют наше спасение.

Юдзо обернулся к стеклянной стене и поднял руку, надеясь, что отец его видит. В ответ поднялась рука профессора.

В этот момент были включены дополнительные прожектора.

15

В смотровом зале Комура и Алиса видели, как Посейдон вышел на площадку, видели, как обернулся к ним Юдзо и помахал рукой.

— Держись, мой мальчик, — сказал профессор печально, поднимая руку.

— Он им поможет продержаться, — сказала Алиса. — Посейдон сильный.

— Конечно, конечно, сильный, — согласился профессор.

Алисе показалось, что профессор пал духом и не видит выхода.

Но Алису охватило странное чувство. Она отлично знала, что все, что происходит, к сожалению, чистая реальность, что в самом деле Полине и мальчику грозит скорая и неизбежная гибель. И в то же время казалось, что все это сон. Что можно ущипнуть себя, и проснешься. Что такие страшные трагедии происходят в книгах, в кино, но никогда не обрушаются на тебя. А раз так, то все должно обойтись. Что-то можно придумать. Надо только напрячься.

В зале гремела музыка, неприятная, пронзительная, от которой мурашки бегали по коже. Ашиклеки шумели все громче, как толпа на стадионе, когда на поле выходит футбольная команда.

Вдруг по толпе зрителей пробежала волна криков. Потом все замерли. Алиса увидела, как Полина подхватила Юдзо и прижала к себе. Посейдон покачнулся.

— Что это? — Алиса уцепилась за профессора, потому что пол ушел из-под ног, как в лифте, быстро падающем вниз.

— Они уменьшили гравитацию, — сказал профессор.

Алиса догадалась, в чем дело.

— Чтобы драконам было легче подниматься, да?

— Да.

И тут из темноты в лучах прожекторов показалось щупальце с каменным когтем на конце. Оно медленно потянулось к краю площадки.

За ним из тьмы показался еще один коготь. Он покачнулся и вцепился в каменный край площадки.

Посейдон сделал шаг вперед и ногой сбил коготь вниз.

По толпе ашиклеков пронесся вздох.

Алиса хотела приблизиться к стеклу, но под ноги попал ашиклек, который завизжал, когда Алиса наступила ему на ногу. Он даже попытался укусить ее, но его зубки, конечно, не могли пронзить ткань скафандра.

Алиса смотрела на злого ашиклека. Ей в голову пришла мысль.

Но ашиклек уже забыл об Алисе. Крики, раздававшиеся со всех сторон, говорили о том, что на площадке что-то происходит. Алиса перевела взгляд туда и увидела, что положение пленников ухудшилось. Уже не один коготь, а по крайней мере пять держались за край площадки, и Посейдон не успевал их отбрасывать. Щупальца ползли и по стене, одно нависло над Полиной, и ей пришлось отпрыгнуть в сторону.

Ашиклеки вопили от восторга.

— Так бы вас всех и убила, идиотики! — воскликнула Алиса.

*Посейдон сделал шаг вперед и ногой сбил
коготь вниз.*

Профессор в бессилии гневно бил кулаками по стеклу.

— Убила, — повторила Алиса.

Как странно — такая простая мысль, и не пришла к ней раньше. Может быть, конечно, из этого ничего не выйдет, но если она правильно понимает психологию роботов, даже свихнувшихся роботов, то ее ход может удастся. Ведь есть принцип, ради которого роботов сделали, и они этому принципу явно подчиняются. Как жаль, что рядом нет Посейдона! Он бы, наверное, смог помочь.

Алиса обернулась. Ей нужно было что-то тяжелое.

К счастью, за спинами ашиклеков в углу зала валялись какие-то железки и даже металлический брус длиной в два метра. Алиса бросилась туда и с трудом подняла брус. Хоть сила тяжести теперь была втрое меньше земной, брус все равно был тяжелым.

— Профессор! — закричала Алиса. — Помогите мне.

Профессор услышал ее и с удивлением посмотрел в ее сторону. Видно, он решил, что она сошла с ума.

— Что с тобой?

— Помогите мне.

— Но там... — Профессор показал рукой на стенку, за которой шел отчаянный бой.

— Скорей! — крикнула Алиса. — Может быть, получится.

Профессор подбежал к ней. Движения его

были замедленными и шаги очень широкими, как всегда бывает при малом притяжении.

— Я хочу попробовать! — сказала Алиса. — Ведь это роботы, их задача опекать ашиклеков. То есть если будет опасность ашиклекам, то они испугаются.

— Какая опасность? Ты хочешь их убивать?

— Нет. Если мы сделаем вид, что хотим разбить стекло, то всем ашиклекам грозит гибель. Ну давайте же, помогите мне.

Алиса старалась говорить тихо, потому что не хотела, чтобы кибернетический мозг, управляющий кораблем, услышал ее.

— Но если мы разобьем стекло?

— Зато отомстим за наших!

Профессор колебался.

— Скорее же! — Алиса сама тащила брус к стеклу, ашиклеки, которые попадались на пути, визжали, сопротивлялись, но они были так поглощены зрелищем сражения, что даже не оборачивались.

Профессор подхватил брус, и вместе они пробились к стеклу.

Конец бруса гулко ударил по стеклу. Казалось, что этот гул пронесся по всему кораблю. Даже ашиклеки замерли и перестали вопить.

— А ну! — закричала Алиса как можно громче. — Давайте, бейте! Пускай мы погибнем, но и они погибнут вместе с нами.

Они снова ударили по стеклу. Стекло зазвенело, и Алиса испугалась, как бы не разбить его в самом деле.

Ашиклеки, видно, сообразили, что им гро-

зит, и жалобно завыли. Это был страшный жалкий звук — несколько сотен существ выли от страха за свою бессмысленную жизнь.

— Урра! — кричала Алиса. — В атаку!

Они отступили на несколько шагов, чтобы получше разбежаться.

Алиса успела поглядеть за стекло. Там положение было угрожающим. Посейдон был похож на известную древнюю скульптуру Лаокоона, который борется со змеями. Полина и Юдзо вжались в небольшую нишу в стене, и Полина старалась отталкивать когти, которые скользили уже по ее скафандре. Если сейчас кибернетический мозг не услышит, не поймет, что происходит, то будет поздно.

И тут сверху раздался голос:

— Остановитесь! Ваши действия представляют опасность для ашиклеков. Немедленно прекратить!

— И не подумаем! — радостно закричала Алиса. От облегчения, что ее идея оказалась не пустой, она готова была плясать. — И не подумаем! Пока не уничтожим все это гнездо!

В дверь начали стучать.

— А ну, еще разок! — закричал профессор, который тоже обрадовался результату.

И они еще раз ударили по стеклу так, что оно задрожало, а ашиклеки от ужаса забыли о представлении и бросились по углам.

— Если вы не перестанете угрожать моим подданным, — продолжал голос, — я вас уничтожу.

— Попробуйте, — ответила Алиса, — только попробуйте.

Над дверью вспыхнул экран. На нем возник Хозяин. Его черное безглазое лицо не выражало ничего, но он говорил быстрее обычного. И если можно отнести к роботу слово «напуган», то Алиса впервые в жизни увидела напуганного робота.

— Чего вам надо? — спросил черный Хозяин.

— Первое и немедленно, — сказал профессор, — увеличить в три раза гравитацию. Немедленно!

— Зачем? — не сразу сообразила Алиса.

— А ну, — сказал профессор Алисе. — Побежали!

Алиса послушно подхватила брус поудобнее, но ударить они не успели.

Ноги ее налились тяжестью, и брус сам выпал из рук — оказалось, что он невероятно тяжелый.

— Что вы наделали! — крикнула Алиса профессору.

— Все в порядке, — ответил тот, и не пытаясь поднять брус. — Смотри.

Алиса поглядела за стекло и сразу все поняла.

На площадке положение изменилось.

Полина и Юдзо опустились на камни, а Посейдон, стоя на краю, глядел, как опускаются в пропасть, исчезают когти и щупальца драконов.

Конечно же, тяжесть заставила драконов опуститься на дно пропасти.

— Вы гений! — Алиса бросилась к профессору и обняла его. Она готова была заплакать, но разве плачут в скафандрах? Как вытрешь слезы?

— А теперь, — сказал профессор, — немедленно выпустите моих друзей.

— И не подумаю, — ответил черный Хозяин. — Они все равно погибнут.

— Подумай, — спокойно ответил профессор. — Мы все же разобьем стекло, как только ты уменьшишь снова тяжесть. Мы разобьем стекло и в том случае, если твои роботы попытаются взрезать дверь. Я погибну. Но я старый человек и свое уже прожил. И я буду рад умереть ради спасения моего сына и моих друзей. Тебе этого не понять. Но мои друзья в скафандрах. Они останутся живы. Погибну лишь я... и все твои ашиклеки. Погляди на них. Погляди на них в последний раз.

— Я не могу этого позволить, — сказал черный Хозяин. — Тогда у меня не будет смысла в существовании.

— Я знаю, — сказал профессор. — И мне стыдно, что первой догадалась, как справиться с тобой, убийца, девочка Алиса. Это же так просто...

Ашиклеки с трудом переносили земную тяжесть. Они ползали по полу и стонали.

— Посташи, — сказал профессор.

Хозяин ничего не ответил. Экран погас.

Но стало легче — притяжение уменьши-

лось. Начали подниматься обиженные ашиклеки. Некоторые спешили сразу к стеклу, чтобы поглядеть, как там идут дела. Но их ждало разочарование: дверь на площадку нехотя отворилась, и Посейдон, помогая Полине и мальчику, вывел их оттуда. От дверей он обернулся. Голова его, которая могла поворачиваться вокруг оси, сделала оборот — словно Посейдон хотел во всех деталях запомнить эту пропасть.

— Теперь, — сказал профессор, и Алиса с удивлением подумала, как же она могла принять его за старика — это же полный сил, уверенный в себе мужчина. — Теперь убери своих слуг и пропусти моих друзей сюда.

В ответ послышался голос:

— Нет, сначала вы выйдите отсюда. Вы угрожаете моим ашиклекам.

— Ашиклеки — наша единственная гарантия того, что мы останемся живы, — ответил профессор. — Поэтому я ничего не могу обещать до тех пор, пока не увижу рядом остальных пленников.

Наступило ожидание.

Ашиклеки поняли, что представление сорвалось. Некоторые еще торчали у стеклянной стены, вглядываясь в темноту бездны, видно, думали, что попросту пропустили тот сладкий для них момент, когда жертвы скрываются в пропасти, другие толпились у двери, ожидая, когда их выпустят. Один ашиклек, совсем еще молоденецкий, подошел к Алисе и начал теребить ее за рукав. Он был такого же роста, как

Алиса, и если бы не бледность, не остановившийся животный взгляд, не запущенность, он был бы вполне сносным подростком. И, понимая это, понимая, что ашиклек не виноват в том, что его дедушки и бабушки согласились стать господами-рабами, Алиса не стала его отгонять, а терпела, пока его любопытные пальцы щупали ткань скафандра.

В дверь постучали. Три раза. Донесся голос Посейдона:

— Пропустите наш полк. Он вернулся с передовых позиций и желает отдохнуть.

Алиса побежала к двери, отодвинула засов, и пленники вошли внутрь. Юдзо увидел отца и кинулся к нему. Профессор обнял сына. Снова зажегся экран. На нем был Хозяин.

— Я выполнил твои условия, — сказал он. — Теперь вы должны уйти отсюда и оставить моих ашиклеков в покое.

— Я так боялся за тебя, отец, — сказал Юдзо, не обращая внимания на слова Хозяина.

— Ты вел себя, как настоящий мужчина, — сказал профессор Комура.

— Я жду! — потребовал Хозяин.

— Подождешь, — ответил Комура. — Нам надо посоветоваться.

Он обернулся к Полине.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он.

— Хорошо, обо мне не беспокойтесь. Если бы не Посейдон, мы бы уже давно погибли.

— Я выполнял свой долг, — ответил робот. — Но почему нас выпустили? Что вы придумали?

— Придумала Алиса, — ответил профессор. — Это ей я должен быть благодарен всю жизнь. Она сообразила, когда я уже был в полном отчаянии, что роботов может остановить только угроза жизни ашиклеков. И мы сделали вид, что собираемся разбить стекло.

— Сделали вид? — спросил Хозяин, который слушал этот разговор.

— Не совсем так, — сказал профессор. — Если бы это не помогло, я бы разбил стекло.

— И погиб?

— Да. И погиб.

— Я бы не дала этого сделать, — сказала Алиса Полине. — И к тому же мы с профессором были правы. Он потом так здорово вел переговоры с роботами, что им пришлось сдаться.

— Мы не сдались, мы никогда не сдаемся, — ответил Хозяин.

— Помолчи, — сказал Посейдон. — Ты мешаешь людям разговаривать. Когда будет нужно, мы тебя позовем, убийца.

— А с тобой я вообще не желаю разговаривать, железная банка, — вдруг разозлился Хозяин. — Тебя я все равно убью. Отсюда ты не уйдешь.

— Вот это совершенно неизвестно. Хотя, честно говоря, я бы с удовольствием разобрал тебя на запчасти.

— Слушай, робот, — сказал профессор Комура. — Мы останемся здесь и с нами останутся все ашиклеки до тех пор, пока твои слуги не починят один из наших кораблей и

не вернут туда все, что с него украли. После этого мы улетим.

— Это невозможно, — ответил Хозяин после некоторого раздумья. — Вещи, взятые на ваших кораблях, приведены в негодность или использованы. Вам отсюда не улететь.

— Ты не лжешь? — спросил профессор.

— Я не могу лгать, — ответил Хозяин. — Мне нет нужды размениваться на такие человеческие глупости, как ложь.

Ашиклеки столпились вокруг, повизгивая, будто просили их отпустить.

Посейдон ухнул на них, и ашиклеки разбежались во все стороны.

— Хорошо, — сказал профессор. — Пока мы не придумаем выхода, нам придется оставаться здесь.

— Ни в коем случае! — воскликнул Хозяин. — Ашиклеки проголодаются, они нервничают, они могут заболеть. Им пора отдохнуть!

— Тогда предложи выход, — сказал Комура.

— Я не могу вас содержать, — сказал Хозяин. — У меня все рассчитано. Я уничтожаю всех, кто сюда попадает, не из жестокости, а для того, чтобы не лишать ашиклеков их пищи. Вам надо улететь или погибнуть добровольно.

— Заколданный круг, — сказал Посейдон. — Логическая неувязка. Улететь нельзя, поэтому надо улететь. Надо бы проверить твои блоки памяти, кузен. Пора на ремонт.

— Я тебя убью, — повторил Хозяин. — Я

могу выслушивать обидные слова от людей, но от робота — никогда!

— Я выхожу! — сказал Посейдон.

— Да погодите, вы с ума сошли! — возмутилась Полина. — Вы как дети. Разве бывают драки между роботами?

— Это будет не драка. Это будет смертельный бой, — сказал Хозяин.

— Согласен, — сказал Посейдон. — Другого мне не надо.

Он уверенно пошел к двери.

— Посейдон, я тебе приказываю остановиться! — протестовала Полина.

— Как только я укокошу этого мерзавца, все проблемы будут решены, — ответил Посейдон.

И он открыл дверь.

Все внимание было обращено на Посейдона, и потому вопрос профессора вначале услышал только Хозяин.

— А гравитационные двигатели вашего корабля, — спросил он, — работают?

— Двигатели нашего корабля в полном порядке, — ответил Хозяин, и экран погас. Хозяин пошел навстречу Посейдону.

Толпой кинулись к открытой двери ашикленки, но Юдзо с Алисой закрыли дверь.

— Как включить экран, чтобы мы видели, что там происходит? — спросила Алиса. — Мы же ничего не знаем.

И как бы в ответ на ее слова экран снова вспыхнул, и на нем появилось изображение перекрестка двух коридоров. С одной стороны

к нему подходил Посейдон. С другой в окружении роботов — Хозяин.

— Они убьют его! — сказала Алиса.

— Пожалуй, нелегко убить старого робота-разведчика, — сказала Полина. — Он им еще покажет.

— Он прав, — сказал Юдзо. — Так поступают мужчины. Если Посейдон погибнет, я пойду вместо него.

16

Им было видно, как черный Хозяин повернулся и жестом приказал Посейдону следовать за ним. Они вошли в большой низкий зал, возможно, резервный двигательный отсек. Потолок зала поддерживали металлические колонны. Под кожухами стояли какие-то механизмы.

Хозяин остановился.

Один из роботов поднес ему трубку с утолщением на конце. Вторую такую трубку дали Посейдону. Это было оружие. Но звуки не достигали зала, в котором ждали люди и ашиклеки, и потому непонятно было, как пользоваться этим оружием. Но тут Хозяин поднял руку, и из раструба трубки вылетела светло-зеленая нить огня.

— Тип лазерного бластера, — сказал профессор Комура.

Ашиклеки засуетились. Они поняли, что все-таки им покажут развлечение.

Посейдон кивнул.

Роботы разошлись в разные концы зала и остановились за колоннами.

Зеленые лучи разрезали полутьму.

С неожиданной для случайного зрителя ловкостью и быстротой роботы перебегали за колоннами, прятались за агрегатами и машинами, лучи скрещивались, как длинные шпаги.

Потом на секунду оба робота пропали из виду. Потом появился Посейдон. Он осторожно выглядывал из-за колонны, стараясь увидеть врага. А в этот момент Хозяин вышел из-за агрегата сзади и прицелился.

— Посейдончик, сзади! — закричала Алиса.

Конечно, Посейдон не мог услышать ее крика, тем более утонувшего в восторженных воплях ашиклеков, но инстинкт старого разведчика заставил его мгновенно обернуться вокруг своей оси и, не глядя, всадить луч в грудь черного Хозяина.

Тот мгновенно засветился, зеленый ореол вспыхнул вокруг его черного плаща. Потом пошел дым. И черный Хозяин рухнул на пол.

Посейдон сделал шаг к нему, не опуская бластера.

Тогда Хозяин приподнял голову и сказал что-то. Отбросил свой бластер.

Поднялся.

Подошел к экрану. Вот он стоит перед экраном и глядит прямо на Алису. Только глаз у него нет.

Щелкнуло. Возник звук.

— Я проиграл, — сказал черный Хозяин. — И вынужден подчиняться. Приказывай.

— Сейчас мы проходим в узел управления корабля и запускаем гравитационные двигатели, — сказал профессор Комура. — И берем курс на Марс.

— Это невозможно, — сказал Хозяин. — Мы доставили столько неприятностей людям, что они будут мстить. Они убьют моих ашиклеков.

— Неприятности — слишком мягкое слово, — заметил Посейдон.

— Одумайтесь, — сказала Полина. — Мы не мстим тем, кто болен. А вы больны, и больны ашиклеки. Вас нужно лечить, а не наказывать.

— Мы все здоровы. Лучше мы улетим дальше и будем искать себе ненаселенную планету. Или вечно будем скитаться в космосе.

— Я провел здесь несколько месяцев, — сказал профессор Комура, — и я знаю, в каком плачевном состоянии ваш корабль и сами ашиклеки. Системы постепенно выходят из строя, ашиклеки деградируют и вымирают. Через несколько десятков лет вы вымрете.

Наступила пауза. Наконец, словно посоветавшись с кибернетическим мозгом и взвесив все аргументы, черный Хозяин произнес:

— У меня нет выхода. Я подчиняюсь при одном условии.

— При каком? — спросил Комура.

— Если ашиклеки останутся живы.

— Мы даем вам слово, — сказала Полина.

— Я даю вам слово, кузен, — сказал Посейдон. — Роботы не умеют лгать.

Через два дня диспетчерская на Марсе приняла изображение астероида, который на большой скорости приближался к планете.

— С ума сойти! — воскликнул дежурный диспетчер, вызывая своего напарника, который как раз пил кофе. — Сенсация! Бродячий астероид.

Его напарник забыл о кофейнике и бросился к экранам.

— Немедленно поднять патрульный крейсер! — приказал он. — Если эта сенсация ударит по Марсу, то будет ужасная катастрофа.

На Марсе началась тревога.

Компьютеры вычисляли курс астероида и возможную точку столкновения с планетой, началась срочная эвакуация детских садов и лабораторий в полярные области. Патрульные крейсеры взвились с космодрома, чтобы исследовать астероид вблизи и узнать, нельзя ли изменить его курс.

Но еще через час астероид начал снижать скорость и менять курс, словно собирался перейти на круговую орбиту вокруг Марса.

И к тому времени, когда крейсеры подлетели к бродяге, опасность уже миновала.

И картина, которую увидели люди, прилетевшие с Марса, когда высадились на астероиде, их совершенно поразила.

Они увидели Посейдона, который организовал мастерскую по ремонту и перестройке роботов, они увидели профессора Комуру, ко-

торый отважно опустился в ледяную бездну, чтобы вблизи исследовать драконов, они увидели Полину, которая с помощью мрачного черного Хозяина управляла кораблем, они увидели, наконец, Алису, которая мыла ашикленков, причесывала их и учила застилать кровати и мыть посуду.

Еще через день ашикленков перевезли на Марс, чтобы постепенно вернуть их в число разумных существ, а опустевший страшный астероид остался на орбите — там работают ученые, которым придется немало потрудиться, прежде чем они разгадают все тайны громадного космического корабля.

ДЕНЬ
РОЖДЕНИЯ
АЛИСЫ

1

Родилась Алиса 17 ноября. Это день удачный для такого события. Могло быть значительно хуже. Я, например, знаю одного человека, который родился 1 января, так никто специально его день рождения не празднует, потому что Новый год — праздник общий. Плохо приходится и тем, кто родился летом. Все друзья или на каникулах, или в разъездах. Алисе на это жаловаться не приходится.

Примерно за неделю до Алисиного дня рождения я, придя домой из зоопарка, задумался: что ей подарить? Это всегда проблема. У меня, например, скопилось дома восемь одинаковых галстуков, шесть балерин, сделанных из корней и шишек, три надувные подводные лодки, четырнадцать зажигалок, ворох хохломских деревянных ложек и множество других ненужных вещей, которые получаешь в

день рождения и осторожно прячешь: синюю чашку — к пяти уже подаренным сегодня синим чашкам, пепельницу в виде корабля звездных скитальцев — к трем таким же пепельницам.

Я сидел и вспоминал, что Алиса просила у меня в сентябре. Что-то просила. Что-то ей было нужно. Тогда я еще подумал: «Вот хорошо, подарю ей на день рождения». И забыл.

И тут позвонил видеотелефон.

Я включил его. На экране появилась страшная морда моего старого друга — космического археолога Громозеки с планеты Чумароз. Громозека в два раза больше обычного человека, у него десять щупальцев, восемь глаз, панцирь на груди и три добрых бестолковых сердца.

— Профессор, — сказал он, — не надо плакать от радости при виде меня. Я через десять минут буду в твоем доме и прижму тебя к своей груди.

— Громозека! — только и успел я воскликнуть, как экран отключился и мой друг Громозека пропал. — Алиса! — крикнул я. — Громозека приехал!

Алиса готовила уроки в соседней комнате. Она с удовольствием оторвалась от своих дел и прибежала ко мне в кабинет. За ней проплелся бродячий кустик. Мы привезли его из последнего путешествия. Кустик был балованный и требовал, чтобы его поливали только компотом. И потому в доме оставались сладкие

лужи, и наш робот-домработник целыми днями ворчал, вытирая пол за капризным растением.

— Я его помню, — сказала Алиса. — Мы Громозеку встречали на Луне в прошлом году. Что он копает?

— Какую-то мертвую планету, — сказал я. — Они нашли там руины городов. Об этом я читал в газете.

Громозека ведет беспокойную бродячую жизнь. Вообще-то жители планеты Чумароз любят сидеть дома. Но нет правил без исключения.

Громозека за свою жизнь облетал больше планет, чем тысяча его соотечественников вместе взятых.

— Алиса, — спросил я, — что тебе подарить на день рождения?

Алиса потрепала кустик по листочкам и ответила задумчиво:

— Это, пап, вопрос серьезный. Надо придумать. Ты только ничего без моего совета не предпринимай. А то принесешь ненужный подарок.

И тут входная дверь распахнулась, и пол задрожал под тяжестью гостя. Громозека вкатился в кабинет, разинул свою широченную пасть, усеянную акульими зубами, и закричал с порога:

— Вот и я, мои бесценные друзья! Прямо с космодрома — к вам. Я устал и собираюсь споспать. Постели мне, профессор, на полу свой любимый ковер и разбуди через двадцать часов.

Тут он увидел Алису и заревел еще громче:

— Девочка! Дочка моего друга! Как ты выросла! Сколько тебе лет?

— Через неделю будет десять, — сообщила Алиса. — Второй десяток пойдет.

— Мы как раз сейчас думали, что ей подарить на день рождения, — сказал я.

— И придумали?

— Нет еще.

— Стыдно! — произнес Громозека, садясь на пол и раскидывая вокруг свои щупальца, чтобы они отдохнули. — Если бы у меня была такая милая дочка, я бы устраивал ей день рождения каждую неделю и дарил бы ей по планете.

— Конечно, — сказал я. — Особенно если учесть, что год у вас на Чумарозе длиннее, чем восемнадцать земных лет, а неделя тянется четыре земных месяца.

— И всегда ты, профессор, испортишь настроение! — обиделся Громозека. — У тебя не найдется валерьянки? Только неразбавленной. Меня мучит жажда.

Валерьянки не нашлось, послали за ней в аптеку робота-домработника.

— Ну, рассказывай, — попросил я, — что ты делаешь, где копаешь, что нашел?

— Не могу сказать, — ответил Громозека. — Клянусь Галактикой, это страшная тайна. А может быть, и сенсация.

— Не хочешь говорить — не надо, — ответил я. — Только я не знал раньше, что у археологов бывают тайны.

— Ой, — сказал Громозека и пустил желтый дым из ноздрей, — я обидел своего лучшего

друга! Ты на меня рассержен! Все. Я уйду и, может быть, даже кончу жизнь самоубийством. Меня заподозрили в скрытности!

Восемь тяжелых дымящихся слез выкатились из восьми глаз моего впечатлительного друга.

— Не расстраивайтесь, — сказала тогда Алиса. — Папа не хотел вас обидеть. Я его знаю.

— Я сам себя обидел, — заявил Громозека. — Где валерьянка? Почему этих роботов никогда нельзя послать по делу? Он ведь стоит и болтает с другими роботами-домработниками. О погоде или о футболе. И совершенно забыл, что я изнываю от жажды.

— Может быть, вам принести чаю? — спросила Алиса.

— Нет, — испуганно замахал щупальцами Громозека, — это для меня чистой воды яд!

Тут, на счастье, появился робот с большой бутылью валерьянки. Громозека налил валерьянки в стакан, одним духом выпил ее, и из ушей его пошел белый пар.

— Вот теперь лучше. Теперь я смогу выдать тебе, профессор, очень важную тайну. И пусть мне будет хуже.

— Тогда не надо выдавать, — попросил я. — Не хочу, чтобы тебе было хуже.

— Но ведь никто, кроме меня, не знает, что это тайна, — сказал Громозека.

— Вы очень странный археолог, — заметила Алиса. — Так, значит, никакой тайны нет?

— Есть тайна, — ответил Громозека. — Самая настоящая тайна, но не в том смысле, в каком вы ее понимаете.

— Громозека, — сказал я, — мы ничего не понимаем.

— Ничего не понимаем, — подтвердила Алиса.

Громозека, чтобы не тратить времени понапрасну, допил валерьянку прямо из бутылки, вздохнул так, что стекла задрожали, и рассказал нам вот что.

Археологическая экспедиция, в которой работает Громозека, прилетела на мертвую планету Колеиду. Раньше на Колеиде жили люди, но почему-то лет сто назад все они умерли. И все звери на планете умерли. И насекомые, и птицы, и рыбы. Ни одной живой души. Только развалины, ветер воет, дождь идет. Даже кое-где еще стоят на улицах машины и памятники великим людям.

— У них была война? — спросила Алиса. — И они друг друга перебили?

— Откуда у тебя такие мысли? — удивился Громозека.

— Мы по истории средние века проходим, — ответила Алиса.

— Нет, не было там войны, — сказал Громозека. — Если бы была такая страшная война, то и через сто лет остались бы следы.

— Но, может, у них были какие-нибудь ядовитые газы? — спросил я. — Или атомная бомба? А потом началась цепная реакция?

— Ты умный человек, — произнес Громозека, — но говоришь глупости. Неужели мы, опытные археологи, мастера своего дела, во главе со мной, который смотрит сквозь землю

и видит, как пробирается дождевой червь, неужели мы не догадались бы?

Громозека покачал своей головой и так страшно сверкнул глазами, что я мельком взглянул на Алису — уж не испугалась ли она моего добрейшего друга?

Но Алиса не испугалась Громозеки. Она думала.

— И вот у нас есть одно подозрение, — сообщил Громозека. — Только оно — тайна.

— На них напали, — сказала Алиса.

— Кто?

— Как кто? Космические пираты. Я их видела.

— Че-пу-ха, — ответил Громозека и захотел, дрожа всеми щупальцами, разбив при этом вазу с цветами, стоявшую на подоконнике.

Я сделал вид, что не заметил, и Алиса сделала вид, что не заметила. Мы знали, что Громозека очень расстроится, если узнает, что натворил.

— Космические пираты не могут уничтожить целую планету. И, кроме того, космических пиратов почти не существует.

— Так что же погубило Колеиду?

— Вот я для этого и приехал, — заявил Громозека.

Мы с Алисой молчали и больше не задавали вопросов. Громозека тоже замолчал. Он ждал, когда мы будем его спрашивать. И ему очень хотелось долго не сдаваться, а потом сдаться.

Так мы и молчали минуты две. Наконец Громозека на нас совсем обиделся.

— Я вижу, — сказал он, — что вам неинтересно.

— Нет, почему же, — ответил я, — очень интересно. Только ты не хочешь говорить, и мы поэтому молчим.

— Почему я не хочу говорить? — вскричал Громозека. — Кто это сказал?

— Ты сказал.

— Я? Не может быть!

Тогда я решил подразнить моего друга, которого прямо распирало от желания все нам рассказать.

— Ты, Громозека, собирался поспать часов двадцать. Ложись на ковер в столовой. Только стол в угол отодвинь. Алиса, иди делать уроки.

— Ах, так!.. — сказал Громозека. — Такие, значит, у меня друзья? Ты к ним спешишь через всю Галактику, чтобы поведать интересную новость, а они сразу тебя отправляют спать. Им со мной скучно. Им со мной неинтересно. Ну и пожалуйста. Только покажи, где у тебя ванная, я хочу вымыть щупальца.

Алиса смотрела на меня умоляюще. Ей так хотелось спросить Громозеку!

Но тот уже протопал в ванную, цепляясь щупальцами за мебель и стены.

— Ну зачем ты, папа, так с ним поступил? — прошептала Алиса, когда Громозека ушел. — Ведь он хотел рассказать.

— Пускай не кривляется, — сказал я. — Если бы мы стали просить, он бы еще часа два

нас мучил. А теперь сам расскажет. Можем поспорить.

— Давай, — согласилась Алиса. — На что поспорим? Я говорю, что Громозека очень обиделся и ни о чем нам не расскажет.

— А я говорю, что он очень обиделся, но именно поэтому скоро все нам расскажет.

— На мороженое.

— На мороженое.

Так мы поспорили. И не успели разнять руки, как в коридоре задрожали стены. Громозека шел обратно.

Он был мокрый, вода лилась по его панцирю, и щупальца оставляли неровные мокрые полосы на полу. Сзади шел робот-домработник с тряпкой и подтирал за гостем пол.

— Послушай, профессор, — сказал Громозека, — где у тебя детское мыло?

— Мыло? — удивился я. — Мыло на полке. Разве там нет?

— Есть, — засмеялся Громозека. — Я пришел специально над тобой посмеяться. Ведь ты думал, что я спешу, чтобы открыть тебе тайну. И, наверное, сказал своей дочке: вот идет глупый Громозека, которому так хочется поделиться с нами тайной, что он забыл вытереть щупальца. Разве не так?

Я пожал плечами.

Но Алиса тут же меня выдала.

— Мы даже поспорили, — сообщила она. — Я сказала, что вы не придетете.

— Ну вот! — Громозека снова сел на пол и разложил, как лепестки, вокруг свои мокрые

щупальца. — Теперь я доволен: вы хотели надо мной посмеяться, а я посмеялся над вами. Мы квиты. И поэтому слушайте, мои друзья. Вы помните об эпидемии космической чумы?

2

Конечно, мы помнили об этой эпидемии. Вернее, я помнил, а Алиса читала о ней. Лет пятнадцать назад на Землю вернулась экспедиция из восемнадцатого сектора галактики. Как и положено было в те времена, дальняя экспедиция причалила не к самой Земле, а к базе на Плутоне, для того чтобы пройти карантин. Это и спасло нашу планету.

Два члена экипажа были больны неизвестной болезнью. Их отправили в изолятор. Но, несмотря на все лекарства, им становилось все хуже и хуже. На следующий день заболели остальные члены экипажа, а еще через два дня — все, кто был на базе.

На Земле была объявлена тревога, и специальный медицинский корабль понесся к Плутону. Несколько дней подряд продолжалась борьба за жизнь космонавтов и сотрудников базы. И закончилась поражением врачей. Им не только не удалось вылечить заболевших, но и они сами, несмотря на все меры, тоже заболели.

Вот тогда эту болезнь и назвали космической чумой.

Был объявлен карантин, и патрульные корабли крейсировали вокруг Плутона, чтобы кто-нибудь случайно туда не залетел. Тем вре-

менем лучшие врачи Земли и других планет старались разгадать тайну болезни. Казалось, что против нее нет никакого средства и ничем ее не остановить. Не помогали ни лекарства, ни толстые стены изоляторов.

И лишь через три месяца ценой громадных жертв и усилий несколько тысяч ученых нашли причину болезни и узнали, как ее победить.

Обнаружилось, что справиться с чумой было так трудно потому, что ее переносили вирусы, которые обладали двумя удивительными свойствами: во-первых, они умели маскироваться под своих безвредных собратьев и найти их в крови было совершенно невозможно, а во-вторых, все вместе они были разумным существом. Каждый вирус сам по себе не мог думать и принимать решения, но, когда их собирались вместе несколько миллиардов, образовывался странный, злой разум. И стоило врачам приблизиться к разгадке чумы, как разум тут же приказывал всем вирусам изменить форму, выдумывал противоядия против лекарств, находил новые пути убивать людей.

Когда ученые догадались, в чем дело, они попытались наладить с вирусным разумом связь. Но тот не захотел разговаривать с людьми. Или не смог — все мысли его, вся его изобретательность были направлены только на разрушение, ничего создавать он не умел.

Потом, когда космическая чума была уже побеждена, удалось найти в архивах других планет упоминание об этих вирусах.

Оказалось, что Солнечная система — не

первое место, где появлялась эта чума. На счету у вирусов были погубленные планеты и целые системы планет. И если не удавалось найти способ изгнать чуму, вирусы не успокаивались до тех пор, пока не уничтожали все живое на планете. Истребив людей и животных, вирусы или снимались, как рой пчел, и улетали в космическое пространство, где поджидали какой-нибудь корабль либо планету, чтобы напасть на них, или оставались на месте и впадали в спячку.

Космические археологи из экспедиции Громозеки и решили, что, наверное, планета Колеида погибла от космической чумы. Обитатели ее не нашли способа справиться с эпидемией.

И вот, для того чтобы убедиться в этом наверняка, Громозека прилетел к нам на Землю. На Земле есть Институт времени. Его сотрудники могут путешествовать в прошлое. И Громозека решил попросить в институте, чтобы к нему в экспедицию прислали машину времени и кто-нибудь слетал в прошлое Колеиды и посмотрел, не от космической ли чумы погибли все ее жители.

3

На следующий день Громозека с утра ушел в Институт времени. Пропадал он там до обеда, и Алиса, которая уже знала все о его делах, придя из школы, осталась дома ждать возвращения археолога. Ей было очень любопытно узнать, чем все кончится.

Мы увидели Громозеку в окне. Задрожали стекла, и наш дом легонько затрясся. Громозека шел посреди улицы, рычал какую-то песню и нес такой большой букет цветов, что задевал им за дома на разных сторонах улицы. Прохожие при виде нашего дорогого чудовища прижимались к стенам и немного пугались, потому что никогда раньше не видели букета цветов в пять метров в диаметре, из-под которого высывались длинные толстые щупальца с когтями на концах. Громозека каждому прохожему давал по цветку.

— Эй! — крикнул мой друг, останавливаясь под нашими окнами.

— Здравствуй, Громозека! — воскликнула Алиса, растворяя окно. — У тебя хорошие новости?

— Все расскажу, мои дорогие! — ответил Громозека и дал цветок старику, который от удивления сел прямо на тротуар. — Но пока примите этот скромный букетик. Я его передам вам по частям, а то мне с ним не войти в подъезд.

И Громозека протянул щупальца с первой порцией цветов.

Через пять минут вся комната была набита цветами, и я даже потерял Алису из виду. Наконец последняя охапка цветов очутилась в комнате. Я спросил:

— Алиса, где ты?

Алиса откликнулась из кухни:

— Я собираю все кастрюли, чашки, миски,

тарелки и вазы, чтобы налить в них воду и поставить цветы.

— Не забудь о ванне, — сказал я. — Наполни ее водой. В нее поместится большой букет.

После этого я, разгребая цветочное море, поплыл к двери, чтобы открыть ее и впустить Громозеку в дом.

Увидев, что творится в квартире, Громозека был очень доволен.

— Я думаю, — сказал он, помогая нам расставлять цветы по кастрюлям, вазам, мискам, плошкам, тарелкам и чашкам, ставить их в ванну и кухонную раковину, — я думаю, что раньше вам никто не приносил такого пышного букета.

— Никто, — согласился я.

— Значит, я ваш самый лучший друг, — заявил Громозека. — А в доме опять нет ни капли валерьянки.

Сказав так, Громозека улегся на пол, на ковер лепестков, и рассказал, что ему удалось сделать за день.

— Сначала я пришел в Институт времени. В Институте времени мне очень обрадовались. Во-первых, потому, что к ним приехал сам Громозека, знаменитый археолог...

Здесь Алиса перебила нашего гостя и спросила:

— А откуда они о тебе, Громозека, знают?

— Обо мне все знают, — ответил Громозека. — Не перебивай старших. Когда меня увидели в дверях, то у всех от радости случился обморок.

*Прохожие при виде нашего дорогого чудовища
прижимались к стенам и немного пугались.*

— Это от страха, — поправила Громозеку Алиса. — Некоторые, кто тебя раньше не видел, могут испугаться.

— Чепуха! — рявкнул Громозека. — У нас на планете я считаюсь красавцем.

Тут он рассмеялся, и лепестки цветов взвились в воздух.

— Не думай, что я такой наивный, Алиса, — сказал он, отсмеявшись. — Я знаю, когда меня боятся, а когда рады меня видеть. И поэтому я всегда сначала стучусь в дверь и спрашиваю: «Здесь маленьких детей и слабонервных женщин нет?» Если мне отвечают, что нет, тогда я вхожу и говорю, что я знаменитый археолог Громозека с Чумароза. Теперь ты довольна?

— Довольна, — подтвердила Алиса. Она сидела, скрестив ноги, на свернутом в клубок щупальце Громозеки. — Продолжай. Значит, во-первых, они обрадовались, что к ним приехал сам Громозека. А во-вторых, почему?

— Во-вторых, — сказал Громозека, — потому, что они только вчера кончили испытания новой машины времени. Если раньше все машины могли работать только из здания института, то новую машину можно перевезти на другое место. Она питается от атомных батарей. Они как раз собирались везти машину на Чудное озеро.

— Куда? — удивился я.

— Громозека хотел сказать — на Чудское озеро, правильно? — уточнила Алиса. — Гро-

мозека имеет право не знать некоторых событий в нашей истории.

— Я так и сказал — Чудское озеро, — заявил Громозека. — А кто не так услышал, у того, значит, больные уши... Они хотели смотреть, как Александр Македонский победил там псов-рыцарей.

— Правильно, — сказала Алиса. — Они хотели посмотреть, как Александр Невский победил там псов-рыцарей.

— Ох, — вздохнул Громозека, — вечно меня перебивают! Но, когда я узнал, что они все равно готовят машину времени для поездки, я им сказал: «Что такое одно озеро, когда в вашем распоряжении будет целая планета? А на озеро вы всегда успеете съездить, потому что каждому школьнику известно, что Александр Невский все равно победил всех рыцарей. А вот что случилось с планетой Колеида, не знаю даже я, великий археолог Громозека. Хотя, вернее всего, она погибла от космической чумы».

— И они согласились? — спросила Алиса.

— Не сразу, — признался Громозека. — Сначала они говорили, что машина еще не проверена и в таких трудных условиях, как космос, она может отказать и случится авария. Потом, когда я сказал, что на Колеиде условия никак не труднее, чем на Чудном озере, они сказали, что атомные батареи и другая аппаратура такие тяжелые, что нужно десять кораблей, чтобы их перевезти на Колеиду. Но тут-то я уж понял, что они вот-вот согласятся.

Ведь им тоже соблазнительно испытать свою машину времени на чужой планете. И я заявил им, что мы можем пустить в ход главную электростанцию на Колеиде и, кроме того, у нас в экспедиции есть очень мощный атомный реактор и даже гравитационные двигатели. А если им нужно послать вместе с машиной целую группу испытателей, мы их всех примем, накормим и даже будем через день возить на экскурсии. Вот они и согласились. Ну как, молодец я?

— Ты молодец, Громозека, — сказал я.

— А теперь я буду спать, потому что завтра начнем погрузку. Даже без атомных батарей нам понадобится для перевозки машины три корабля. А эти корабли еще надо достать.

И тут же Громозека прислонил толстую, мягкую, похожую на небольшой воздушный шар голову к стене и заснул.

4

Весь следующий день Громозека носился по Москве, летал в Прагу, созванивался с Луной, доставал корабли, договаривался о погрузке и лишь вечером пришел домой. На этот раз без цветов, но не один.

С ним пришли два временщика. Так у нас называют работников Института времени. Один временщик был молодой, длинноногий, очень худой и, может быть, поэтому не очень веселый. У него были темные курчавые волосы, словно у папуаса, и Громозека, удивляясь, какие бывают на свете тонкие создания, все

время норовил поддержать временщика когтем. Второй временщик был невысоким плотным пожилым человеком с маленькими острыми серыми глазками. Он немного заикался и был одет по самой последней моде.

— Петров, — представился он. — М-михаил Петров. Я руковожу проектом. А Ричард будет заниматься непосредственно нашей машиной.

— Как же, как же, — сказал я. Имя этого знаменитого физика, который открыл временные изменения в сверхтекучей плазме, а потом возглавил Институт времени, было мне отлично известно. — Очень рад, что вы пришли к нам в гости.

— А у вас какой-то праздник? — спросил Петров. — Д-день рождения? Извините, мы не знали, а то бы принесли подарок.

— Нет, это не праздник, — заметил я. — Это наш друг Громозека вчера принес нам букет цветов. А так как Громозека все делает несколько преувеличенно, то он попросту оборвал целую цветочную оранжерею.

— Садитесь, — предложил Громозека. — Сейчас выпьем валерьянки и поговорим.

Он достал из глубокой сумки, которая растет у всех чумарозцев на животе, бутыль с валерьянкой и множество всяких вкусных вещей и напитков.

— Итак, — сказал он, усаживаясь на ковер и окружая всех нас щупальцами, будто боялся, что мы разбежимся, — вот мы и достали корабли, получили согласие Академии наук на

вашу командировку в космос и скоро отправимся испытывать машину. Вы рады?

— Спасибо, — сказал вежливо Петров. — Мы благодарим вас за приглашение.

— Вот, — проговорил Громозека обиженно, обращаясь ко мне, — на самом деле он не рад. И знаешь почему? Потому что ему хотелось побывать на Чудном озере.

— На Чудском, — поправила Громозеку Алиса.

Громозека как будто не слышал.

— Ему хотелось побывать на Чудском озере, потому что он знает, чего ждать от этого озера. Сколько туда ни езди, все равно рыцарям не победить Александра... Невского. А вот на Колейде неизвестно чем все закончится. А вдруг их погубила вовсе не космическая чума, а что-то другое?

— Если вы хотите упрекнуть нас в трусости, — обиделся Ричард, — то ваши замечания попали не по адресу. Вы просто не представляете, с каким риском связана работа во времени. Вы не знаете, что наши люди пытались помочь Джордано Бруно и спасти его от костра, что они проникали в ряды армии крестоносцев и в фашистские лагеря. Знаете ли вы, что им приходится полностью перевоплощаться в людей другого времени, делить с ними все их опасности и беды?

— Не горячись, Ричард, — остановил его Петров. — Разве т-ты не видишь, что Громозека тебя специально дразнит? Вот ты и попался на удочку.

— Я никого не дразнил! — возмутился Громозека. — Я очень прямой и наивный археолог.

Громозека говорил неправду. На самом деле он не лишен ехидства, и он боялся, что временщики почему-нибудь откажутся от полета к археологам и тогда все его мечты пойдут прахом.

— Не беспокойтесь, Громозека, — сказал вдруг Петров, который был очень проницательным человеком. — Если институт обещал вам, что экспериментальная модель машины времени будет испытываться в вашей экспедиции, значит, так и будет.

— Вот и отлично! — ответил Громозека. — Я и не сомневался. Иначе я не стал бы знакомить вас с моими лучшими друзьями — профессором Селезневым и его отважной дочерью Алисой, о которой вы мало знаете, но скоро узнаете больше.

— А почему они скоро узнают больше? — спросил я.

— Потому что я придумал замечательный подарок к дню рождения твоей дочки, профессор, — ответил Громозека.

— Какой?

— Я возьму ее с собой на Колеиду.

— Когда? Сейчас?

— Конечно, сейчас.

— Но ведь ей в школу надо ходить.

— Я завтра же сам пойду к ней в школу и поговорю с учительницей. Она наверняка отпустит ее на несколько дней.

— Ой, — сказала Алиса, — большое спасибо! Только не надо ходить в школу.

— Почему?

— Потому что наша Елена очень нервная и боится пауков, мышей и других чудовищ.

— А я при чем? — спросил строгого Громозека.

— Ты ни при чем, — поспешила ответить Алиса. — Но она может тебя немножко испугаться. Не столько за себя, сколько за меня. Она скажет, что будет бояться отпустить меня... то есть не с тобой, а с таким, как ты... то есть, ты только не обижайся, Громозека...

— Все понятно, — сказал мой друг печально. — Все понятно. Ты, моя девочка, попала в руки к жестокой женщине. Ты опасаешься, что она может причинить мне, твоему другу, зло.

— Нет, ты меня не так понял...

— Я тебя отлично понял. Профессор!

— Что? — спросил я и постарался сдержать улыбку.

— Немедленно возьми своего ребенка из этой школы. Ее там замучают. Если ты этого не сделаешь, я завтра же сам пойду туда и Алису спасу.

— Алиса сама кого угодно спасет, — сказал я. — Не бойся за нее. Ты мне лучше скажи, на сколько дней ты собираешься ее забрать?

— Дней на тридцать — сорок, — попросил Громозека.

— Нет, об этом и не мечтай.

— Тогда на двадцать восемь дней.

— Почему на двадцать восемь?

— Потому что я с тобой торгуюсь и ты уже выторговал у меня два дня. Торгуйся дальше.

Временщики рассмеялись.

— Никогда не знал, что космические археологи такие веселые люди, — заметил Ричард.

— Да я не собираюсь с тобой торговаться, — сказал я Громозеке. — Неужели не ясно, что ребенку надо ходить в школу?

— К такому монстру, как Елена, которая мучает мышей и пауков? Которая могла бы на меня напасть, если бы не Алисино предупреждение?

— Да, к такому монстру, к очаровательной, доброй и чуткой женщине — не в пример тебе, толстокожему эгоисту.

— П-погодите, не спорьте, — вмешался тогда Петров. — Когда у Алисы начинаются каникулы?

— Через пять дней, — сказала Алиса.

— Они длинные?

— Недельные.

— Вот и отлично. Пустите, профессор, вашу дочку с нами на неделю. Наверное, мы все равно не успеем до каникул закончить погрузку.

— Стойте! — обиделся Громозека. — Я еще не успел толком поторговаться с профессором. Отпусти дочку на двадцать шесть дней.

— Нет.

— На двадцать два!

— Не отпущу!

— Ты жестокий человек, Селезнев. Я жалею, что подарил тебе вчера скромный букет

цветов. Восемнадцать дней, и ни минутой меньше.

— Но зачем вам так много времени?

— Два дня полета туда. Два дня обратно. И две недели на месте.

— Хорошо, — согласился я. — Четыре дня на дорогу, пять дней на Колеиде и один день на всякий случай. Итого десять дней. Я сам схожу в школу и попрошу, чтобы Алисе разрешили опоздать на три дня с каникул. И больше об этом ни слова.

— Ладно, — согласился Громозека. — Но корабль может задержаться в пути. Вдруг встретим метеоритный поток?

— Если встретите, то вы не виноваты.

— Алиса, — обернулся Громозека к моей дочери, — ты все поняла? Инструкции получишь у меня завтра. А теперь я вам, дорогие временщики, расскажу, как нам повезло, что этот жестокий профессор согласился отпустить с нами свою прелестную дочь. Послушайте в моем изложении историю о том, как она нашла трех капитанов и спасла Галактику от космических пиратов.

И Громозека принялся рассказывать временщикам о том, как мы летали на «Пегасе» за космическими зверями и как нашли Второго капитана. Рассказ его был так далек от истины, что я даже не стал прерывать Громозеку, а только сказал Петрову и Ричарду:

— Все уменьшайте в десять раз. А ты, Алиса, иди делать уроки, а то еще и в самом деле

поверишь Громозеке, какие подвиги ты совершила.

— Ну, скажем, подвигов я не совершила, — сказала Алиса, — но вела себя достойно. Спокойной ночи, я пошла делать уроки. Встретимся в космосе.

Когда Громозека кончил рассказ про Алису, временщики принялись обсуждать свои дела, выяснять, что потребуется взять дополнительно на Колеиду, и разошлись уже за полночь.

А когда мы ложились спать, я спросил Громозеку:

— Скажи мне, старый хитрец, почему ты так настаивал, чтобы Алиса летела с тобой на Колеиду?

— Пустяки, хочется сделать ребенку приятное, — сказал Громозека.

— Не верю я тебе, но что делать...

— Я буду сам за ней смотреть, — заявил Громозека, устраиваясь поудобнее и сворачиваясь в большой блестящий шар. — Ни один золотой волосок не упадет с ее прекрасной головки.

А еще через четыре дня корабли с разобранной машиной времени на борту взяли курс на Колеиду. На первом корабле вместе с Громозекой летела Алиса. А что случилось с ней на той планете, я узнал только через две недели, когда Алиса вернулась домой. Произошло там вот что.

Корабли опустились на Колеиду ранним утром. К тому времени, как были открыты люки, дежурный радиостаршина успел разбудить всех археологов, и они, одеваясь на бегу, спешили к кораблям по истоптанному роботами и копательными машинами пыльному полю.

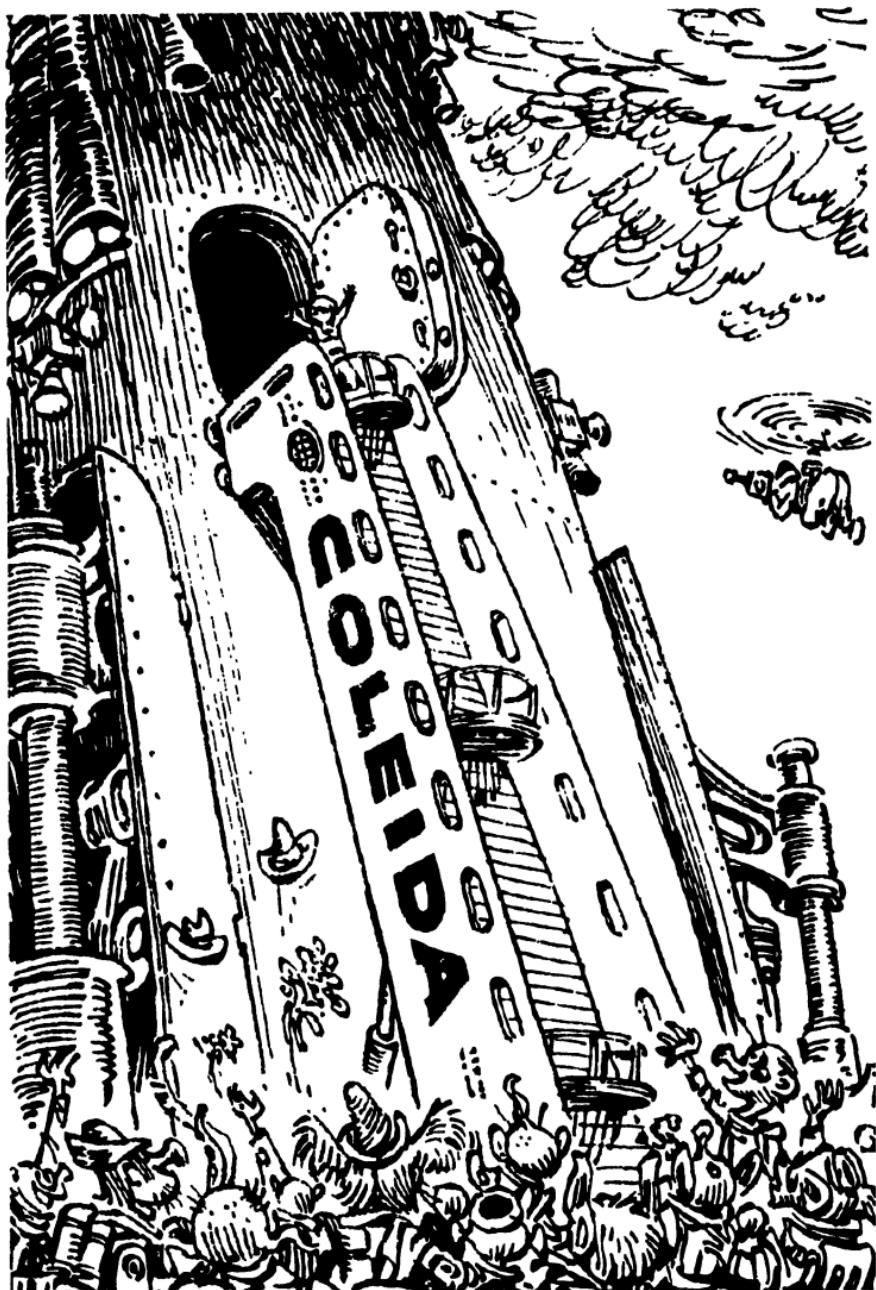
— Я выйду последним, — сказал Громозека временщикам и Алисе. — Вы гости, а я скромный археолог. Они уже знают, что мы привезли машину времени, и поэтому будут очень рады нас видеть. Алиса, оденься потеплее, я обещал твоему отцу, что ты не простудишься. Хотя в общем это тебе не угрожает, потому что простуду вызывают микробы, а микробов на Колеиде нет.

— Почему нет? — спросила Алиса.

— А потому, что на Колеиде ничего нет. Ни людей, ни зверей, ни растений, ни мух, ни микробов. Космическая чума уничтожает все живое.

Первой из корабля вышла Алиса.

В экспедиции было тридцать пять археологов. И ни одного с Земли. Здесь были линеанцы, фиксианцы, ушаны и другие ученые. Кроме общей профессии, у них не было ничего общего. Среди встречавших оказались археологи вообще без ног, на двух ногах, на трех ногах, на восьми ногах, на щупальцах, на колесиках, а один археолог мог похвастаться ста сорока четырьмя ногами. Самый маленький археолог был ростом с котенка, а самым большим был

Первой из корабля вышла Алиса.

наш друг Громозека. У всех археологов было разное число рук, глаз и даже голов.

А все головы были повернуты к люку корабля, и, когда Алиса остановилась у люка и помахала своим новым знакомым рукой, они замахали в ответ руками и щупальцами и закричали ей «здравствуй» на двадцати с лишним языках.

Еще больше археологи обрадовались появлению временщиков, но, когда в люк пролез веселый Громозека с туго набитым мешком писем и посылок, археологи даже запрыгали от радости, подхватили Громозеку на руки (щупальца и колесики) и понесли к разноцветным палаткам лагеря. По дороге одного из археологов, самого маленького и хрупкого, даже задавили, но, к счастью, не до смерти — Алиса успела заметить его под ногами (щупальцами и колесиками) археологов и вытащить полузадущенного наружу.

— Спасибо, девочка, — поблагодарил археолог, сворачиваясь клубочком у Алисы на руках. — Может, я смогу отплатить тебе добром за добро. Мои друзья немножко увлеклись.

Археолог был светло-зеленый, пушистый, у него было курносое лицико с одним сиреневым глазом.

— Я крупнейший в Галактике специалист, — сказал он, — по расшифровке древних языков. Ни одна кибернетическая машина со мной не сравнится. Если бы они меня совсем затоптали, это была бы большая потеря для науки вообще и для нашей экспедиции, в частности.

Даже в такой тяжелый момент маленький археолог думал о деле, а не только о себе.

Алиса принесла пострадавшего археолога, которого звали Рррр, в самую большую палатку, где собирались все остальные, и при помощи Петрова отыскала врача экспедиции — грустного, похожего на садовую лейку на ножках обитателя планеты Кроманьян. А когда врач сказал, что больному ничего не угрожает, она стала слушать, о чем разговаривают археологи.

Оказалось, члены экспедиции не сидели сложа руки, пока их начальник летал на Землю за машиной времени. Они раскопали небольшой город целиком, со всеми его домами, улицами, салями, фабриками, кинотеатрами и железнодорожной станцией.

И после обеда за общим длинным столом, во время которого Громозека рассказывал друзьям о своих приключениях на Земле, археологи повели гостей осматривать раскопки.

Конечно, за сто лет, прошедших со дня гибели города, ветры, дожди и снега постарались снести его с лица земли, и во многом это им удалось. Но каменные дома все-таки остались стоять, хоть и без крыш и окон; выветрились, но не совсем пропали мостовые, вдоль которых рядами стояли обломанные без коры высокие пни деревьев. Лучше всего сохранился старый замок на холме над городом. Ему было уже больше тысячи лет, но стены, сложенные из могучих каменных плит, стойко выдержали нападения ветра и дождя.

Археологи смазали рассохшееся дерево клей-

кими растворами, положили на место разбросанные камни и кирпичи, осторожно убрали с улиц грязь и пыль, накопившиеся за век, и в солнечный, светлый день город казался хоть и потрепанным, старым, но чистым и почти настоящим. Как будто люди ушли из него совсем недавно.

Жители города были невелики ростом, ниже обычных людей, но очень на них похожи, и когда Алиса зашла в один из восстановленных домов, то оказалось, что и стол в нем, и кровать, и стулья были сделаны будто специально для Алисы.

Около станции стоял маленький поезд. У паровоза была длинная труба, а вагончики с большими круглыми окнами и выгнутыми крышами были похожи на старинные кареты.

Один из археологов, специалист по реставрации, который и восстановил паровоз и поезд из кучи ржавого лома, долго не отпускал гостей со станции — ему очень хотелось, чтобы они оценили, как тщательно сделаны все ручки, кнопки и рубильники в старинной машине.

Потом гости осмотрели музей, куда археологи собрали все мелкие вещи, найденные в городе: картины, статуи, посуду, одежду, домашнюю утварь, украшения и так далее. И видно было, как много им пришлось потрудиться, чтобы вернуть эти вещи к жизни.

— Скажите, — спросил Петров, когда гости кончили осматривать музей, — вам удалось

т-точно установить, когда погибла планета Колеида и отчего она погибла?

— Да, — сказал маленький археолог Рррр. — Я прочитал остатки газет и журналов и нашел много документов. Во всем виновата эпидемия. Эпидемия началась на Колеиде сто один год, три месяца и двадцать дней назад. По тому, как ее описывали испуганные жители, она очень похожа на космическую чуму.

— А как чума попала на планету? Ведь вирусы ее сами не могут пролететь сквозь атмосферу. Значит, ее кто-то принес. Может, это был метеорит?

— Вот это нам узнать не удалось. Все может быть, — сказал Рррр. — Известно только, что первые сообщения о странной болезни появились в газетах именно в три тысячи восьмидесятом году местной эры. В третьем месяце и восьмом дне.

— И выяснить, как это случилось, придется нашим друзьям временщикам, — закончил за него Громозека. — Для этого они сюда и прилетели. Так что, друзья, считайте, что мы почти победили!

Громозека затряс щупальцами, распахнул громадную пасть, все археологи закричали «ура», а временщик Петров сказал тихо:

— Вот именно, что почти.

6

Пять дней все археологи, временщики и матросы с космических кораблей устанавливали машину времени и атомные батареи для ее

питания. Наконец посреди поля выросло высокое, с трехэтажный дом, сооружение.

Сама временная камера занимала в этом сооружении только самую середину, остальное были контрольные приборы, пульты управления, дублирующие блоки, кибернетический мозг и вспомогательные устройства.

Все работы на раскопках остановились. Что за смысл копаться в обломках, если есть возможность посмотреть на эти вещи и на хозяев наяву?

— Ну вот, — сказал утром на шестой день Петров, — монтаж машины закончен. В камере может поместиться только один человек. А так как модель машины опытная и неизвестно еще, чем все кончится, в прошлое пойду я сам.

— Ничего подобного! — возразил Ричард, размахивая длинными худыми руками. — Мы же с вами спорим уже четыре дня, и я вас убедил, что идти надо мне.

— Почему? — спросила Алиса.

Она была вся перемазана в графите и покрыта пылью. Она не успевала умываться и причесываться — так она была занята. Ведь надо было и техникам помочь, и на раскопках побывать, и слетать на разведку с добродушным Рррр, который ни в чем Алисе отказать не мог, ведь она спасла его от смерти.

— Да потому, Алиска, — сказал Ричард, — что если что-нибудь случится со мной, то мое место может занять любой из ста сотрудников Института времени, а если что-нибудь случится

с академиком Петровым, его не заменит никто в Галактике. Так что я рассуждаю разумно. Да и вообще, что может случиться с нашей машиной?

— Тем более, — добавил Петров, — должна же быть какая-то дисциплина. Я ненесу ответственность и за машину, и за тебя, Ричард.

— Я бы сам поехал в прошлое, — сказал Громозека, — но я никак не умешусь в машине времени.

— Все понятно, — заметила Алиса. — Полечу я.

Все засмеялись, и никто не стал ее слушать всерьез. Алиса очень обиделась, чуть не разревелась, и тогда, пока Петров с Ричардом убеждали друг друга, кому ехать первым, Громозека осторожно оттащил Алису щупальцем в сторону и прошептал:

— Слушай, девочка, я же тебя пригласил сюда не совсем бескорыстно. Я думаю, что тебе еще придется съездить в прошлое. Не сейчас, а позже. И тогда на твою долю выпадет самая сложная работа. Какая — говорить еще рано. Но клянусь тебе всеми чудовищами космоса, что в решающий момент командовать парадом будем мы с тобой.

— Как бы не так, — сказала Алиса. — Мы здесь уже шесть дней, а послезавтра уходит грузовая ракета на Землю, и для меня в ней выделено место.

— Ты мне не веришь? — удивился Громозека и пустил желтый дым из ноздрей. — Ты

ставишь под сомнение честное слово самого Громозеки? Тогда, значит, я глубоко ошибался. Ты недостойна той чести, которую я для тебя приготовил.

— Достойна, достойна, — ответила быстро Алиса. — Я буду молчать.

Они вернулись к временщикам.

— Значит, т-так, — сказал Петров, глядя в упор на Ричарда, как будто гипнотизируя его. — Завтра утром я лечу в прошлое. Для начала мы заглянем в тот момент, когда эпидемия уже бушевала на Колеиде. Полет будет коротким. Не больше чем полчаса. Я никуда не буду отходить от машины и вернусь ка-ак только что-нибудь разузнаю. Если все кончится благополучно, следующий полет в прошлое будет длиннее. Ясно?

— Но, Михаил Петрович... — начал было Ричард.

— Все. Займись лучше проверкой системы безопасности, если не хочешь, чтобы твой начальник застрял посреди путешествия.

— Главное, — сказал Рррр, который слышал весь спор, — привезите оттуда свежую газету. Или даже несколько свежих газет.

— Обязательно, — сказал Петров. — Что еще?

— А еще нам придется зайти в мою лабораторию, — сказал доктор, похожий на садовую лейку, — и пройти гипнотический курс обучения местному языку. Это займет часа два. И вам может пригодиться.

На следующее утро Алиса проснулась от жужжания, словно огромная пчела летала над самой палаткой. Было холодно, ветер колыхал полог, и Громозека ворочался на подстилке, подрагивая щупальцами во сне, словно щенок лапами.

— Алиса! — послышался тихий голос из-под полога. Нижний край его отогнулся, и в отверстии сверкнул сиреневый глаз Рррр. — Хочешь посмотреть, как испытывают машину времени?

— Ну конечно! — прошептала в ответ Алиса. — Я сейчас. Только оденусь.

— И потеплее, — сказал вдруг Громозека, не открывая глаз. Слух у него был исключительный. Даже во сне.

— Ты его разбудила? — спросил Рррр.

— Нет, он спит. Просто он никогда не перестает обо мне заботиться. Он слово дал моему отцу.

Алиса выбралась из палатки. На земле пятнами лежал голубой иней. Палатки были еще застегнуты, лишь над крайней, в которой была кухня, поднимался дымок. Лагерь спал.

Солнце только-только выбралось из-за похожих на частую гребенку с выломанными зубьями гор, тени были длинные, и раскопанный археологами городок казался сиреневым, как глаз Рррр.

Алиса подбежала к машинному зданию, из которого доносилось низкое жужжение.

— Я думаю, — трещал без умолку Рррр,

который бежал сзади, как котенок, — что временщики решили запустить машину без свидетелей. Чтобы было как можно меньше шума. Они очень осторожные и, я бы сказал, странные и скромные люди. Но я счел своим долгом разбудить тебя, Алиса, потому что ты мой друг, а без друга я не имею морального права наблюдать, как самый первый человек отправится на сто лет назад и узнает, что же случилось с этой несчастной планетой... Осторожнее!.. Если они нас увидят, они могут нас вообще выгнать...

Но было поздно. Петров, одетый в длинный халат, в высокой шляпе, как носили на Колеиде парикмахеры, выглянул из двери машинного здания и увидел Алису и Рррр.

— А я думал, что мы никого не разбудили, — сказал он весело. — Ну уж если вы такие догадливые, забирайтесь сюда — на улице холода страшный. Громозека спит?

— Спит, — подтвердила Алиса.

— Ну и хорошо. А то он устроил бы мне торжественные проводы с музыкой и речами. А мы всего-навсего начинаем опыт. Идите сюда.

Во внутреннем помещении у раскрытой дверцы в кабину времени стоял Ричард и нажимал по очереди все кнопки, а затем смотрел, что говорят по этому поводу приборы на пульте управления.

— Все готово? — спросил Петров.

— Да. Можете идти. И все-таки я в последний раз прошу вас...

— И не п-проси, — ответил Петров и надвинул на лоб капюшон. — Вряд ли я сойду за настоящего парикмахера, но я не собираюсь отходить далеко от машины.

Ричард выпрямился, увидев Алису и маленького археолога.

— Доброе утро, — поздоровался он. — Вы уже встали? — Он был так занят проверкой машины, что даже не очень удивился.

— До свидания, д-друзья, — сказал Петров. — К завтраку вернусь. То-то Громозека удивится!

Петров вошел в кабину и задвинул за собой прозрачную дверь.

Ричард отошел к пульту управления. Он ничего не трогал на нем — только следил за показаниями приборов. Все кнопки находились в кабине. Их нажимал Петров.

Жужжание вдруг усилилось и тут же затихло. Петров исчез из кабины. На месте его образовался сгусток тумана. Потом и он пропал.

— Вот и все, — заметил Ричард. — Кажется, нормально.

Алиса увидела, что Ричард скрестил пальцы, и удивилась, что ученые-временщики могут быть такими же суеверными, как простые школьники перед экзаменами.

— Когда он вернется? — спросила Алиса. Она была горда тем, что первой увидела, как временщик уходит в прошлое. Даже Громозека проспал этот момент.

— Через час, — ответил Ричард.

В центральной рубке временной станции

стояла тишина. Алиса достала из кармана комбинезона расческу, причесалась сама и предложила причесаться Ричарду. Он явно забыл это сделать утром.

— Скажите, — спросил Рррр, — а ведь там, в прошлом, нет второй временной камеры? Ведь академик Петров без камеры туда попал?

— Правильно, — согласился Ричард и даже немного удивился тому, какие наивные вопросы ему приходится выслушивать. — Когда мы работаем из Института времени, то мы на другом, приемном конце тоже устанавливаем такую же камеру. Тогда путешествие туда и обратно просто и надежно. А вот в опытных образцах и в этой переносной камере приходится обходиться только одной установкой. За это изобретение академик Петров и получил Нобелевскую премию.

— Значит, он там сейчас вышел на голое поле? — удивилась Алиса.

Она представила, как Петров стоит на виду у всех, такой беззащитный и одинокий, и ей стало за него страшно.

— Примерно так и есть, — ответил Ричард. — Спасибо за расческу.

— Пожалуйста.

— Но он отмечает точку, в которую прибыл в прошлое, и, когда вернется, станет точно в то же самое место. И запоминающее устройство сразу получит сигнал: путешественник во времени вернулся и готов к перелету. И сработает автоматика. Даже моего участия в этом не

потребуется. Я так здесь стою, на всякий случай.

— А если не он придет на это место? Если случайно корова туда зайдет? — спросила Алиса.

— Правильный вопрос, — ответил Ричард. — Если на это место станет другой человек или животное, то сюда придет сигнал: «Объект в поле действия камеры не тот, который ушел в прошлое». И тогда установка просто-напросто не сработает.

— Ну, а если он ранен, если он не сможет выпрямиться, а может только приползти туда? — сдавалась Алиса.

— Не говори глупостей! — рассердился вдруг Ричард. — Все может случиться. Поэтому я и хотел туда полететь вместо Михаила Петровича. А ты задаешь глупые вопросы.

Алиса замолчала. Вопросы были не такими уж и глупыми. Она подошла поближе к камере и стала рассматривать кнопки управления. Внутрь она заглядывать не стала, потому что в любой момент мог появиться Петров, и тогда бы они столкнулись.

Ричард подошел к ней. Он чувствовал себя неловко, потому что нагрубил девочке, и поэтому стал объяснять:

— Вот видишь зеленую кнопку справа? Когда Петров нажал на нее, дверь в камеру закрылась. Потом он нажал на вторую, белую кнопку. Этим он включил временное поле. В то время ты его еще видела. Наконец он нажал на красную кнопку. И очутился в прошлом, в той точке,

которую мы вычислили заранее и на которую настроена вся аппаратура.

— Значит, он сам не сможет выбирать, куда ему отправиться?

— Нет. Это сложная работа. Настраивается множество приборов. Мы всю ночь готовили к этому нашу машину.

— И куда он сейчас попал?

— Сейчас Петров находится сто один год назад, в те дни, когда эпидемия уже началась, но люди на Колеиде были еще живы.

Неожиданно жужжение снова усилилось.

— Внимание! — сказал Ричард.

Еще через три секунды в камере появилось облачко тумана и тут же превратилось в Петрова.

Петров ничуть не изменился. Он откинул назад капюшон, отодвинул дверь в камеру и вышел.

— Ну, вот и все, — сказал он, как зубной врач, который только что поставил пломбу. — Мы приехали.

— Ну и что? Что? — заволновался Рррр, подбегая к ногам временщика и глядя на него снизу вверх.

— Еще не знаю, — ответил Петров. — Я очень спешил. Не хотел, чтобы вы волновались. Держите ваши газеты.

Он вытащил из-за пазухи пачку газет и других бумаг и протянул их археологу. Рррр схватил их длинной мохнатой ручкой и раскрыл одну из газет. Газета была больше его размером,

и поэтому маленький археолог целиком скрылся за ней.

— Пошли, — сказал Петров. — Ричард, отключи питание. Надо рассказать обо всем товарищам. Да и завтрак скоро. Наверное, они уже просыпаются.

— Вот Громозека на вас обидится, — сказала Алиса, — что вы его не позвали.

— Не об-бидится, — ответил Петров и скинулся длинный халат.

Они пошли к выходу из станции. Впереди шел Ричард, потом Петров, который держал за руку Алису, а последней шла раскрытая газета, за которой скрывался Рррр.

— Вот Громозека... — начала снова Алиса, которая никак не могла справиться с гордостью оттого, что она видела то, что Громозека проспал.

Но окончить фразу она не успела.

У входа на станцию времени на песке сидел Громозека, а рядом стояли все остальные археологи.

— Ну вот, — заявил Ричард, — а мы думали, что вы спите.

— Никто не спал, — сказал обиженно Громозека. Из ноздрей у него густо валил желтый дым, и от него сильно пахло валерьянкой.

— Никто не спал, — подтвердили остальные археологи.

— Мы не хотели вам мешать. Мы гордые люди. Не пригласили — не надо.

— Извините, — сказал Петров.

— Ничего, — улыбнулся Громозека. — Мы

не сильно обиделись. Пошли в столовую, и вы все нам расскажете. Думаете, нам легко было здесь ждать на холоде?

— И волноваться, — сказал кто-то.

И все пошли в столовую.

8

— Ну что ж, — сказал Петров, глядя на археологов, — что-то, я вижу, никто не собирается завтракать. Давайте я тогда в двух словах расскажу, что видел в прошлом. А потом примемся за еду.

Археологи одобрительно закивали.

— Вышел я из камеры благополучно, — начал Петров. — Все было рассчитано совершенно правильно. Точка расположена на поляне, рядом с городом, метрах в трехстах от последнего дома. Я отметил место высадки и поспешил к городу. Там было раннее утро, и все еще спали. Вернее, не все, но большинство людей. Я не успел пройти и ста шагов, как увидел, что по дороге, ведущей к городу, спешат несколько машин с синими кругами.

— Это «скорая помощь», — сказал Громозека. — Мы уже знаем.

— Правильно. «Скорая помощь». Я тоже это знал и потому понял, что наш расчет был точным. В городе эпидемия. И я пошел к городу.

— Погодите! — вскричал вдруг Рппр. — А у вас была сделана прививка?

— Конечно, — сказал Петров. — Все при-

вивки от всех известных космических болезней. И, разумеется, от космической чумы.

Громозека, будто вспомнив о чем-то, достал из кармана на круглом животе записную книжечку и нацарапал на ней несколько слов.

— Машины остановились у б-больницы, — продолжал Петров.

— Знаем, — сообщил археолог, похожий на стрекозу на длинных ножках. — Мы ее откопали.

Петров вздохнул.

— Если кто-нибудь еще будет перебивать академика, — зарычал Громозека, — мы его уведем отсюда и запечатаем в палатке.

— Правильно, — сказали археологи.

— Я увидел, как из «скорой помощи» выносят больных на носилках. Но я не стал задерживаться там, потому что знал, что Ричард меня ждет и будет волноваться. Я прошел к газетному киоску. Киоск был открыт, но никого в нем не было видно. Когда я заглянул внутрь, то увидел, что продавец лежит на полу.

«Вам плохо?» — спросил я его.

«Я, по-моему, тоже заболел», — прошептал продавец.

«А мне нужны газеты», — сказал я.

«Берите что хотите, — заявил продавец. — Только позовите санитаров, потому что у меня нет сил выбраться отсюда».

Тогда я забрал все газеты, какие смог, и поспешил к госпиталю. Я сказал санитарам, что в газетном киоске лежит больной, но санитары только отмахнулись от меня. Они, видно, устали

ли до смерти. Я заглянул в окно больницы и увидел, что люди лежат там вповалку. Не хватает кроватей.

Тогда я вернулся обратно к киоску и вытащил оттуда продавца. Ведь продавец такой маленький... ну, как Алиса... и нести его было совсем не тяжело. Я положил его у входа в больницу, но входить внутрь не стал, потому что на меня и так уже стали коситься, ведь я вдвое выше ростом любого из них.

Но зато я не переставая фотографировал все, что видел. Поэтому я думаю, что наши специалисты смогут по фотографиям все узнать. Кроме того, я взял из киоска немного разных денег — они ведь все равно не понадобились бы продавцу, а нам, если мы снова отправимся в прошлое, они будут нужны. Вот и все. А теперь давайте завтракать.

— Минуточку, — сказал Громозека. — Прежде чем мы начнем есть, я прошу всех без исключения археологов и гостей отправиться в медпункт.

— Зачем?

— Все должны сделать прививки от космической чумы. Все без исключения.

Алиса не любила делать прививки, но Громозека заметил, что она торопится в медпункт, и подошел к ней.

— Слушай, дочка, — сказал он громким шепотом, — у меня к тебе особая просьба. Ты сделаешь прививки не только от космической чумы, но и от всех остальных возможных болезней. Врач уже предупрежден.

Обед Алисе принес верный Рппп.

— Ой, зачем, Громозека! — возразила Алиса. — Я так плохо переношу уколы.

— Помнишь, я говорил тебе, что готовлю специальное задание? Так вот, без уколов разговаривать нам не о чём.

Алисе пришлось пойти в медпункт, сделать уколы, проглотить восемь таблеток и выпить страшно соленые капли от дрожалки Коса — удивительной болезни, которой еще никто не болел, но все врачи считают, что кто-нибудь обязательно заболеет.

Алиса мужественно выдержала все испытания, потому что верила Громозеке. Зря он не стал бы ее просить.

После всех уколов и таблеток Алисе стало плохо. Ее охватил озноб, болела голова и ныли зубы. Но доктор, похожий на садовую лейку, сказал, что так и должно быть и завтра недомогание пройдет. Алисе пришлось лежать в палатке и ничего не делать, в то время как остальные археологи допрашивали Петрова и рассматривали фотографии.

9

Обед Алисе принес верный Рррр. Ему трудно было тащить поднос с тарелками, потому что поднос был больше его размером. Он приспособил для обеда тачку.

— Ешь, — попросил он, — а то остынет.

— Не хочется, Рррр, — сказала Алиса. — Я еще не совсем выздоровела.

— Все-таки ты слабенькая, — отметил уко-

ризненно Рррр. — Вот я после укола хожу как ни в чем не бывало.

— Так вам сделали только один укол, а мне много.

— Почему? — удивился маленький археолог. Оказывается, он не знал, что Алиса прошла весь курс уколов, как космический разведчик, отправляющийся на неизведенную планету.

— Наверное, Громозека беспокоится обо мне. Он же обещал папе заботиться обо мне.

— Конечно, конечно, — согласился Рррр. — Учи, что мне тебя очень жалко. Я бы с удовольствием сделал эти уколы за тебя.

— Спасибо, — сказала Алиса. — А что нового?

— Нового очень много, — сообщил маленький археолог. — И если ты съешь тарелку супа, я тебе кое-что расскажу. А если ты съешь и второе, я тебе расскажу почти все.

— Тогда я съем компот, и вы расскажете мне самое главное, — согласилась Алиса.

Но маленький археолог только улыбнулся, подмигнул сиреневым глазом, и Алисе пришлось начать с нуля. А тем временем Рррр рассказал вот что.

Больше всего археологам помогли свежие газеты, которые принес из прошлого академик Петров. Из газет удалось узнать, каким путем зловещий вирус космической чумы проник на планету Колеида. Оказалось, что за неделю до этого на Колеиду вернулся первый космический корабль, запущенный с планеты. Он должен был совершить несколько оборотов

вокруг Колеиды и потом сделать круг возле спутника планеты — маленькой Луны. Полет прошел нормально, и тысячи колеидян, живших в этом полушарии планеты, пришли на космодром встретить своих первых космонавтов. Вечером того же дня космонавты должны были выступать на большом митинге на главной площади столицы Колеиды. Но они не пришли на митинг, потому что заболели загадочной болезнью. В газетах того дня об этом было рассказано очень коротко и туманно. Но еще через день, когда заболели родственники космонавтов и все, кто их встречал на космодроме, стало ясно, что на Колеиду из космоса попала страшная инфекция. А еще через три дня болезнь распространилась по всей планете.

— Как видишь, Громозека был с самого начала прав. Это, без сомнения, космическая чума, — произнес в конце своего рассказа Рррр. — Наши специалисты внимательно рассмотрели фотографии, которые принес Петров, и теперь в этом нет никакого сомнения.

— Как жалко! — сказала Алиса. — И ничем нельзя им помочь?

— Как же можно помочь людям, которые умерли сто лет назад? — удивился маленький археолог. — Ну ладно, ты доедай компот и спи. А я тебя завтра проведаю.

— Спасибо, — ответила Алиса. — А что теперь будут делать временщики?

— Временщики будут готовить свою машину для других полетов. Они настраивают ее на тот

день, когда прилетели космонавты. Они хотят окончательно убедиться в том, что именно космическая чума попала на Колеиду. Надо как можно больше узнать о чуме, чтобы она не напала на какую-нибудь другую планету. И завтра Ричард пойдет в прошлое на неделю раньше.

Рррр раскланялся и убежал, мягко стуча по полу палатки своими пушистыми ножками. Он так спешил читать свои газеты и журналы, что забыл тачку.

Не успели его шажки стихнуть, как полог палатки снова откинулся и вошел сам Громозека.

— Кто у тебя был? — спросил он. — Зачем тебе тачка?

— Маленький Рррр, — сказала Алиса.

Громозека принес поднос с обедом.

— А ты откуда достала компот? — спросил Громозека строго.

Алиса допила стакан с компотом и сказала:

— Рррр принес. И суп я тоже уже ела.

— Ай-ай-ай! — расстроился Громозека. — А я выпросил у повара для тебя самые вкусные куски. Может, ты все-таки пообедаешь еще разок? За здоровье твоего дядюшки Громозеки.

— Нет уж, спасибо.

— Алиса, тебе очень нужны калории, — сказал Громозека.

— Не больше, чем всегда.

— Больше, — сказал Громозека. — Я пришел поговорить с тобой серьезно, как ученый с ученым. Ты как себя чувствуешь?

— Уже лучше.

— Намного лучше или ненамного лучше?

— Намного лучше. Я даже могу встать.

— Не надо вставать.

Громозека рассеянно поставил поднос с обедом на пол, протянул два свободных щупальца к пологу и застегнул его. Затем вылил себе в пасть тарелку супа и сказал:

— Не пропадать же хорошей пище. Я тебе компот оставлю.

— Спасибо.

— Алиса, — начал Громозека торжественно, — ты знаешь, что все считают меня очень наивным и прямодушным существом.

— Не все, — сказала Алиса.

— Ну, плохие люди везде есть. Я и на самом деле наивное и прямодушное существо. Но я умею заглядывать в будущее, а не только в прошлое, как многие наши друзья. Скажи, зачем я тебя позвал в экспедицию?

— Чтобы сделать мне подарок к дню рождения, — ответила Алиса, хотя уже отлично понимала, что не только для этого.

— Правильно, — взревел Громозека. — Но не только для этого. Подарок — это тебе. Подарок — это прилететь на планету. Подарок — это поглядеть на раскопки и познакомиться с моими товарищами. Подарок — это прогулять три дня в школе... То есть последнее это не подарок, а маленькое преступление. Но я не о том. Ты можешь, конечно, сесть послезавтра на грузовую баржу и улететь домой. И мы останемся друзьями. Но я не думаю, что

ты так сделаешь. Потому что я знаю твоего отца, я знаю тебя, и я думаю, что ты захочешь мне помочь.

— Конечно, захочу, — сказала Алиса.

— Я летел на Землю и много думал, — сказал Громозека. — Я думал так: вот есть планета Колеида, которая погибла от космической чумы. И вот мы, археологи, через сто лет прилетели сюда и смотрим на черепки, которые от нее остались. Смотрим, и все. Потом отвезем эти черепки в музей и напишем на них: «Погибшая цивилизация».

— И тогда вы решили обратиться в Институт времени.

— Обратиться я раньше решил. Обратиться — это еще ничего не дает. Мы только будем знать, какие черепки и где искать. Вот и все. Что-то надо было делать, а что, я не мог догадаться. А потом я приехал к вам в гости и сидел у вас и разговаривал с вами. А потом я пошел в Институт времени и договорился, что они дадут нам свою машину. А потом я догадался и поэтому купил много цветов и вернулся к вам домой. А о чем я догадался?

— О чем?

— Вспомни, Алиса, тебя не удивило, когда ты в первый раз пришла в город, какого размера там домики, и кровати, и столы?

— Маленького.

— Не только маленького! Твоего размера. А вспомни, что сказал Петров, когда рассказал нам, как он относил в больницу больного продавца газет.

— Не помню.

— Он сказал, что на него смотрели с подозрением, потому что он вдвое выше любого из жителей города. Какой мы делаем из этого вывод?

Алиса промолчала. Она не знала, какой сделать вывод.

— Первый мой шаг — достать машину времени, — продолжал Громозека. — Второй шаг — выяснить, в самом ли деле они погибли от космической чумы. Третий шаг — уговорить временщиков заглянуть в тот день, когда космическая чума проникла на планету Колеида. А четвертый шаг?

— Ну!

— Ага, ты уже догадываешься! Четвертый шаг — послать туда Алису. Если, конечно, машина в исправности и особой опасности для Алисы нет. А зачем послать туда Алису?

— Чтобы я...

— Правильно. Чтобы ты пробралась в то место и в то время, когда космическая чума проникла на планету, и нашла способ эту чуму убить в зародыше. Что тогда получается? Чумы нет, планета жива, и археологам здесь делать нечего. Все кричат «ура», и целый миллиард человек спасен одной маленькой девочкой.

— Ой, как интересно! — воскликнула Алиса.

— Ш-ш-ш-ш! — Громозека закрыл ей рот концом щупальца. — Нас могут услышать раньше времени.

— А почему я? — спросила шепотом Алиса.

— А потому, что ты именно такого роста,

как жители этой планеты. Потому, что ни Петрову, ни Ричарду, ни тем более мне не пробраться на космодром к кораблю. А тебя никто не заметит. Ты такая же маленькая, как они сами.

— А почему тайна?

— Нет, я вижу, ты все-таки недостаточно умная. Представь себе, что я говорю твоему родному отцу: «Послушай, профессор, я хочу послать твою дочку в далекое прошлое незнакомой планеты, чтобы она спасла эту планету от ужасной болезни». Что ответит твой отец?

Алиса подумала немножко и сказала:

— Вообще-то мой отец понятливый, но боюсь, что он сказал бы: ни в коем случае.

— Правильно. Ни в коем случае. Потому что ты для него все еще маленькая девочка, несмышленыш, о котором надо заботиться. Потому что у твоего отца есть отцовский инстинкт. Ты знаешь, что это такое?

— Знаю. А у дедушки есть дедушкин инстинкт, а у мамы — мамин. И все эти инстинкты говорят им о том, чтобы я тепло одевалась и не забывала взять плащ, если идет дождь.

— Великолепно! — сказал Громозека. — Мы отлично друг друга понимаем. Я тебе не хотел говорить об этом раньше, потому что еще не был уверен, как работает машина и что найдут временщики в прошлом. Но теперь все оказалось именно так, как я рассказывал.

— И я завтра полечу в прошлое?

— Ни в коем случае! Это слишком опасно. В прошлое полетит Ричард. Он должен найти

путь в тот день, когда прилетел космический корабль. Он все разведает. Потом туда же слетает Петров. Учти, они еще ни о чем не знают. И мне придется потратить много часов, чтобы уговорить их на мой план. Они не знают даже, что можно попробовать убить чуму в самом зародыше. Они просто никогда не пытались изменить прошлое. У них даже закон такой есть: прошлое изменять нельзя. Но ведь Колеида — далекая планета и ее прошлое никак не влияет на прошлое и настояще других планет. Значит, первой трудностью будет уговорить их вмешаться в прошлое Колеиды. А уж потом начнется вторая трудность — это ты.

— Но они могут сказать, что сами пойдут на космодром и сами очистят корабль от космической чумы, — сказала Алиса. — И все тогда погибнет.

— Нет, почему же погибнет? Если они сами это сделают, это будет замечательно: мне не придется за тебя волноваться.

— Ну вот, — обиделась Алиса, — сначала обещал, а теперь говорит, что будет замечательно, если без меня обойдется!

Громозека засмеялся так, что палатка зашаталась.

— Посмотрим, — сказал он. — Посмотрим. Я рад, что ты не испугалась. Сегодня вечером перед ужином ты отправишься к врачу и пройдешь гипнотический курс обучения языку Колеиды. Он предупрежден. Но пока не наступило время — никому ни слова, даже твоему другу Рррр. И учти: если ты уедешь в прошлое,

то тогда с тобой отправится и кто-нибудь из временщиков, который будет за тобой следить и страховывать тебя. Так что не надейся, что ты будешь действовать в полном одиночестве. А сейчас отдохай.

Но, когда Громозека вышел из палатки, отдохнуть Алиса уже не могла. Она соскочила с кровати и побежала смотреть, как готовят машину времени к завтрашнему утру.

10

«Хорошо бы, — думала Алиса, подобравшись поближе к машине времени и разглядывая пульт управления, — слетать в прошлое. Даже если мне велят отправиться в прошлое вместе с Ричардом или Петровым, я не откажусь. Они могут взять меня на руки, а когда мы вернемся обратно, снова возьмут на руки, и получится, будто путешествовал всего один человек. Машина это выдержит».

Временщики не обращали на Алису внимания. Им было некогда. Надо было перестроить машину так, чтобы она посыпала человека на неделю дальше, чем прежде. Вернее, на неделю и двадцать часов. Петров объяснил Алисе, что они делают так для того, чтобы успеть на поезд, который идет от раскопанного археологами городка в столицу. Расписание поездов они взяли из газеты, деньги на билет у них были. Оставалось только сесть на поезд и доехать до космодрома в тот момент, когда прилетит космический корабль, и посмотреть на космонав-

тов вблизи — правда ли, что это космическая чума.

Алиса обо всем забыла, но тут донесся голос Громозеки:

— А-лиса!

Голос проник сквозь толстые стены станции, и огоньки приборов тревожно замигали.

— Б-беги к нему, — сказал Петров, — а то от его голоса стены рухнут.

Алиса сразу вспомнила, зачем ее разыскивает главный археолог. Пора было к доктору — учить язык.

Доктор, похожий на садовую лейку, долго раскачивал головой на тонкой, прямой и невероятно длинной шее, словно собирался сказать длинную речь. Но сказал только:

— Садитесь, молодой человек, — и показал на кресло, с которого свешивались разноцветные провода.

Алиса послушно уселась. Кресло изменило форму, обхватило Алису со всех сторон, а доктор подошел поближе и принялся быстро прикреплять к вискам Алисы провода, на концах которых были присоски.

— Не бойся, — произнес он, когда Алиса поежилась.

— Я не боюсь, — ответила Алиса. — Просто щекотно.

На самом деле она немного испугалась.

— Закройте это, — сказал доктор.

— Что?

Доктор громко вздохнул и взял со стола

Кресло изменило форму, обхватило Алису со всех сторон, а доктор подошел поближе.

словарь. Минуты три искал нужное слово, а потом сказал:

— Разумеется, глаза.

Из черного ящика, в который уходили провода, послышалось жужжание. Жужжание передалось в голову Алисе, и голова закружилась.

— Терпите, — сказал доктор.

— Я терплю, — ответила Алиса. — И долго терпеть?

Доктор молчал. Алиса приоткрыла один глаз и увидела, что он опять листает словарь.

— Час, — сказал он наконец. — Закройте глаза.

Алиса глаза закрыла, но не удержалась, чтобы не спросить:

— Скажите, а почему вы сами русский язык не выучите таким же путем?

— Я?! — удивился доктор. — Мне некогда.

Он подумал немного, отошел в угол лаборатории, загремел там какими-то склянками и добавил тихо:

— Я очень неспособный к языкам. Такой неспособный, что даже гипнотерапия мне не... забыл.

— Не поможет?

— Да.

Алисе было очень уютно. В голове тихонько жужжало, захотелось спать, и Алиса подумала, как бы не заснуть, и тут же услышала голос доктора:

— Просыпайтесь. Конец.

Доктор снимал с ее головы присоски и распутывал провода.

— Уже все? Разве целый час прошел?

— Да.

В лабораторию протиснулся Громозека. Он внимательно посмотрел на Алису и спросил:

— Бунто тодо бараката а ва?

Алиса только успела подумать: «Что за чепуха?» — и вдруг поняла, что никакая это не чепуха. Просто Громозека спросил ее по-колеидски, выучила ли она язык. А поняв, Алиса спокойно ответила Громозеке:

— Кра бараката то бунта.

Что означало: «Да, я язык выучила».

Громозека захочотал и велел идти ужинать, а доктор так расстроился, что от ужина отказался.

— Никогда, — сказал он им вслед, — никогда мне не выучить ни одного языка! — И из лейки полились струйками горькие слезы.

За ужином Громозека посадил Алису подальше от себя, чтобы она не задавала ему вопросов. Перед Алисой тут же, как по волшебству, оказалось восемь стаканов с компотом. Вся экспедиция знала уже, что Алиса любит компот, и если бы не строгий Громозека, она могла бы есть компот сколько влезет.

Но в тот вечер Алиса даже не смотрела на компот. Она старалась поймать взгляд Громозеки, услышать, о чем он говорит с Петровым. А когда ужин кончился, она услышала, как Громозека сказал:

— Какой чудесный закат! Вы не возражаете,

если мы немножко погуляем и полюбуемся природой?

— П-природой? — удивился Петров. — Никогда не замечал за вами любви к закатам. Кроме того, мне хотелось бы вернуться к машине.

— Ничего, время терпит, — миролюбиво прорычал Громозека и потащил Петрова в сторону.

Алиса поняла, что сейчас произойдет самое главное: разговор о завтрашнем путешествии и мечте Громозеки. И тогда она совершила не очень хороший поступок. Она стала подслушивать, о чем разговаривают временщик и археолог. Она подождала, пока они не остановились у большого камня, перебежала тихонько к нему и затаилась.

— Как вы полагаете, — спросил Громозека у Петрова, — можно ли уничтожить эпидемию космической чумы, если захватить ее в самом начале?

— Конечно, можно, — сказал Петров. — Только вопрос этот к нам отношения не имеет, ведь Колеида погибла сто лет назад.

— Ага, — сказал Громозека, будто слышал только начало ответа Петрова. — Значит, можно.

И он рассказал Петрову, как хочет изменить всю историю планеты Колеида и вернуть ее к жизни.

Петров сначала даже рассмеялся, но Громозека и щупальцем не повел. Попыхтел желтым дымом и снова сказал, что надо проникнуть к

космическому кораблю в тот момент, когда он снизится на космодроме, и уничтожить вирусы.

— Но как?

— Я все предусмотрел, — сказал Громозека. — Перед отлетом с Земли я пошел в медицинский институт и попросил вакцину против чумы. Я сказал им, что археологическая экспедиция работает на планете, где есть опасность заразиться. И тогда они не пожалели сыворотки. Ведь в каждом медицинском центре Земли есть запас вакцины. Если вирус снова попытается напасть на Землю, ему несдобровать.

— Значит, вы с самого начала хотели изменить историю Колеиды?

— Совершенно верно, Петров! — воскликнул Громозека. — С самого начала. Еще до того, как ваш Институт времени согласился послать сюда свою машину.

— И ни слова об этом на Земле не сказали?

— Ни слова. Вы бы меня и слушать не стали.

Алиса подумала, что Громозека слишком уж скрытный и недоверчивый. Наверное, временщики его все-таки выслушали бы.

— Понятно, что вам или Ричарду, — продолжал Громозека, — будет очень трудно прорваться с вакцинами к самому космическому кораблю, поэтому я пригласил с нами Алису. Она одного роста с колеидцами, и она согласна под видом местной жительницы опрыскать корабль вакциной.

— Вы и Алису сюда втравили?

— Что за выражения, академик! — обиделся Громозека. — Я никого не втравливал. Алиса опытный человек. Ей уже десять лет, и у нее за плечами несколько космических путешествий. Она отлично справится с этим небольшим заданием.

— Ни в коем случае! — сказал Петров таким тоном, как сказал бы отец. — Еще я или Ричард можем рискнуть, но Алиса — ни за что.

— Но, академик...

— И слушать не желаю! Идея ваша в общем смелая и интересная. Хотя совершенно неизвестно, какие она может повлечь за собой последствия. Мы посоветуемся с Ричардом и потом запросим разрешение Земли.

Алисе из ее укрытия видно было, как поник Громозека. Даже голову втянул в плечи так, что над щупальцами поднялся лишь низкий холм.

— Все погибло, — сказал он. — Все погибло. Вы начнете переписываться с Землей, сюда понаедет восемьсот экспертов, и они в конце концов скажут, что этого делать нельзя. Что риск велик для всей Галактики.

— Ну вот, — сказал Петров, — вы же сами понимаете.

— Сам-то я понимаю...

— Значит, завтра с утра Ричард уходит в п-прошлое и старается на поезде доехать до столицы. Там он смотрит на прилет космического корабля, возвращается и докладывает нам обстановку. И, повторяю, ничего не предпринимает. Если окажется, что вы правы и космическая чума попала на Колеиду с этим

кораблем, мы сообщим об этом на Землю и попросим совета у ученых. Все. Спокойной ночи, и, пожалуйста, на меня не обижайтесь.

С этими словами Петров ушел к временной станции, чтобы готовить ее к завтрашней работе.

Громозека так и не поднимался с земли. Он сидел на камнях и был очень похож на большого печального осьминога.

Алисе стало его жалко. Она вышла из-за скалы и подошла к нему поближе.

— Громозека, — сказала она тихо и погладила шершавое щупальце.

— Что? — спросил он, открывая один глаз. — А, это ты, Алиска? Ты слышала?

— Слышала.

— Ну вот, и все мои планы рухнули.

— Не расстраивайся, Громозека. Я все равно за тебя. Неужели мы чего-нибудь не придумаем?

— Обязательно придумаем, — раздался тут тонкий голосок.

Из-за другого камня, словно котенок, выскочил маленький археолог Рррр. Его сиреневый глаз светился в сумерках, как фонарик.

— Я тоже все слышал, — сообщил он. — Я не мог пересилить любопытство. Я тоже с вами согласен. Мы не можем ждать, пока сто тысяч экспертов проведут сто тысяч совещаний. Мы, археологи, открываем прошлое. Но до сих пор мы его не изменяли, а теперь возьмем и изменим. И если временщики откажутся, мы

их свяжем и сами с Алисой пойдем туда вместо них.

— Ну вот, этого еще не хватало, — печально улыбнулся Громозека. — Тогда нас вообще из археологов выгочтят. И за дело.

— Пускай выгонят. Мы останемся жить на этой планете. Нам поставят памятник благодарные колеидцы.

— Знаете что, — сказал Громозека, поднимаясь во весь свой слоновый рост, — перестаньте рассказывать сказки! И в самом деле, идите спать.

Громозека шел впереди, еле переставляя щупальца — так был расстроен. Алиса и Рррр шагали чуть сзади и пытались его успокоить.

Но Громозека был безутешен.

У палатки они остановились, чтобы попрощаться с Рррр.

— Ничего страшного, — сказал Рррр. — Завтра Ричард посмотрит на прилет корабля, и мы напишем письмо на Землю. Ведь они все равно умерли сто лет назад. И даже если ваша идея будет осуществлена через десять лет, ничего особенного не случится.

— Тоже мне, утешил! — сказал Громозека. И вполз в палатку.

Алиса задержалась у входа. У нее появилась мысль.

— Ты в какой палатке? — спросила она Рррр.

— В третьей с краю.

— Тогда не спи, — попросила Алиса. —

Мне надо будет с тобой поговорить. Как только все успокоятся.

Громозека шумно, вздыхая и рыча, укладывался спать.

— Послушай, — сказала ему Алиса. — А как же ты собирался делать космонавтам прививки? — спросила она. — Ведь они не согласятся на уколы.

— Глупышка! — ответил сонным голосом Громозека. — Я и не собирался делать им уколы. Мне в медицинском институте дали вот этот баллон. — Громозека показал на небольшой баллончик, похожий на термос, который висел на ремешке над его койкой. Алиса видела его тысячу раз, но никогда не обращала внимания. — Он действует, как огнетушитель, — сказал Громозека. — Стоит нажать кнопку, как из него вырвется струя вакцины. Она, как туман, окутает все вокруг. Если струю направить на открытый люк корабля, она заполнит весь корабль и убьет вирусы. Она войдет с воздухом в легкие космонавтов и вылечит их, если они больны. И через три минуты на Колеиде не останется ни одного вируса космической чумы. Ну, спи, это нам теперь не пригодится. Туши свет, завтра рано вставать.

11

Алиса послушно потушила свет и прислушалась к дыханию Громозеки. Трудно было догадаться, заснул он или нет. Ведь он так чутко

спит. И, кроме того, у Громозеки три сердца, и он дышит очень неровно.

Алиса решила считать до тысячи. Она до-считала до пятисот пятидесяти и поняла, что засыпает. Этого делать было нельзя. Она ущипнула себя за руку, но щипок получился слабый, и тут же ей показалось, что она едет на колеидском поезде, в маленьком вагоне, и колеса стучат ровно и тихо: тук-тук-тук...

«Алиса», — сказал ей тихо кондуктор.

Видно, хотел проверить билет. Но билета у Алисы нет, она забыла деньги дома. Она хотела сказать об этом кондуктору, но рот ее не слушался.

«Алиса... тук-тук-тук...»

Кондуктор взял ее за руку, чтобы вывести из вагона, и Алиса попыталась вырваться.

И тут она поняла, что вокруг совсем темно. Что она в палатке, а не в поезде, что она проспала все на свете.

Она вскочила. Кровать скрипнула. Громозека зашевелился во сне и спросил:

— Кому не спится?

Алиса замерла. Рядом она услышала частое дыхание.

— Кто тут? — прошептала она.

Полог палатки был приоткрыт.

— Это я, — сказал Рррр.

Алиса схватила комбинезон и выползла на улицу.

Светила яркая луна, было зябко, и в лагере не горело ни единого фонаря. Рррр казался черным комочком.

— Я тебя ждал, — прошептал маленький археолог. — А ты все не идешь. А я привык быть верным своему слову. Сказал, не буду спать, и не сплю.

— Прости, Рррр, — сказала Алиса, — я считала до тысячи, ждала, пока Громозека заснет, вот и заснула нечаянно.

— Почему ты просила меня не спать?

— Ты не догадываешься?

— Догадываюсь, — сказал Рррр. — Только хочу от тебя самой услышать.

— Завтра с утра Ричард уйдет в прошлое. Он только посмотрит на корабль, но ничего делать не будет. Петров ему не велел. Но ведь машина готова к работе. А что если мы ее включим и я пойду туда вместо Ричарда? Громозека мне все объяснил.

— А ты можешь включить?

— Я все знаю, как делать.

— Но что ты будешь делать в прошлом?

— Проеду на космодром, встречу корабль и убью вирусы.

— Как?

— У Громозеки все приготовлено. Я знаю.

Маленький археолог задумался.

— Это, пожалуй, наш единственный шанс, — сказал он. — Если этого сейчас не сделать, то никогда уже не сделать. Но ведь это такое нарушение дисциплины!

— Тише, перебудишь всех. Подумай, что значит одно нарушение дисциплины, если идет речь о целой планете? Я обязана рискнуть.

— Ты говоришь, как Жанна д'Арк, — сказал маленький Рррр. — Помнишь такую?

— Конечно, помню. Она Францию спасла.

— Правильно. Я тоже читал. Только Жанне было семнадцать лет, а тебе только десять.

— Но Жанна жила, наверное, тысячу лет назад, а я в двадцать первом веке.

— Знаешь что? — сказал черный комочек, лежащий у Алисинах ног. — Ты права. Иногда приходится нарушать дисциплину.

— Отлично! — сказала Алиса. — Утром, когда все проснутся, скажи им правду. Я вернусь, как только все сделаю. И пусть они не ищут меня.

— Они обязательно пойдут за тобой.

— Нет, ты не знаешь, Рррр. Они не могут этого сделать, потому что машина пропускает только одного человека. И запоминает его, чтобы, когда надо, принять его обратно. Если в нее пройдет другой человек, прежде чем вернется первый, первому уже придется навсегда остаться там, в прошлом. И Петров это знает лучше всех. Им все равно придется меня ждать.

— Это слишком опасно.

— Нет, не слишком.

— Слишком. И поэтому я пойду с тобой.

— Ты — со мной?

— Да.

— Но ты ведь не похож на них, совсем не похож. Тебя узнают.

— Но я похож на их котят. И ты будешь путешествовать с котенком. И я знаю их язык лучше, чем ты. И я все про них изучил и смогу

тебе подсказать, если будет нужно. И вообще послежу за тобой.

— Ой, как не хочется, чтобы за мной следили! — сказала Алиса.

Но на самом деле она была очень рада, что маленький Рррр поедет с ней. Одной все-таки очень страшно путешествовать сто лет назад в неизвестной стране.

— Я тебя возьму на руки и буду держать, как котенка.

— Лучше положи в сумку, — сказал Рррр.

— Ладно, я возьму сумку. Все равно надо баллон с вакциной брать. Без него там делать нечего.

— Тогда собирайся, а я побегу к себе.

— Зачем?

— Я возьму деньги, у меня в лаборатории есть их деньги. Нам же придется билет покупать. Потом я себе сделаю хвост и разденусь. Не бывает же котят в комбинезонах. Хоть мне и не хочется ходить по чужой планете голым, но что делать?

— Ничего, ты не очень голый, — сказала Алиса. — Ты же весь шерстяной и пушистый.

— Спасибо, — пискнул Рррр. — У нас с тобой разные взгляды на одинаковые вещи.

И он зашуршал по пыли — побежал к своей палатке.

Алиса натянула комбинезон, потом прокралась в палатку и сняла с гвоздя баллончик с вакциной. Громозека спал. Он громко дышал, и щупальца его свисали с широкой кровати на пол.

Потом Алиса разыскала свою сумку, положила туда свитер и баллон. Потом подумала немного и решила, что в комбинезоне ей ехать в прошлое не стоит. Она отыскала в чемоданчике свое платье, которое еще не надевала, и переоделась. Громозека все еще спал.

Но, когда она уже собралась уходить и оглянулась, ей показалось, что один из глаз Громозеки открыт.

— Ты не спишь? — прошептала она.

— Сплю, — прошептал в ответ Громозека. — Свитер не забыла?

— Нет, — удивилась Алиса.

Она постояла еще с секунду, но Громозека крепко спал. Может, ей показалось, что она только что с ним разговаривала?

Она выбралась наружу.

— Все в порядке? — раздался шепот.

Алиса наклонилась и при свете луны увидела у своих ног пушистого котенка с коротким хвостом.

— Ты из чего хвост сделал? — шепотом спросила она археолога.

— У моего соседа по палатке есть шуба на меху. Он всегда надо мной подсмеивался, что его шуба сделана из моих братьев — такая у него неудачная шутка. А вот видишь, пригодилась. Тебе нравится?

— Ты самый настоящий котенок, — сказала Алиса. — Только жалко, что глаз у тебя один.

— С этим уж ничего не поделаешь, — вздохнул Рррр. — Придется мне пореже высовыватьсь из сумки. Громозека спит?

— Лучше положи в сумку, — сказал Рппп.

— Спит, — сказала Алиса. — Очень странно спит. Он мне во сне сказал — свитер с собой взять.

— Угу, — сказал Рррр. Как будто не поверили, что Громозека спал.

И они направились к темному зданию машинной станции.

12

Алиса нажала сначала зеленую кнопку. Дверь в кабинку закрылась. Она поудобнее повесила сумку через плечо и прижала маленького археолога к груди. Рррр зажмурился.

— Не беспокойся, — сказала ему Алиса. — Все будет в порядке.

Она нажала белую кнопку.

И потом красную.

И тут же ее окутал туман, голова закружилась, лаборатория исчезла, и стало совершенно непонятно, летит она или стоит: ни стен, ни потолка, ни пола, только какое-то непонятное движение, которое кружит и несет вперед.

И тут же толчок, снова туман вокруг.

Туман рассеялся.

Уже наступило утро. Алиса стояла на том же месте, где только что была станция, но только никакой станции, никакого палаточного городка и в помине не было.

Вокруг был зеленый луг, дальше начинался лесок, за которым виднелись крыши. Крыши были именно там, где археологи раскопали городок. И все это было совершенно удивительно, потому что только что этот самый город

Она нажала белую кнопку. И потом красную.

был пустынным, без крыш и стекол в окнах. И не было деревьев, и не было травы. А небо было таким же. И холм таким же.

— Ты меня чуть не раздавила, — послышался слабый голос, и Алиса вздрогнула от неожиданности. И тут же сообразила, что крепко прижимает к груди маленького археолога.

— Мне дышать нечем, — проворчал Рррр. — Отпусти меня пока на волю. Тяжело будет меня все время в сумке таскать.

Алиса разжала руки — совсем забыла, что археолог не котенок. Археолог упал на землю и застонал.

— Ой, извини! — сказала Алиса. — Я совсем растерялась.

Рррр потер ушибленную ногу и ответил сердито:

— Теряться нам некогда. Идем в город. Поезд без нас уйдет. Тогда получится, что мы сюда зря прилетели.

— А вдруг машина ошиблась? Вдруг корабль не сегодня прилетает?

— Машины не ошибаются, — сказал археолог и побежал по траве к городу.

Алиса шла сзади. Она сорвала ромашку и понюхала ее. Ромашка ничем не пахла. Над Алисой закружилась пчела.

— Уйди, — попросила ее Алиса и тут подумала, что если ей ничего не удастся сделать, то через неделю здесь не будет ни одной живой души — ни пчел, ни людей, ни даже деревьев.

Археолог первым выбежал на узенькую тропинку.

— Не задерживайся, — снова проворчал он и взмахнул хвостом.

— Знаешь что? — сказала ему Алиса. — Ты лучше хвостом поменьше махай — это у тебя не очень естественно получается.

— Он крепко пришит, — заметил Рррр, но хвостом махать перестал.

Они подошли к деревьям. Деревья тянулись ровной полосой, будто были специально посажены.

— Погоди здесь, — сказал тихо археолог. — Я загляну, нет ли кого впереди.

Алиса остановилась и от нечего делать стала рвать ромашки, чтобы сплести венок. У Алисы слабость плести венки из ромашек или других цветов, например, кашек. Но кашки на Колеиде не растут.

— Ай! — услышала Алиса тонкий крик, потом рычание. Она бросила ромашки и побежала к деревьям. Что-то стряслось с археологом.

Она успела вовремя. Археолог несся к ней со всех ног, а за ним, сжимая в зубах пушистый хвост Рррр, бежала большая собака.

— Назад! Сейчас же назад! — крикнула Алиса собаке.

Собака оскалилась, но остановилась.

Алиса подхватила археолога на руки, и тот прошептал:

— Спасибо!

— Отдай хвост, — велела Алиса собаке, которая стояла неподалеку и не выпускала из

пасти пушистого хвоста. — Это чужой хвост. Не твой. Отдай сейчас же.

Алиса сделала шаг к собаке, но собака отступила, будто хотела с ней поиграть. Собака была большая, лохматая, белая, с рыжими пятнами. Из-за кустов вышел маленький человек, чуть выше Алисы ростом.

— Что тут такое? — спросил он, и Алиса поняла вопрос, потому что со вчерашнего дня знала местный язык.

— Ваша собака на моего котенка напала, — ответила Алиса по-колеидски.

— Ах ты, баловница! — сказал человек.

Он был одет в серые штаны и серую рубашку, а в руке держал длинный кнут. Наверное, он был пастух.

— И пускай она хвост отдаст. Она хвост у котенка оторвала, — заявила Алиса.

— На что твоему котенку хвост? — удивился пастух. — Ведь он не прирастет.

— Пускай отдаст, — повторила Алиса.

— Резра, брось, — приказал пастух.

Собака бросила хвост на землю, и Алиса, не выпуская археолога из рук, подняла хвост.

— Спасибо, — сказала она. — А поезд скоро уходит?

— Какой поезд? — спросил пастух.

— В столицу.

— Через час, — ответил пастух. — А ты кто такая будешь? Почему я тебя не знаю? Я всех в нашем городе знаю.

— А я на экскурсию приезжала, — сообщила

Алиса. — И домой возвращаюсь. Я в столице живу.

— И говор у тебя странный, — сказал пастух. — Вроде бы все слова понятные, а говоришь не по-нашему.

— Я далеко живу, — сказала Алиса.

Пастух с сомнением покачал головой.

— И одета не по-нашему, — сказал он.

Археолог вздрогнул и прижался сильнее к Алисе.

— Как не по-вашему?

— На вид ты будто ребенок, а ростом чуть ли не с меня.

— Это только так кажется, — заметила Алиса. — Мне уже шестнадцать лет.

— Ну и ну! — сказал пастух.

Потом он обернулся к Резре, подозвал собаку и, все еще покачивая головой, пошел к кустам. Но вдруг, когда Алиса уже решила, что опасность миновала, он остановился и спросил:

— А как же котенок твой? Если хвост оторвали, кровь должна идти.

— Ничего, не беспокойтесь, — сказала Алиса.

— Покажи мне его.

— До свидания, — сказала Алиса. — Я на поезд боюсь опоздать.

И она поспешила по тропинке к городу и не оборачивалась, хотя пастух окликнул ее еще раз или два. Она бы побежала, но боялась, что тогда собака погонится за ней.

— Ну, как он? — шепнул археолог.

— Не знаю. Я назад не смотрю.

Тропинка расширилась, влилась в пыльную

дорогу. Впереди показался сарай или склад, и Алиса пошла, прижимаясь к стене поближе, чтобы скрыться с глаз пастуха. Ей все казалось, что он сейчас побежит вслед.

За сараем Алиса остановилась, отышалась.

— Версию мы продумали плохо, — сказал строгого археолог. — Оказывается, произношение у нас хромает. И про экскурсию неправдоподобно. Ну почему человеку идти с экскурсии одной, ранним утром? Запомни: ты приезжала к бабушке и едешь обратно... Кстати, совсем забыл: молодые девушки носят здесь волосы совсем не так. Они их начесывают на лоб.

— У меня же короткие волосы.

— Все равно, начеши их на лоб.

— Тогда мне придется тебя на землю поставить.

— Ни в коем случае! Тут же хищные собаки!

— Никаких собак нет. Хочешь, я тебя в сумку посажу?

— В сумку? Отлично. Только возьми мой ножик и прорежь в сумке дырочку. А то как я смотреть буду?

Алиса пересадила археолога в сумку, где уже лежал баллон с вакциной, сунула туда же оторванный хвост. Прорезала ножиком дырку, чтобы археолог мог смотреть, что творится вокруг.

— Жалко, что у тебя ниток нет, — сказал Рппр. — Как же я хвост пришью?

— А еще говорил, что крепко держится.

— Тебя никогда собаки за хвост не хватали, — возразил археолог, — вот ты и смеешься.

— Я не смеюсь. Посмотри в сумке, там, может быть, есть иголка и нитка, в боковом кармашке. Мне бабушка обычно туда кладет всякие ненужные вещи.

Алиса застегнула сумку на «молнию». Потом все-таки начесала волосы на лоб и пошла к станции.

К счастью, город еще спал. Закрыты были окна, опущены шторы, и ни один человек не знал о том, что через неделю по улицам, таким же пустым, как сейчас, будут ездить только машины «скорой помощи».

— Мне вас жалко, — сказала Алиса домам, в которых спали люди. — Но вы можете на меня положиться.

— Может, нас уже хватились, — заворочался в сумке археолог. Голос его доносился глухо, словно издалека.

— Молчи, — шепнула Алиса, — а то кто-нибудь услышит и умрет от удивления: сумка разговаривает.

Газетный киоск был уже открыт. И продавец в нем был знакомый. Его фотографию показывал Петров, ведь он его отнес в больницу. То есть отнесет, если Алиса ему не поможет.

Алиса достала из кармана мелочь.

— У вас есть сегодняшние газеты? — спросила она.

Продавец был пожилой человек в четырехугольных роговых очках.

— Одну минутку, госпожа, — ответил он. — Если вы подождете, то их принесут.

— А долго ждать?

— Недолго. Слышите, поезд шумит? Это пришел утренний из столицы. Он привез почту.

— А потом он обратно в столицу поедет?

— Да, минут через двадцать.

— Тогда дайте мне вчерашинюю газету, — попросила Алиса.

Продавец протянул ей газету и дал сдачу.

— Вы приезжая? — спросил он у нее.

— Я иностранная туристка, — сказала Алиса.

— Ага, — кивнул продавец. — Я сразу догадался, что вы не здешняя.

Когда Алиса отошла от киоска и пошла через небольшую площадь, мимо памятника неизвестному человеку на коне, который будет стоять здесь и через сто один год, она сказала археологу:

— Надо было мне заранее сшить платье, как здесь носят.

— Ну кто мог догадаться? — спросил археолог.

— Конечно, Громозека.

За площадью был небольшой сквер. По обе стороны дорожки тянулись клумбы с цветами. Цветы раскрывались навстречу солнечным лучам. Перед вокзалом остановился автобус, из него вышли маленькие люди в рабочей одежде и вошли внутрь. Над невысоким зданием вокзала поднимался столб дыма, и пыхтел паровоз.

— Ты газеты посмотрела? — спросил Рррр.

— Я на ходу не могу.

— Тогда дай мне.

Алиса свернула газету трубочкой и просунула в сумку. Тут же газета вылезла обратно.

— Неужели ты не понимаешь, — прошипел археолог, — что я не могу читать в сумке? Здесь темно и тесно.

— Тогда не просил бы.

— Найди скамейку, — сказал археолог, — сядь и прочти.

— Сначала я куплю билет на поезд, — сказала Алиса, — а то мы опоздаем и тогда сможем читать сколько влезет. А у тебя почему настроение испортилось?

— Меня укачивает, — ответил Рррр. — Тебя никогда не носили в сумке?

— Нет.

— Меня тоже. Кстати, у тебя очень неровная походка, какая-то прыгающая.

— Вот не знала!

Препинаясь с археологом, Алиса вошла в вокзальную дверь и увидела билетные кассы. Она знала, где их искать, потому что археологи в будущем восстановили почти весь вокзал. Правда, оказалось, что не все они восстановили правильно, но сейчас это не играло роли.

— Один детский, — сказала Алиса, протягивая деньги в окошечко кассы.

Круглое красное лицо кассирши высунулось из окошка. Она оглядела Алису с ног до головы и сказала:

— Такая взрослая девушка, а хочешь сэко-

номить на билете. Доплатите сейчас же восемь монет за полный билет.

— Но я же всегда езжу по детскому...

Тут Алиса осеклась, потому что археолог подпрыгнул в сумке.

— Ах да, конечно, — сказала она и полезла в карман за деньгами. Денег оставалось совсем немного. Всего десять монет. — А когда отходит поезд? — спросила Алиса.

Но кассирша ничего не ответила и захлопнула окошко.

— Кассирши здесь невежливые, — сказала Алиса. — У нас таких нет.

Она вышла на платформу и остановилась за железным столбом. Она не хотела разгуливать на виду.

Поезд стоял у платформы, паровоз разводил пары, и немногочисленные пассажиры занимали места. Некоторые были еще совсем сонные, только проснулись.

Алиса выбрала вагон, в котором никого не было, и быстро пошла к нему. У вагона стоял кондуктор в высокой оранжевой шляпе.

— Ваш билет?

Алиса протянула ему билет.

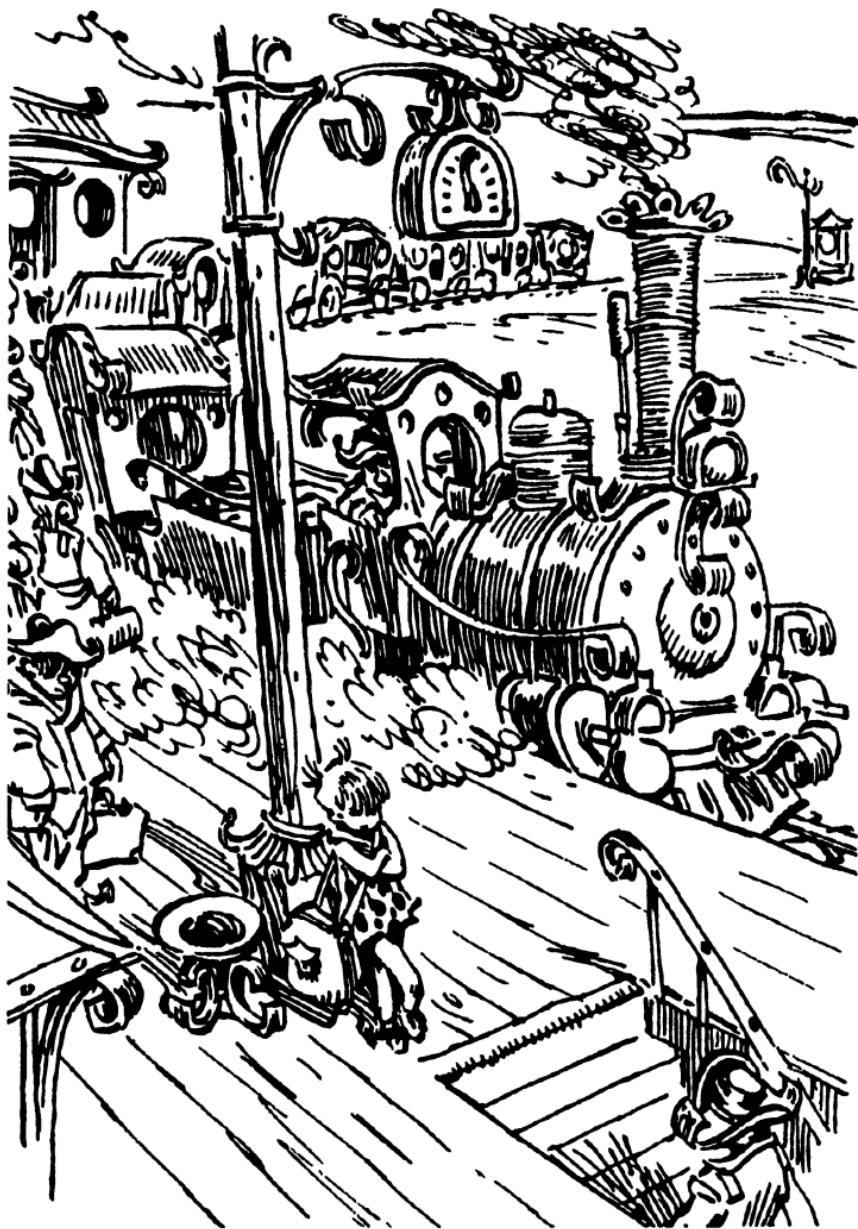
— Вы читать не умеете? — спросил он. — Написано же — третий класс. А это вагон первого класса.

— А какая разница? — спросила Алиса.

Кондуктор оглядел ее с головы до пяток и сказал:

— В цене.

И когда Алиса поспешила, чтобы он ее

Она вышла на платформу и остановилась за железным столбом.

больше не разглядывал, к следующему вагону, победнее, раскрашенному и полному народа, она услышала, как кондуктор сказал кому-то:

— Погляди, что за чудо! Иностранка, что ли?

И тогда Алиса решила выдавать себя за иностранку. Она остановилась около вагона, но к двери не подошла, а наклонилась к сумке и спросила археолога шепотом:

— А что если я буду выдавать себя за иностранку?

— Тогда выдавай себя за северную иностранку и ни в коем случае не за южную.

— Почему?

— А потому, что с северными у них союз, а с южными вот-вот война начнется.

— Не начнется, — уверенно сказала Алиса. — Не успеют.

— А с твоей помощью, может, и успеют.

— Ты с кем разговариваешь, госпожа? — услышала Алиса строгий голос.

Она выпрямилась. Рядом с ней стоял толстый человечек в желтом мундире, с большим золотым гербом на шляпе. Она решила, что это полицейский, и первым ее движением было убежать отсюда. Убежать куда глаза глядят.

— Стой, — приказал человечек в желтом и схватил ее за рукав. — Ты откуда приехала и с кем разговариваешь, спрашиваю?

— Я с севера, — заявила Алиса. — Я иностранка. Иностранка с севера.

— Что-то не похоже, — сказал человечек.

Но тут паровоз загудел. Алиса вырвалась и вскочила на ступеньку вагона.

Человечек в желтом мундире раздумывал, что ему делать, а тем временем Алиса протянула билет кондуктору и протиснулась в набитый вагон. Ей удалось отыскать купе, в котором дремали три человека в бедной одежде и помятых шляпах. Четвертое место было свободным.

— Кто это был? — спросила Алиса, переводя дух и склоняясь к самой сумке.

— Это был носильщик, — раздался шепот в ответ.

Поезд дернулся и, постукивая на рельсах, двинулся к столице.

— Он не мог меня арестовать?

— Не знаю, — сказал археолог. — А тебя никто не слышит?

— Нет, они спят.

— Тогда почитай наконец газету. И поставь сумку на пол. Так меньше качает.

Алиса развернула газету.

Газета была вчерашняя. И во всю первую страницу тянулась красная надпись:

«Завтра Колеида встречает героев космоса».

— Все в порядке, — прошептала Алиса. — Мы успеваем. Временщики не ошиблись.

13

К счастью, соседи через две станции сошли, и Алиса осталась в купе одна. Она вытащила археолога из сумки, и они вместе прочли все сообщения в газете, где говорилось о полете космонавтов и о том, как их будут встречать. Они даже смогли примерно рассчитать, как им

пробираться через столицу. Правда, столицу археологи еще не раскопали, но в библиотеке Рррр нашел план города и перерисовал его. Плохо было с деньгами. Денег оставалось только-только на трамвай или автобус. Даже перекусить было не на что.

— Ну что же, — печально улыбнулся археолог и подмигнул Алисе единственным глазом, — придется, как в сказке, продать меня, своего единственного друга.

— Никто тебя не купит без хвоста, — сказала Алиса.

— Не беспокойся, — сказал археолог. — Я нашел иголку и нитки. Только ты так раскачивала сумку, что я боялся уколоть себе пальцы. А теперь я пришью тебе хвост. Ехать еще часа полтора.

Алиса смотрела в окно. За окном была обыкновенная страна, правда, сильно отсталая по сравнению с Землей, но ведь Земля тоже когда-то была отсталая: на ней не было монорельсов, воздушных скоростных пузырей, антигравитаторов, летающих домов и всяких других обыкновенных вещей.

Археолог мурлыкал что-то себе под нос и пришивал хвост. Алиса могла бы ему помочь — она лучше умела обращаться с ниткой, чем Рррр, — но не стала предлагать свои услуги, так как каждый сам пришивает себе хвост, не так ли?

Алиса принялась разглядывать портреты космонавтов в газете. Один из космонавтов ей понравился больше всех. Он был молодой, тем-

ноглазый и улыбался так широко, будто вообще не улыбаться не мог. «Инженер Толо», — прочла она его имя. И запомнила.

Дверь в купе хлопнула, и вошла старушка. Старушка была маленькая, с круглым румяным лициком, в длинном синем платье. Алиса увидела, как глаза старушки стали вдруг большими и испуганными. Старушка смотрела вниз, на скамейку.

— Ах! — воскликнула старушка.

Алиса проследила за ее взглядом и увидела, что застигнутый врасплох археолог, придерживая одной рукой хвост и в другой все еще сжимая иголку, пытается залезть в сумку. Алиса быстро раскрыла сумку пошире, чтобы он забрался туда, и снова поглядела на старушку.

Старушка отступала в коридор, и рот ее уже открылся, словно она вот-вот закричит.

— Не волнуйтесь, бабушка, — попросила Алиса. — Не волнуйтесь. Это он так играет.

— Ой! — сказала бабушка. Она как будто немного успокоилась, услышав Алисин голос. — А мне-то показалось...

— Что?

— И не говори, дочка, — сказала старушка. — Мне почудилось, что твой котенок себе хвост пришивает. Глаза подвели.

Бабушка быстро забыла о своем испуге, уселась у окошка, развязала мешочек и достала оттуда два помидора. Один взяла себе, другой протянула Алисе.

— Ты куда, дочка? — спросила она.

— Я в столицу.

— Ясное дело — в столицу, — согласилась бабушка. — А что там делать будешь?

— Я еду космонавтов встречать...

— А-а! — воскликнула бабушка и вдруг задумалась. — Скажи, милая, — спросила она вдруг, — а у твоего котенка два глаза или один?

— Два, — заметила Алиса спокойно, — только он один глаз все время прижмуривает.

— Ну ладно. — Бабушка еще раз взглянула с опаской на сумку. — А я тоже на космодром еду.

— Встречать космонавтов?

— Да нет, не всех встречать. Сын мой возвращается. Инженер он.

Старушка достала из сумочки большую фотографию того космонавта, который понравился Алисе.

— Вот, смотри.

— А я его знаю, — сказала Алиса. — Его зовут Толо.

— Кто его не знает! — с гордостью сказала старушка.

— А почему вы в простом поезде едете? — спросила Алиса.

— А что?

— Так вы же мать космонавта. У нас родителей космонавтов всегда вместе с ними чествуют.

— Да куда уж мне, — улыбнулась старушка. — Я как жила в деревне, так и осталась. А мой Толо тоже скромный. Никогда не догадаешься, что космонавт. Вот ты читала, наверное,

в газете, как у них авария произошла, как метеорит им стенку прошиб? Так это мой Толо наружу вылез и дырку заделал.

Сумка толкнула Алису в бок. Но она и без этого уже догадалась: вот как космическая чума проникла на корабль. Значит, Толо уже болен.

— Ничего, — сказала она вслух. — Мы его вылечим.

— Кого вылечим? — спросила бабушка.

— Да я так, случайно, — спохватилась Алиса.

— Мой Толо здоровый. Он никогда еще ничем не болел. Даже зубы у него никогда не болели. Вот какой у меня сын.

Бабушка погладила фотографию и спрятала ее в сумочку.

Алиса снова ощущила толчок. Археолог, видно, был взволнован. Чего же он хочет?

— Просись с ней, — раздался вдруг шепот.

— Что? — спросила бабушка. — Ты что-нибудь сказала?

— Да, — ответила Алиса. — Это я про себя. Я сказала, что счастливая вы.

— Конечно, счастливая. Такого сына вырастила! Даже зубы никогда не болели.

— Я про другое, — сказала Алиса. — Ведь вас к самому кораблю пустят.

— Конечно, пустят. Должна же я своего сына обнять.

— А мне придется далеко-далеко стоять. Может, даже и вообще в городе оставаться. А мне так ваш Толо нравится! Честное слово, больше всех других космонавтов.

— Правду говоришь, девушка? — спросила старушка серьезно.

— Честное слово.

— Тогда я должна доброе дело сделать.

Бабушка задумалась, а Алиса посильнее прижала сумку к скамье. Археолог так волновался и беспокоился, что сумка дрожала, как будто в ней сидел не один котенок, а целый выводок.

— Беспокойный он у тебя, — сказала бабушка. — Ты его выпусти.

— Нельзя, — сказала Алиса. — Убежит.

— Слушай меня, доченька, — сказала старушка. — Сегодня у меня великий, можно сказать, день. Сын мой возвращается героем. И я хочу сделать доброе дело. И думаю, Толо меня за это не осудит. Пойдешь ты со мной. Пойдешь к самому кораблю и скажешь, что ты моя дочка, а Толо — твой брат. Поняла?

— Ой, спасибо! Ой, какое громадное спасибо! — воскликнула Алиса. — Вы и не представляете, какое вы замечательное дело сделали! И не только для меня, но и для себя, и для всех!

— Всякое доброе дело не только для одного человека — оно всех касается.

Разумеется, бабушка не поняла, что имела в виду Алиса, а Алисе так хотелось ей рассказать все, что она прикусила себе язык почти до крови, а Ррр словно угадал, о чем она думает, и просунул сквозь дырочку в сумке кончик ножа и уколол Алису.

Алиса от неожиданности подпрыгнула.

— Радуешься? — спросила бабушка. Она и

сама была рада, видя, что рядом сидит счастливый человек.

— Радуюсь, — сказала Алиса и ущипнула сумку.

Поезд начал тормозить. За окном потянулись высокие новые дома.

14

Бывает же так — уж если повезет, то везет как следует. Бабушка не только пообещала Алису провести на космодром под видом своей дочки, но даже накормила ее обедом в кафе возле вокзала, показала ей город, потому что Алиса призналась, что она приезжая. А потом на такси привезла на космодром.

Уже задолго до космодрома машина замедлила ход и еле-еле выбиралась из пробок, чтобы снова через сто метров затормозить. Казалось, вся столица спешит на космодром. Шутка ли — возвращается первый космический корабль. Улицы были украшены флагами и портретами космонавтов, и каждый раз, когда бабушка видела портрет своего сына, она дергала Алису за рукав и громко говорила:

— Ну, кто там?

— Наш Толо, — отвечала Алиса.

— Правильно, наш с тобой мальчик.

И бабушка уже сама начала понемножку верить, что Алиса ее дочь. Наконец, когда впереди показались здания космодрома, машина окончательно застряла в потоке автобусов, машин, велосипедов и всяких других видов

транспорта. Шофер, повернувшись к своим пассажирам, сказал с грустью:

— Советую вам дальше идти пешком. А то до вечера простоим. Мертвое дело.

Тогда бабушка с Алисой рас прощались с шофером, заплатили ему и пошли дальше пешком. Шофер догнал их через двадцать шагов.

— Я машину бросил, — сказал он. — Ну что с ней сегодня случится? Кому она сегодня нужна? А я себе не прошу, если прилет не увижу.

У здания космодрома стояла первая цепь полицейских в белых праздничных мундирах. Шофера они не пропустили, и он остался в громадной толпе тех, у кого не было билета. А бабушку с Алисой пропустили почти без разговоров. Бабушка показала им свои документы, и тогда один из полицейских даже сказал:

— Давайте я с вами до поля дойду. Чтоб вас никто больше не задерживал.

Бабушка тотчас наклонилась к Алисиному уху и прошептала:

— Он сам-то без нас на поле бы не попал. Охота ему была людей не пускать. Ему посмотреть хочется, как наш Толо из корабля выйдет.

Через полчаса бабушка с Алисой пробились к самому последнему ограждению. За ним начиналось бескрайнее бетонное поле, куда должен был опуститься корабль.

По радио все время передавали сообщения о том, как корабль тормозит и приближается к Колеиде. Оставалось совсем немного времени до его прилета.

Вокруг стояли генералы и очень важные начальники — руководители государств, учёные, писатели и артисты. Все ждали и волновались.

Но никто не мог догадаться, что в громадной толпе, заполнившей космодром, больше всех волновалась девочка по имени Алиса, которая прилетела из будущего и с другого конца Галактики. И она волновалась больше всех, потому что у нее в руках была судьба всей планеты.

Алиса почувствовала, что у нее немного дрожат коленки. И ладони стали влажными. Она потихоньку стала проталкиваться вперед, к самому ограждению.

— Ты куда? — спросила бабушка. — Я с тобой.

Алиса незаметно расстегнула «молнию» на сумке и нашупала внутри баллончик. Потом она вынула его и повесила через плечо.

— Что это у тебя? — спросила старушка.

— Термос, — ответила Алиса. — Пить захочется — открою.

Бабушка больше не спрашивала — она смотрела в небо, потому что там появилась светлая точка, которая росла на глазах.

Космический корабль, несущий на борту космическую чуму, приближался к Колеиде.

Корабль опустился медленно, как во сне. Он на минуту повис над самым полем, голубое пламя вырывалось из его дюз и плавило бетон. Потом он встал на землю, и над полем проле-

тел короткий ураган, сорвавший шляпы и фуражки со зрителей.

Грянули оркестры, и несколько служащих космодрома начали раскатывать толстый рулон белого ковра, по которому космонавты пройдут от корабля до встречающих.

— Что делать? — спросила Алиса археолога. Она знала, что никто ее не слышит: все ждут, когда откроется люк и выйдут космонавты.

— Мы далеко от корабля? — спросил Рррр.

— Шагов триста — четыреста. Не добежать. Поймают.

— Ой, — вздохнул археолог, — так близко — и не добежать! Я бы, может быть, добежал.

— Нет, тебе не донести баллон с вакциной.

Но тут Алисе снова помогла бабушка. Когда она увидела, что члены правительства Колеиды пошли по обе стороны белого ковра навстречу кораблю, потому что членам правительства тоже было невмочь ждать, она отодвинула полицейского и сказала:

— Там мой сын.

И сказала это так уверенно, что полицейский только поклонился и пропустил ее.

Алиса схватилась за руку старушки, и, когда полицейский попытался остановить ее, бабушка обернулась и сказала:

— А это его сестра, и я без нее ни шагу не ступлю.

— Только сумку оставьте, — сказал тогда полицейский. — С сумкой нельзя.

Алиса вцепилась в сумку, и получилось

замешательство, потому что бабушка тянула вперед, полицейский назад, а Алиса оказалась между ними. И тогда Алиса услышала, как Рррр сказал на космоязыке, чтобы никто не понял:

— Отпусти. Помни о главном.

К счастью, полицейский не услышал. Другой рукой он старался сдержать остальных встречающих. Алиса отпустила сумку и поспешила вперед.

Они подошли почти к самому кораблю. Но тут остановились все. Бабушка тоже.

Люк медленно поворачивался.

«Когда-то на Земле встречали Гагарина, — подумала Алиса. — Как жаль, что я поздно родилась!.. Пора!» — сказала она себе.

И в тот момент, когда люк распахнулся и первый космонавт, капитан корабля, показался в нем, Алиса проскользнула между генералом и главным министром Колеиды, увернулась от рук начальника почетного караула и понеслась к люку.

— Стой! — кричали сзади.

— Не волнуйтесь, — услышала она голос бабушки, — это моя дочка.

Алиса на бегу сорвала с плеча баллон с вакциной.

Капитан корабля при виде ее засмеялся и показал рукой в сторону.

Алиса на секунду остановилась. Она поняла, что люк находится слишком высоко — ей не достать до него. Струя вакцины не попадет внутрь.

— Трап везут! — крикнул ей капитан кораб-

ля, который, наверное, решил, что Алиса хочет поздравить космонавтов и ей это разрешили сделать.

Автоматический трап в этот самый момент подъехал к кораблю.

— Стойте! — крикнула Алиса капитану, который поднял было ногу, чтобы ступить на трап.

Она на ходу вскочила на трап, не дожидаясь, пока он остановится.

Сзади топали полицейские, чтобы догнать ее и остановить.

Алиса стрелой взлетела по трапу. Баллон был в ее руках. Она направила его прямо в лицо капитану и нажала кнопку.

Сильная мутная струя вонючей вакцины ударила в капитана, и он от неожиданности отпрянул назад.

Миллионы людей Колеиды, которые видели этот момент на космодроме и по телевизору, ахнули от ужаса. Все жители Колеиды решили, что это покушение на космонавтов.

Алиса стояла перед самым люком и не переставая нажимала на кнопку. Туман быстро окутал весь корабль и заполнил его внутренние помещения.

Потом кнопка сама щелкнула и вернулась на место.

Баллончик был пуст.

И в еще не рассеявшемся тумане несколько сильных рук схватили Алису, и ее потащили вниз.

*Сильная мутная струя вонючей вакцины ударила
в капитана.*

Камера, в которой оказалась Алиса, была маленькая и совершенно пустая. Даже стула в ней не было. За дверью слышались голоса. Это была даже не камера, а просто один из складов космодрома, из которого спешно вынесли все, чтобы запереть туда государственную преступницу, которая совершила покушение на космонавтов.

Алиса села на пол. Она была счастлива, только очень устала и беспокоилась, что стало с археологом Рррр.

Она понимала, какая паника сейчас царит на всей Колеиде. Ведь никто ничего не понимает. И все спрашивают друг у друга, не пострадали ли космонавты. И тысячи разных страшных слухов ходят по Колеиде.

Прошло минут пять, потом еще пять.

«Наверное, — подумала Алиса, — сейчас все занимаются космонавтами, им не до меня».

Потом другая мысль пришла ей в голову. Очень хорошо — ей удалось спасти Колеиду. Но дальше что? Ведь ей-то теперь отсюда никогда не выбраться. И никогда она больше не увидит шумного и доброго Громозеку и не вернется домой, на Землю...

Ей хотелось плакать. И она заплакала. Может, даже не из жалости к себе, а потому, что она очень устала и переволновалась. А когда она немножко поплакала, то настроение у нее стало лучше. Потому что она поняла, что ее ни за что не оставят в беде. Если надо, с Земли привезут еще три машины времени.

И тогда сюда придут за ней и Петров, и Ричард, и, может, даже сам Громозека. И все объяснят колеидцам. И, может быть, даже Алисе здесь поставят памятник...

И Алиса задремала, прислонившись к белой стене.

Ее и в самом деле никто не допрашивал, потому что сначала на космодроме поднялась страшная паника. Но когда Алису提升了, а туман рассеялся, то оказалось, что космонавты совершенно невредимы. И раз уж они прилетели, все равно торжество должно было продолжаться. И об Алисе на время забыли.

16

Алиса не знала, сколько она проспала. Может, минут десять, а может быть, и три часа. Но вдруг она услышала:

— Алиса!

Она сразу открыла глаза и оглянулась.

Камера была пуста. За дверью все так же стучали шаги — ее тщательно охраняли.

— Алиса, ты меня слышишь?

— Это ты, Рррр?

— Я. Подойди к дальнему от двери углу и помоги мне.

Алиса тихонько поднялась и подошла, куда велел Рррр.

И она увидела, что там, в углу, решетка. К решетке снизу прижалось пушистое лицо маленького археолога.

— Не печалься, — прошептал археолог, под-

мигивая сиреневым глазом. — Мы тебя выру-
чим.

— А ты как здесь оказался?

— Сейчас некогда рассказывать. В общем, пока они кричали и гонялись за тобой, я раскрыл «молнию» на сумке и выскочил. Меня чуть не затоптали. А потом я проследил, куда тебя повели, ведь на котенка никто не обращает внимания. Тем более что хвост я все-таки пришил.

— Ну, и дальше что?

— А дальше я обследовал это здание. И нашел решетку. Я ее отпер снизу, но у меня не хватает сил ее поднять. Давай быстренько, поднатужься.

Алиса взялась за решетку. Решетка поддава-
лась еле-еле.

— Тяни! — умолял Рррр. — Они вот-вот за
тобой придут.

За дверью послышались голоса. Кто-то шел
к камере.

Алиса изо всей силы дернула за решетку, и
она выпала и громко звякнула о каменный пол.

— Прыгай! — приказал Рррр. — Не бойся,
здесь невысоко.

И в тот момент, когда дверь в камеру начала
открываться, Алиса, зажмурившись, прыгнула в
черную дыру, и Рррр еле успел отскочить в
сторону.

— Беги за мной, — сказал он.

Алиса долго бежала по темным коридорам
сложного подземного хозяйства космопорта.
Она набила синяков на руках и коленках,

разорвала рукав платья, но остановиться не могла — Рррр бежал впереди и торопил ее:

— Отдохнешь дома. Слышишь — за нами погоня.

Они успели выбежать на задний двор космопорта за минуту до того, как все здание оцепили войска. Спасло их то, что народу на космодроме все еще было так много, что солдатам и полицейским, которые ловили государственную преступницу, было трудно передвигаться быстро.

17

Долгий шумный день на планете Колеида уже кончался. Солнце опустилось к высоким деревьям парка, который тянулся за космопортом.

— Ой, как я устала! — сказала Алиса, добежав до первого дерева и обняв его ствол. — Вот-вот упаду.

Пушистый археолог выглянул из-за дерева, смотря, нет ли погони.

— Не распускайся, Алиса, — сказал он. — Держи себя в руках. Сделана только половина дела.

— Почему половина? Мы же все сделали и спасли планету.

— Не знаю, — ответил Рррр. — Не знаю, моя девочка.

Он говорил, словно старый мудрый дедушка.

— Ты распылила вакцину, это так. Но только если мы вернемся назад, мы узнаем, дало ли это какой-нибудь результат.

— Ты хочешь сказать, что мы вернемся и все осталось, как прежде?

— Не знаю...

— Тогда лучше не возвращаться. Лучше остаться здесь.

— Ты устала, Алиса, — сказал Рррр, — и нервничаешь.

До леса доносились глухие удары барабанов. Это далеко-далеко играли оркестры. Густой теплый воздух вздрагивал от барабанного буханья. Над крышей космопорта взлетела гирлянда огромных разноцветных воздушных шаров.

— Я просто не могу представить, что они все заболеют, — сказала Алиса.

— Может быть, и не заболеют. А если бы ты не распылила вакцину, ты бы наверняка знала, что все они обречены. И было бы еще хуже.

Алиса кивнула. Маленький археолог был прав.

— Отдохнула немножко? — спросил он. — Нам надо спешить. До темноты мы должны уйти подальше от города.

— А куда мы теперь? — спросила Алиса, которой никуда идти не хотелось. Лечь бы сейчас на траву и заснуть. А проснуться уже дома. — На вокзал?

— Ни в коем случае, — ответил Рррр. — Нас там сразу узнают. Ведь ты сейчас после космонавтов самый популярный человек в городе. Несколько миллионов колеидян видели тебя по телевизору. Мы пойдем пешком.

И они пошли через лес. Рррр бежал впереди.

Он шел по солнцу так, чтобы выбраться к железной дороге и вдоль нее добираться до городка, у которого лагерь археологов.

Алиса натерла ногу, но разуваться Рррр не разрешил.

«Интересно получается, — подумала Алиса. — Пока мы ехали туда, я была главной, а теперь он вдруг вспомнил, что он старше, и ведет меня». И не хотелось убеждаться ему, что все равно Петров с Ричардом найдут их и спасут. Ведь Рррр тогда обязательно скажет, что их могут не найти.

Вдруг лес кончился. Он оказался узким. За ним начинался пустырь, а дальше снова шли дома. И выйти из-под деревьев было нельзя — над пустырем кружил маленький желтый вертолет и от домов к лесу медленно двигалась цепочка полицейских.

— Облава, — сказал Рррр. — Они подозревают, что мы скрылись в лесу.

— Что делать? — спросила Алиса. — Заберемся на дерево?

— Они догадаются. Бежим обратно.

Оказывается, Рррр заметил в лесу какие-то строения. Туда он и повел Алису.

На большой истоптанной и пыльной поляне, обнесенные низким заборчиком, стояли аттракционы — качели, горки, «чертовы колеса» и другие развлекательные машины, похожие на те, что стоят в парках на Земле, и в то же время совсем другие.

Беглецы забрались под скрипучую карусель и улеглись на землю. Совсем близко нависал

дощатый пол, и в щель между досками Алиса видела тонкую полоску очень светлого неба.

Они вовремя спрятались. Минуты через три к аттракционам подошли полицейские. Слышно было, как они перекликаются. Потом один из них забрался на карусель, и доски прогибались под его башмаками.

Алисе захотелось чихнуть — под каруселью было пыльно и душно. Полицейский остановился прямо над ней, закрыв подошвами светлую полоску, и спросил громко у кого-то:

— Под каруселью смотрел?

— Нет, — ответили издали. — Сам погляди.

— У меня фонаря нету.

— Без фонаря увидишь. Вряд ли кто туда мог забраться.

Полицейский спустился на землю. Алиса быстро отползла к дальней стенке и прижалась к ней.

Деревянная дверца распахнулась, и в ней появился черный силуэт полицейского. Он долго вглядывался, потом спросил на всякий случай:

— Есть здесь кто?

— Ты идешь? — раздался крик издали.

— Иду, — ответил полицейский и захлопнул дверцу. — Нет здесь никого. Она уж, наверное, на самолете улетела.

— Конечно, — согласился с ним второй голос. — Такое покушение в одиночку не совершишь.

— Останемся здесь до темноты, — сказал

Рррр, когда шаги полицейских смолкли. — А то сейчас нас быстро поймают.

Им удалось выбраться из-под карусели только поздно вечером. Примерно через час после того, как полицейские ушли, парк стал наполняться народом. Хозяин карусели долго вытикал ее тряпкой, подметал, потом включил и часа три подряд под веселую, но страшно надоевшую Алисе музыку карусель вертелась над головой, скрипела, и казалось, вот-вот кто-нибудь провалится сквозь пол и задавит беглецов.

Наконец, когда Алиса отлежала себе все бока и измучилась оттого, что страшно хотелось спать, а уснуть под гром музыки и скрип карусели было совершенно невозможно, веселье подошло к концу. Мотор карусели все реже заводился, реже раздавались голоса вокруг. И к полуночи все стихло.

Они выползли наружу, и Рррр долго растирал сильными ручками ноги Алисы. Ноги так занемели, что идти было невозможно. А потом стало еще хуже — ноги отходили, и казалось, что тысячи иголок вонзились в них.

— Ну, сможешь идти? — спросил Рррр.

— Смогу, — ответила Алиса.

Теперь, когда столько пришлось вытерпеть, она уже поняла, что любой ценой они должны добраться до своих.

И они добрались.

Они снова пересекли темный лес, вышли на пустырь и, обходя ямы и кучи мусора, доплелись до нового района города. Пока не остались

позади последние дома, они шли медленно — Рппп забегал вперед, смотрел, нет ли кого, и только потом Алиса следовала за ним.

Было уже почти два часа ночи, когда они вышли к полотну железной дороги. Рельсы поблескивали под луной.

Они вышли на тропинку, которая бежала вдоль полотна, и направились прочь от столицы. Алиса старалась представить себе, как мать космонавта Толо ругает ее, рассказывает своему сыну, как Алиса втерлась к ней в доверие. Ей казалось даже, что она слышит голос старушки: «Я ее даже помидорами кормила. Знала бы, ничего не дала бы. И котенок у нее был подозрительный».

И уже под утро им удалось взобраться на платформу товарного поезда, который притормозил у разъезда.

С первыми лучами солнца, изодранные, измученные, еле живые, но страшно счастливые, они поднялись на пригорок. Оставалось сделать всего один шаг, и машина времени заберет их обратно, в лагерь археологов.

И Алиса вдруг поняла, что ей очень трудно сделать этот последний шаг.

— Я боюсь, — сказала она маленькому археологу.

— Я тоже боюсь, — шепнул он. — Я понимаю.

— А вдруг мы вернемся, а там все по-старому? Вдруг не удалось?

— Ой, — сказал Рппп, — и не говори!

Он снова потерял где-то свой хвост, теперь уже безвозвратно.

Они помолчали немного.

Потом Алиса наклонилась и взяла археолога на руки. И сделала последний шаг.

Что-то щелкнуло. Легкий туман окутал ее, и показалось, что она несется куда-то, падает... падает...

И вот она стоит в кабине машины времени.

18

За стеклом возвышался Громозека. Рядом — Петров. Ричард наклонился над пультом управления.

Алиса стояла в кабине, не смея шелохнуться.

Дверь не открывалась.

Громозека поднял щупальце, показывая, что она забыла нажать на кнопку.

— Ну да, кнопка, — поняла Алиса.

Она нажала на зеленую кнопку. Дверь отошла в сторону. Алиса выпустила из рук археолога, и тот упал на пол.

— Все в порядке, — сказал Громозека. — Можете стартовать.

— Есть стартовать, — отозвался голос из динамика.

Глох заревели двигатели, пульт управления качнулся, и Алиса почувствовала, как увеличивается тяжесть — заработали гравитационные установки.

— Ну что? — спросил наконец Рррр.

Громозека протянул вперед свои длинные щупальца, поднял Алису, и она вдруг увидела,

что по его широченному зеленому лицу текут дымящиеся слезы.

— Доченька моя! — сказал он. — Милая! Спасибо!

— Ну что? — спросила тогда Алиса.

— Все в п-порядке, — сказал Петров. — Все в п-порядке. Хотя это и безобразие.

— Победителей не судят, — сказал Ричард. — И вы, Михаил Петрович, это знаете.

— А я, — сказал Громозека, все еще не выпуская из щупалец Алису, — я согласен теперь на любое наказание.

— Так получилось? — настаивал Рррр.

— Все получилось.

— А почему мы движемся?

— Мы летим, — сообщил Громозека. — Улетаем.

— Почему? — удивилась Алиса. Ей было так уютно в объятиях Громозеки, и она совсем не чувствовала ног.

— Потому что, как только вы с Рррр ушли в прошлое, я разбудил весь лагерь, — сказал Громозека.

— Чтобы за нами гнаться?

— Ничего подобного. Я же знал, что ты ночью попытаешься сама убежать в прошлое. И ты знаешь мое к этому отношение. Я не мешал тебе.

— Ты тогда не спал?

— Я же велел тебе не забыть свитер.

— А я так старалась не шуметь! — сказала Алиса.

— Я сделал все что мог. Я объяснил тебе

действие баллона с вакциной, заставил тебя сделать все уколы. И попросил Рррр отправиться в прошлое вместе с тобой. Одну я тебя отправлять не хотел.

— Так ты, котенок, — обернулась Алиса к своему спутнику, — тоже заранее знал, что я убегу?

— Знал, — подтвердил маленький археолог. — И, кроме меня, некому было тебя сопровождать. Я ведь самый маленький. И хвост я заготовил заранее. И ведь я тебе пригодился!

— Пригодился. Знаешь, Громозека, он меня освободил, когда меня поймали.

— Да? Ну и отлично. Потом все расскажешь. А мы очень волновались. Мы думали, что, если тебя поймают, придется отправлять в прошлое спасательную партию.

— Все-таки почему мы на корабле? — спросила Алиса.

— Потому что, как только вы ушли в прошлое, я приказал на всякий случай сворачивать лагерь и временный центр. Мы же не знали, что произойдет здесь за сто лет. Вдруг на месте наших палаток вырастет новый город? Или искусственное море?

— Вот уж была работенка! — сказал Ричард. — Мы за шесть часов свернули весь лагерь, разобрали станцию и погрузили камеру времени на последний корабль. И стали ждать.

— И дождались? — спросила Алиса. — Можно, я посмотрю?

Громозека поднес ее к иллюминатору.

Корабль уже поднялся довольно высоко, и Колеида занимала половину неба. И все лицо планеты было залито пятнами света — это горели огни ее городов и заводов.

— Все случилось во второй половине дня, — сказал Громозека. — Мы стояли у иллюминаторов и смотрели. Мы же знали, во сколько прилетает космический корабль. Мы стояли и считали минуты. Ведь мы не очень верили, что тебе удастся пробраться к кораблю...

— И тут, — перебил его Ричард, — мы увидели, как в одну секунду поля стали зелеными.

— И высокие дома выросли на месте старого города, — сказал Петров.

— И над нами пролетела птица, — сказал Громозека.

— И мы поняли, что Алиса убила космическую чуму.

— А как же вас не заметили? — спросил Рррр.

— Наш корабль был погружен в землю и покрыт сверху маскировочной сеткой. Нам повезло — это поле было не застроено. Зато теперь, когда мы взлетели, они нас наверняка заметили.

В этот момент в динамике раздался голос:

— Говорит капитан корабля. Только что с нами вышли на связь внешние спутники планеты Колеида. Нас спрашивают, что мы за корабль, куда летим, почему не предупредили о своем полете диспетчера.

— Отвечайте им, что мы держим курс к их

дежурному спутнику, — сказал Громозека. — Пусть ждут. Мы им все расскажем.

19

Когда Громозека с переодетой и вымытой Алисой шли по коридору дежурного спутника планеты Колеида, Алиса попросила главного археолога:

— Когда ты будешь им все объяснять, спроси, пожалуйста, нет ли мне памятника.

— Что? — удивился Громозека.

— Нет ли нам с Рррр памятника, — повторила Алиса. — Ведь мы их спасли.

Громозека улыбнулся, но ничего не ответил.

Дежурный диспетчер встретил гостей на центральном пульте. Он оказался маленьким человечком, чуть повыше Алисы, и был похож на инженера Толо. При виде Громозеки он вздрогнул и отступил на шаг, но тут же справился с испугом и попытался улыбнуться.

— Мы с планеты Земля, — сказал Громозека, поздоровавшись, — и с других планет Галактического содружества, куда вы в скором времени, наверное, вступите. Простите, что мы побывали на вашей планете без разрешения — так уж получилось.

— Я совершенно не могу понять, — сказал диспетчер, — как вам удалось сесть рядом с большим городом и никто вас не заметил.

— А мы не только сели, — сказал Громозека, — мы даже пробыли у вас на планете почти полгода.

— Как так?

— Мы археологи. Мы выясняли, почему погибла ваша планета.

— Но наша планета никогда не гибла, — сказал диспетчер. — Вы меня разыгрываете?

— Ни в коем случае, — возразил Громозека. — Скажите, вам эта девочка незнакома? — Он показал на Алису.

— Нет, конечно, — ответил диспетчер.

— Странно, — сказала Алиса.

— Она была уже у вас на планете. Только давно.

— Когда?

— Сто лет назад.

— Вы говорите загадками, — произнес диспетчер. — И если это шутки, то очень странные.

— Сто лет назад, — сказал Громозека, — вернулся ваш первый космический корабль, не так ли?

— Так, — подтвердил диспетчер. — Мы праздновали столетие этого события в прошлом году.

— А не было никакого происшествия в тот момент, когда корабль опустился на Колеиду?

— Нет, — сказал диспетчер. — Все прошло нормально. С тех пор этот день мы отмечаем как праздник.

— И все-таки я настаиваю, что именно в тот день и в тот момент эта девочка, которую зовут Алиса, была на космодроме и даже спасла вашу планету от гибели.

— И меня даже посадили в тюрьму, — вмешалась Алиса.

Диспетчер тяжело вздохнул, будто устал слушать сумасшедших гостей.

— Не верит, — сказал Громозека. — Не верят нам с тобой, Алиса. А скажите, у вас нет на борту библиотеки?

— Зачем?

— Там может быть книжка по истории.

— Ну хорошо, — заявил диспетчер и пожал плечами. — Погодите.

Он нажал кнопку на пульте, панель на стене отодвинулась, и там оказались полки с книгами. Диспетчер снял одну из книг.

— Тут есть описание прилета первых космонавтов? — спросил Громозека.

— Одну минутку, — попросил диспетчер.

Он перелистал книгу.

— Читайте, — сказал Громозека.

В предвкушении удовольствия он даже притопывал щупальцами по гладкому полу дежурного спутника.

— «И вот показался корабль», — прочел диспетчер.

— Дальше, дальше, — торопил его Громозека, заглядывая через плечо маленькому человечку. — Вот. — И он ткнул когтем в строчку.

— «Праздник был украшен любопытным поступком одной из девушек, — прочел диспетчер. — Она первой подбежала к кораблю и опрыскала космонавтов духами. Имя ее осталось неизвестным».

— И все? — спросила Алиса.

— И все.

— Это была я. Только никакие это были не духи. А вакцина.

Но тут Громозека понял, что терпение диспетчера полностью истощилось, и сказал:

— Шутки в сторону. Разговор нам предстоит долгий и серьезный. Я обращаюсь к вам официально: корабль «Земля» просит разрешения Колеиды совершить посадку на удобном для вас космодроме. Больше я не буду говорить загадками и все подробно объясню представителям вашего правительства.

— Подождите немного, — сказал диспетчер с облегчением. — Сейчас я узнаю, на каком из космодромов есть свободные стоянки.

А когда Алиса с Громозекой шли обратно к своему кораблю, Громозека легонько потрепал Алису когтем по плечу и сказал:

— Не расстраивайся. Может, тебе еще поставят памятник на этой планете.

— Не нужен мне их памятник, — сказала Алиса. — Главное, что они остались живы и здоровы.

Она помолчала и добавила:

— Только обидно, что в истории написано, будто я поливала их духами.

— В истории остается только главное, — сказал Громозека. — А детали могут и не сохраниться в памяти людей.

ЗОЛОТОЙ
МЕДВЕЖОНОК

Отец Алисы Селезневой — директор Космозо. А Космозо, как всем известно, — Космический зоопарк. Сюда привозят животных с разных концов Галактики.

Алиса буквально выросла в Космозо. С самого раннего детства она проводила здесь все свободное время. У нее были свои любимцы и друзья, например, гигантский динозавр Броня, который, правда, взялся не из космоса, а вышелся на Земле из яйца, замороженного триста миллионов лет назад. Иногда Алиса приносит из дома пирожки для склисса. Склисс во всем похож на обыкновенную корову, но, если его испугать, он расправляет большие прозрачные стрекозинные крылья и медленно поднимается в воздух. В специальном вольере, отгороженном от стеклянного птичьего павильона, на ветке дремлет птица Говорун — она умела летать между звезд и

запоминала все, как компьютер. И так как у Говоруна две головы, он может рассказывать много и очень долго. Теперь Говорун стал старенький, никуда не хочет летать, много ест и ждет, когда к вольеру подойдут посетители, чтобы поведать им о космических пиратах или живых туманностях. В отдельном домике живет индикатор — коробочка на ножках, которая может менять цвет в зависимости от настроения: от желтого до черного. Иногда индикатор чего-нибудь пугается, выбегает на дорожки Космозо и носится по ним, мигая словно светофор. На весь мир славятся тамошние аквариумы. Справа от входа, за площадкой молодняка, расположен аквариум, наполненный теплой морской водой, в нем царствует медуза-горгона с планеты Серый Клук. Размером она с парашют, а щупальца у нее — змеи. Там живут также рыбешки-марашки, которые при опасности собираются в одну страшную хищную рыбину, а когда опасность минует, снова становятся жемчужными мальками. А если миновать поляну, заросшую зеркальными цветами, которые фотографируют все, что происходит вокруг, подойдешь к аквариуму, наполненному жидким аммиаком, в котором обитают совсем уж странные существа...

Но в тот день, когда начинается наш рассказ, Алиса не подошла ни к склиссу, ни к озеру, в котором плавал Броня, ни даже к загону, по которому бродили, еле переставляя ноги, марсианские богомолы. Она торопилась к домику под красной крышей, в котором с

*Иногда Алиса приносит из дома пирожки
для склисса.*

недавних пор жило самое загадочное существо во Вселенной. В газетах и по телевидению его называли золотым медвежонком, хотя, конечно, это существо не было медвежонком.

Перед домиком стояла очередь. И это неудивительно. Сюда в последнее время стекались посетители не только из Москвы, но и из других городов и стран, даже с Луны и Марса. Всем хотелось поглядеть на пушистое чудо.

Алиса, конечно же, не стала стоять в очереди. Должны же быть хоть какие-нибудь преимущества у дочери самого директора Космозо, которая не только дочь, но и юный биолог, участница экспедиций за зверями на корабле «Пегас», вылечившая бронтозавра Бронтю, нашедшая общий язык с шушами, а также разгадавшая загадку Говоруна. Нет, в очереди такая девочка стоять не должна.

Все посетители Космозо были обязаны подчиняться строгому объявлению, выбитому на бронзовой доске перед входом:

«Пожалуйста, не кормите наших зверей!

Мы лучше вас знаем, что им надо, а что может оказаться для них вредным».

Разумеется, если бы такое объявление повесили у зоопарка сегодня, то некоторые посетители наверняка бы не послушались, принесли с собой булки, конфеты и орехи, не задумавшись над тем, что булка может стать опасным ядом для баррукицы с Панкерагги или оказаться слабительным для склисса.

Алиса не хуже сотрудника зоопарка знала, что можно, а чего нельзя животным. Она читала все научные статьи в «Вестнике космической зоологии» и даже иногда дежурила на зоокухне, где трудились тридцать повароботов и три человека.

Обойдя очередь, Алиса открыла заднюю дверь в домик.

Внутри было тихо, тепло, даже уютно.

Золотой медвежонок дремал, привалившись спиной к громадному дубовому пню, который для него приволокли из леса. Об его кору медвежонок точил свои коготки. Зрители, скопившиеся в полутьме по ту сторону прозрачной преграды, старались не шуметь и переговаривались шепотом, чтобы не разбудить очаровательное создание. Впрочем, они зря старались — Алиса-то знала, что преграда звуконепроницаемая.

Медвежонок был невелик размером, чуть побольше пуделя, его длинная прямая шерсть стояла дыбом, и кончики волос загорались яркими искорками, когда на них падал случайный луч света. Морда медвежонка была курносая, темно-коричневая, а глаза светлые, сиреневого цвета. Они были окружены длинными черными ресницами. Задние лапы медвежонка были короткими, сильными и толстыми, а передние заканчивались пальцами с длинными крепкими когтями, чтобы цепляться за деревья.

Алиса поздоровалась с Еленой Федоровной — сотрудницей Космозо, которая была

специально прикреплена к медвежонку. Елена Федоровна спросила:

— Ты будешь к Женечке заходить?

— Да, — сказала Алиса, — я сделала Жене настой из липы с медом, как прописал доктор Кан.

И она показала Елене Федоровне банку с напитком.

Хоть медвежонок по прозвищу Женя и не мог услышать голоса Алисы, он открыл глаза и, лукаво прищурясь, поглядел на нее. Рот медвежонка растянулся в улыбке — он узнал свою гостью.

— Здравствуй, Женя, — сказала Алиса, когда Елена Федоровна раскрыла для нее дверь.

Алиса вошла в прозрачный тамбур и подождала, пока Елена Федоровна закроет внешнюю дверь и откроет внутреннюю. Этот тамбур был нужен для того, чтобы медвежонок случайно не выбежал наружу. Он ведь может испугаться и даже погибнуть в непривычной обстановке. К тому же каждый, кто проходил сквозь тамбур, подвергался дезинфекции специальным горячим воздухом, чтобы не занести с улицы в клетку какого-нибудь вредного микробы.

Медвежонок Женя продолжал сидеть, прислонившись к пню, и не спешил встретить Алису, которую уже отлично знал. Он понимал, что ей надо постоять минуту в тамбура и лишь потом она попадет в клетку. Он был очень сообразительным животным — порой Алисе казалось, что он вот-вот заговорит.

Когда же Алиса вошла в клетку, он поднялся

на задние лапы и вперевалку пошел к Алисе, протягивая короткую лапу.

— Здравствуй, Женяка, — повторила Алиса.

Она знала, что медвежонок не обижается на прозвище. Ведь у каждого животного должно быть имя. А его имя получилось от слова «медвежонок». Женяка-Женяка, медвежонок...

Медвежонок стоял перед ней, покачиваясь на задних лапах, и ждал, пока ему дадут бутылочку с липовым отваром.

Алиса протянула ему бутылочку. Зрители снаружи прильнули к стеклу, но изнутри стекло было сильно затемнено, и потому они казались лишь темными силуэтами.

Пока медвежонок пил из бутылочки, как человеческий детеныш, Алиса достала щетку и спросила:

— Давай я тебя причешу? Ты уже два дня не причесывался.

Медвежонок, разумеется, ничего не ответил, но, когда допил отвар, отбросил бутылочку и уселся перед Алисой, чтобы она его причесала.

— Умница, — приговаривала Алиса, расчесывая пушистую шерсть медвежонка. — Мы с тобой теперь будем такими красивыми... Жаль, что здесь нет твоих родственников, чтобы они тобой полюбовались.

Медвежонок ничего не ответил, потому что в этом и заключалась его тайна: никто не знал, где же его родственники.

Медвежонка Женяку нашли на планете, которую и найти никто не рассчитывал. Она была

спрятана за черной дырой, среди нескольких маленьких, но густых туманностей, в стороне от всех торговых и туристских путей. Ни в одном звездном атласе даже намека на эту планету не было, ни один капитан ее не видел, даже пираты не подозревали о ее существовании.

И надо же было, чтобы увидели эту планету биологи-исследователи, ученые, которые как раз возвращались на Землю из долгого путешествия за зверями для Космозо, но сбились с пути, попав в гравитационную бурю. Их унесло вихрями тяготения в самое сердце раковидной туманности, приборы отказывались работать, компьютер вместо того, чтобы вычислять курс, начал сам с собой играть в шашки, звери в клетках, аквариумах и ящиках стали визжать, ворчать, ворочаться, кидаться, бросаться... И капитан Полосков сказал:

— Видно, мы задержимся и не успеем домой к Новому году.

На что механик Зеленый мрачно ответил:

— И вообще никогда домой не попадем.

— Я беспокоюсь, чем мы будем кормить зверей, если придется здесь задержаться, — сказал профессор Селезnev.

— А их не надо кормить, — ответил механик Зеленый. — Мы все равно раньше их помрем.

У механика Зеленого такой характер. Вместо «здравствуйте» он всегда говорит:

— Ну, что у нас плохого?

А если вы скажете ему:

— Какая хорошая сегодня погода!

Медвежонок поднялся на задние лапы и вперевалку пошел к Алисе, протягивая короткую лапу.

Он обязательно ответит:

— Это хорошо не кончится. Ждите дождя.

— Ах, оставьте, механик! — рассердился профессор Селезнев. — Вы что, раковидной туманности раньше не видали?

Механик Зеленый принялся думать, как бы ответить начальнику экспедиции, чтобы тот понял всю трагедию их положения. Но ничего страшного придумать не успел, потому что капитан Полосков закричал:

— Планета! Неизвестная планета!

— Вот видите, — произнес тогда Зеленый, почесывая густую рыжую бороду. — Нам еще не хватало неизвестной планеты.

Для того чтобы переждать гравитационную бурю, корабль «Пегас» опустился на неизвестную планету. Оказалось, что она была вполне мирным, уютным местечком. Правда, почти ненаселенным, наверное, потому, что лежала так далеко от остальных планет. Даже споры растений и бактерий, которые летают в открытом космосе, перенося жизнь с планеты на планету, туда не попадали. Так что в реках еще не было рыбы, в океанах — китов, на суше — слонов или медведей. Правда, леса там были густые и на деревьях росли чудесные, хоть и кислые плоды.

Пока пережидали бурю и Зеленый устроил профилактику двигателям, Селезнев с Полосковым ходили на экскурсии, собирали гербарии, семена плодов и ягод.

Как-то, за день до отлета, профессор забрел довольно далеко, к небольшому озеру. День был

теплый, профессор хотел было искупаться, как услышал, что кто-то ломится сквозь кусты к берегу. Профессор очень удивился, так как был уверен, что на планете нет животных. И даже не взял с собой никакого оружия.

Он хотел уже вызвать по радио подмогу, но тут увидел, как из кустов на берег выбежал золотой медвежонок — такого красивого создания ему еще видеть не приходилось. Медвежонок спешил к нему и вовсе не испугался сначала. Но в нескольких шагах от профессора он замер и испуганно заморгал сиреневыми глазами. Профессор понял, что медвежонок потерялся и ищет свою маму. И при виде незнакомого существа он, конечно же, оробел.

Стараясь говорить тихо и ласково, профессор произнес:

— Не бойся меня, малыш. Я не причиню тебе вреда. Мне только хочется тебя снять, чтобы на Земле наши дети увидели, какие зверюшки водятся в этой части Галактики.

Но при виде видеокамеры медвежонок оскалился, зарычал и кинулся было, выставив перед собой длинные когти передних лапок, на профессора, и профессору даже пришлось отскочить, чтобы его не поранило когтями.

— Погоди! — крикнул профессор вслед медвежонку, который улепетывал в лес. — Погоди ты, в конце концов! Неужели ты человеческого языка не понимаешь?

Профессор от огорчения совсем позабыл,

что имеет дело с диким, да еще инопланетным зверем.

А когда он возвратился на «Пегас» и рассказал об удивительной встрече своим товарищам, механик Зеленый сказал:

— А если он ядовитый? Ну кто кидается на зверей с голыми руками?

Конечно же, Зеленый был совершенно прав.

Весь следующий день профессор Селезнев, взяв небольшой катер, который был на борту «Пегаса», летал над планетой. Он рассуждал так: если я видел медвежонка, значит, на планете должны водиться медведи. Иначе медвежонку было неоткуда родиться. Но если на планете есть медведи, то на ней водятся и другие животные. Не бывает же так, чтобы на целой планете завелись только медведи и никто больше не завелся.

Профессор Селезнев снимал сверху лес и поляны под большим увеличением, он опускался в подозрительных местах и залезал в самую чашу, даже смотрел под корнями и в траве. Но ни одного животного, даже крошечного, он не нашел. Не говоря уж о таких крупных зверях, как медведи.

Селезнев был в полной растерянности. Когда он вернулся на корабль, Полосков, видя, как расстраивается начальник экспедиции, сказал:

— А может быть, медвежонка и не было? Может быть, вам очень хотелось увидеть на планете какое-нибудь животное, вот вы и вообразили себе медвежонка?

— Вот именно! — сказал Зеленый. — Типичная галлюцинация. Пора нам возвращаться, а то как бы чего не вышло.

— Но я же его снимал! — воскликнул профессор.

— Но не успели снять, — заметил Полосков.

Профессор понурился, потому что и сам уже сомневался, что видел медвежонка. Ведь по всем законам биологии его быть на планете не могло. Не может существовать одно-единственное животное в целом мире. Это или волшебство, а волшебства почти не бывает, или обман зрения. А обман зрения на чужих планетах встречается довольно часто.

Полосков уже готовил корабль к подъему, а профессор Селезнев подошел к иллюминатору и грустно смотрел на кусты и деревья снаружи, расстраиваясь оттого, что ему не удалось разгадать эту тайну.

Когда еще удастся кому-нибудь попасть на эту планету?

За иллюминатором был туманный, сумрачный день. Планета казалась совсем мертвой.

— Что они, вымерли, что ли! — в сердцах воскликнул профессор Селезнев.

И тут он увидел, как из кустов, по брюхо в тумане, выбежал медвежонок и встал на задние лапы. Словно он прибежал проводить гостей.

— Полосков! Зеленый! — закричал профессор. — Что я вам говорил?

Капитан и механик подбежали к иллюми-

натору и наконец-то убедились, что профессор не сошел с ума и не воображает животных.

— Какой красавец! — воскликнул Полосков.

— Наверное, ядовитый, — сказал Зеленый.

— Но он совершенно один на всей планете! — возразил Селезнев.

— Может быть, возьмем его с собой? — предложил Полосков.

— Он убежит, — ответил Селезнев.

— Не берите, — сказал Зеленый. — На нем блохи.

Селезнев вышел из «Пегаса». Медвежонок на этот раз никуда не убежал. Наоборот, он поджидал Селезнева у самого люка, и, как только тот вышел, медвежонок доверчиво протянул ему лапу. Как ручной.

Когти он убрал, а ладонь у него оказалась теплой и мягкой.

Медвежонок что-то урчал и тянул Селезнева к люку.

— А как же твои родители? — спросил Селезнев.

Медвежонок посмотрел на него, и тут профессор увидел, как из глаз зверя текут слезы.

— Ну не расстраивайся! — сказал Селезнев. — Не надо. Ты сирота? Ты потерялся? С твоей мамой несчастье?

Разумеется, медвежонок ничего не понял, но доверчиво прижался к ноге человека.

И все попытки Селезнева отправить его обратно в лес ни к чему не привели.

И тогда после короткого совета большинством в два голоса против одного медвежонок попал на борт «Пегаса».

И в тот же день все его полюбили.

Был зверек ласковым, доверчивым, совершенно ручным — можно было допустить, что он никогда не испытывал вреда от людей. Медвежонок оказался вегетарианцем. Он ел плоды, которые Селезnev собрал для него на планете, а когда они кончились, с удовольствием перешел на яблоки и сырую картошку.

Зеленый, конечно же, ворчал, что по кораблю шастают медведи, но на самом деле больше всех полюбил медвежонка и даже подолгу разговаривал с ним и уверял, что понимает желания медвежонка, когда тот урчит или сопит. Правда, почему медвежонок остался сиротой, понять он тоже не смог.

Сначала медвежонку постелили в кают-компании, но как-то ночью он проснулся и залез на пульт управления. Там он разорвал лежавший на столе звездный атлас и справочник кораблей. С тех пор на ночь шалуна запирали в клетку, что ему страшно не нравилось.

Профес sor Селезnev по пути домой внимательно проверил все пленки, которые снял на планете медвежонка, но приборы уверенно показали, что никаких живых существ крупнее комара на планете не водится.

Медвежонок не возражал, когда Селезnev осматривал, выслушивал и изучал его. Профессор даже написал статью в «Вестник космичес-

кой зоологии», когда вернулись на Землю, разослал номер всем своим коллегам в других зоопарках с запросом, не встречалось ли кому-нибудь из них такое животное. Но оказалось, что никто из зоологов такого зверька не встречал.

А пока что медвежонок жил в Космозо, стал любимцем публики, и особенно он любил, когда Елена Федоровна на цепочке водила его гулять по дорожкам парка после закрытия Космозо. Он ни разу не пытался убежать и никогда не выпускал своих когтей.

Конечно, если его никто не пугал...

Как-то они шли с Еленой Федоровной по дорожке, и служительница провела его мимо клетки с тигрокрысом с планеты Пенелопа. Тигрокрыс при виде медвежонка зарычал и начал бить раздвоенным на конце хвостом по полу клетки. Медвежонок, перепугавшись, кинулся прочь, потащил с неожиданной силой Елену Федоровну, а когда она пыталась его остановить, принялся отбиваться от нее и оставил на память об этом два длинных шрама у нее на руке. Елена Федоровна говорила всем, что сама виновата, а медвежонок, словно чуя свою вину, так уж ластился к ней, так урчал, что не простить его было невозможно.

Правда, и тигрокрыса вскоре наказала судьба. Каким-то образом это чудовище смогло ночью втащить в клетку грабли, оставленные возле дорожки садовником. А втащив их, тигрокрыс решил грабли наказать и попытался их сожрать. И хоть его зубы и желудок могут

Тигрокрыс при виде медвежонка зарычал.

перемолоть и переварить почти все, грабли в этот список не входят. Вот и угодил тигрокрыс в госпиталь. Там его усыпили и вырезали из него куски пережеванных граблей. Нельзя сказать, что после этого тигрокрыс стал добрее, но по крайней мере осторожнее.

А однажды медвежонок, которого уже все в Космозе звали Женей, показал себя храбрецом. И вновь при этом присутствовала Елена Федоровна.

Неподалеку от домика медвежонка располагался вольер с крикушками — птицами, которые умеют подражать различным звукам и летают вниз головой. А так в них нет ничего особенного, если не считать, что живут они на самом краю Галактики, встречаются очень редко, а их гнезда — большие скирды соломы или сена. Представляете: сама птичка чуть больше голубя, а гнездо чуть ли не с человека ростом. Так что вольер крикующей весь уставлен копнами сена, словно большими муравейниками.

Эти птицы почему-то невзлюбили медвежонка. Стоило ему на прогулке приблизиться к их вольеру, они поднимали страшный шум и норовили просунуть сквозь сетку свои тонкие длинные клювы, чтобы ущипнуть звереныша.

Да и по ночам они иногда просыпались и, словно желая повторить дневной урок, начинали хором, перебивая друг друга, изображать какой-нибудь новый звук, который им удалось подслушать днем, — то гудят, как сорок пожарных машин, то плачут, изображая малень-

кого ребенка, который потерял в Космозо маму. А представляете себе, как могут плакать сорок младенцев! В общем медвежонку от крикушой были сплошные неудобства.

Как-то они гуляли с Еленой Федоровной по дорожке, и, когда миновали вольер с гнездами из сена, там начался пожар. Словно кто-то кинул внутрь спичку. Сено занялось мгновенно, птицы, одуревшие от дыма и жары, метались, стараясь вырваться наружу. И тут еще Елена Федоровна упала в обморок. То ли она упала в обморок, увидев, как начинается пожар, то ли сначала упала в обморок, а потом начался пожар... в любом случае медвежонок проявил себя настоящим героем.

Елена Федоровна рассказывала, и это подтвердили роботы-пожарные, которые первыми примчались к горящему вольеру, что медвежонок Женя изо всех сил тащил лежавшую на земле сотрудницу Космозо, уцепившись когтями за рукава ее куртки, чтобы языки пламени не достали ее.

Пожарные раскрыли вольер, оставшиеся в живых птицы вылетели наружу и разлетелись по окрестным улицам и паркам. К сожалению, те, которых не удалось найти, стали жертвами ворон и котов, потому что крикуши не знали, что вороны и коты их не любят.

С тех пор Елена Федоровна еще больше полюбила отважного медвежонка, и он отвечал ей взаимностью. А что касается нечаянного обморока, то доктор, который осматривал сотрудницу Космозо, сказал ей, что это случилось

из-за переутомления. В то лето у нее на даче выдался невероятный урожай малины, смородины и яблок. И чтобы не пропали ягоды, она, сменившись с работы, мчалась на флаере в Абрамцево и там вечерами собирала ягоды, а ночи напролет варила варенье, делала компоты и наливки, так что поспать ей почти не удавалось целых две недели. Вот и довела себя...

Напоив Женю из бутылочки, Алиса его тщательно расчесала. От этого шерсть медвежонка еще больше засияла. Алиса проверила, не попало ли ему что-нибудь между пальцами, и в очередной раз подивилась странному капрису природы. На ладошках медвежонка были нарисованы треугольнички с хвостиками — так иногда маленькие дети рисуют мышек. Когда Алиса рассказала об этих мышках отцу, тот сначала поднял ее на смех, потом все же пошел, поглядел на ладошки Женьки и объяснил Алисе, что это пигментация. И пока не удастся отыскать других медвежат и сравнить их ладошки, нельзя сказать, только ли у нашего Женьки такой узор на ладошках или у других мишек тоже.

Медвежонок не любил, когда Алиса рассматривала его ладошки — ему было щекотно. Он ворчал и вырывал лапы. Алиса засмеялась и оставила своего мохнатого воспитанника в покое.

— Алиска! — раздался тут голос ее друга Пашки Гераскина.

Елена Федоровна, которая его знала, пропустила Пашку внутрь стеклянной загородки.

Напоив Женю из бутылочки, Алиса его тщательно расчесала.

— Ты что здесь делаешь? — удивилась Алиса. — Разве ты не готовишься к соревнованию?

Медвежонок вырвался из Алисных рук и побежал к Пашке, как будто ужасно по нему соскучился. Пашка подхватил его на руки.

— Нельзя его так баловать! — возмутилась Елена Федоровна. На самом деле она так не думала, но ей самой нравился медвежонок, и она хотела, чтобы баловала его только она сама.

— У меня собственная программа исследования Женечки, — сказал Пашка. — Я намерен разбудить в нем разум.

— Что? — изумилась Алиса.

— Я убежден, что наш медвежонок обладает заслугами разума, и, когда я его научу читать и писать, он расскажет нам про свою судьбу. Ведь нельзя же оставить ребенка сиротой, нельзя не разгадать эту страшную тайну!

— И как же ты его научишь читать и писать? — спросила Алиса.

— А вот так!

Пашка раскрыл свою сумку и высыпал из нее на пол груду картонок — набор для детей, которых учат читать. На каждой картонке была большая буква.

Медвежонок подошел к буквам и начал их двигать по полу, как будто понимал, что от него требуется.

— Что же дальше? — спросила Алиса с недоверием.

— Дальше требуется терпение, — заявил Пашка. — И оно у меня есть.

Он вытащил из груды карточек букву «а», положил перед медвежонком и произнес:

— А! Ааа!

Медвежонок внимательно глядел на Пашку и ничего не отвечал.

— На что же ты рассчитываешь? — спросила Алиса. — Он же не умеет говорить. Тем более по-русски.

— Научим, — сказал Пашка. — И, если у тебя есть другие дела, ты можешь нас покинуть.

— Ничего, я посмотрю, — ответила Алиса.

Пашка продолжал выкладывать перед медвежонком карточки и называл буквы. Медвежонок слушал его внимательно, как будто что-то понимал. Алисе хотелось смеяться. С таким же успехом можно было учить грамоте простого бурого медведя или кота.

А Пашка терпеливо выкладывал карточку за карточкой, потом принял складывать карточки по две. Получались слоги.

Наконец медвежонку надоело глядеть на игру, которую предложил ему гость, и он отвернулся от карточек.

— Женька, нельзя! — рассердился Пашка. — Мы же с тобой работаем!

Но медвежонок спокойно сел на карточки, разложенные Пашкой, и стал глядеть на дверь. Алиса-то понимала, почему он туда смотрит: вот-вот должны принести его обед.

— Совсем еще ребенок, — проворчал Паш-

ка и, оттолкнув Женьку, собрал карточки в сумку. — Только пускай он не воображает, что я отступлюсь. Вы плохо знаете Гераскина. Я научу этого болвана читать!

И он пошел к выходу.

Медвежонку принесли обед — большое блюдо различных фруктов и овощей. Он сразу забыл о гостях, схватил большой банан и, забыв его очистить, принялся жевать.

Вслед за Пашкой покинула клетку и Алиса. Она догнала друга.

Пока они шли по дорожке к выходу, Алиса вспомнила.

— Пашка, — спросила она, — ты не обращал внимания на странный рисунок на его ладошках?

— Ладошки как ладошки, — ответил Пашка, который не выносил, если кто-то знал о чем-то больше него. — А что?

— Там вот такие треугольники с хвостиками, как мышки.

— Нет, — сказал Пашка, — я стараюсь не смотреть на мелкие детали, чтобы не отвлекаться от большого и главного. А что твой отец говорит?

— Он считает, что это пигментация. То есть это у него от рождения.

— Профессору Селезневу лучше знать, — ответил Пашка.

Незаметно прошло несколько дней. Новостей особенных не было. Пашка регулярно ходил к медвежонку и упрямо раскладывал перед ним

карточки, а медвежонок так же упрямо в карточках не разбирался. Елена Федоровна рассказала Алисе, как был наказан один глупый подросток, который дразнил медвежонка.

— Я как раз собиралась выходить из домика. Вдруг слышу — Женечка рычит. Это для него так нетипично. Гляжу: за стеклом какой-то перекормленный дурак передразнивает Женечкину манеру ходить — ну знаешь как, вразвалочку. Я думаю: вот сейчас выйду и сделаю ему выговор. Вышла. Вижу этого хулигана. Подхожу к нему — и тут сознание потеряла, на одну секунду. Очнулась на полу. А рядом лежит этот хулиган, и на лбу у него здоровая шишка. Я, конечно, к нему: что случилось, почему вы упали? А он, представляешь, что мне сказал? Он сказал, что это я его по голове каблуком стукнула. Будто бы я сняла с ноги туфлю и по голове его стукнула. Ты представляешь, чтобы я была на это способна?

Алиса засмеялась. Конечно же, Елена Федоровна была к такому совершенно не способна. Она очень маленькая и хрупкая пожилая женщина, у нее уже два внука есть, она никого в жизни ни разу не ударила. Тот парень, который медвежонка дразнил, не стал, правда, никому жаловаться — стыдно стало с бабушкой воровать. Но Елена Федоровна так переволновалась, что ей пришлось лечь в постель.

Так как специального опекуна медвежонка на эти дни не стало, то Пашка с Алисой сговорились приходить к нему, чтобы медвежонку не было скучно.

Алиса брала с собой книжку. Или карман-ный компьютер, чтобы готовить уроки. Женеч-ка никогда ей не мешал. Он дремал, лежа у ее ног, или смотрел на дисплей компьютера, как будто что-то мог понять.

На третий или четвертый день Алисе при-шлось удивиться.

В Космозо был выходной, посетителей нет, дорожки пусты.

Она пришла немного раньше, чем обещала, и Пашка еще не кончил урока. Алиса оста-новилась в дверях, чтобы не мешать, и стала смотреть, как ведет себя медвежонок. И тут она, к своему изумлению, увидела, что Женечка складывает из карточек слова «девять вечера». Именно «девять вечера». Не «мама» или «папа», как можно было бы ожидать от очень способного инопланетного медвежонка, а весьма сложные слова, которые не каждый первоклассник напишет.

Первая мысль Алисы была: Пашка гений! Научил читать инопланетного медведя!

И тут Женечка заметил Алису.

В мгновение ока он смешал карточки и отвернулся от Алисы, словно ее и не было в домике.

— Что за тайны? — засмеялась Алиса. — Я все видела, от меня не скроется.

Но тут же ей пришлось оборвать смех, потому что медвежонок страшно, низким-низ-ким голосом зарычал, а с Пашкой тут случи-лось что-то совсем уж невероятное. Он вскочил, пошатнулся, словно был не в себе, кинулся к

Алисе, и Алиса мгновенно поняла, что Пашка не владеет собой.

— Паша! — крикнула она.

Пашка прыгнул на нее и попытался схватить за горло. Алиса отбивалась от Пашкиной хватки, и в ее ушах все время звучало странное рычание медвежонка.

Вообще-то Пашка и Алиса по силам примерно равны — им уже приходилось сражаться, правда, шутя, не так, как на этот раз. Но в Пашку словно вселился злой дух — руки у него были стальными, а пальцы как железные крючья.

И неизвестно, чем бы окончилась борьба, если бы дверь в домик не отворилась. В дверях стояла Елена Федоровна с узелком в руке.

— Что такое? — Елена Федоровна так ничего и не поняла, потому что Пашка тут же отпустил Алису и выбежал на улицу.

Медвежонок замолк и мгновенно забился в угол. Лишь Алиса осталась стоять у стены, растирая оцарапанное Пашкиными ногтями горло.

— Что-нибудь случилось? — спросила Елена Федоровна. — Вы поссорились?

— Нет, — ответила Алиса, проглотив слюну. — Нет, ничего особенного. Паша... просто очень спешил.

Ну не будешь же ты малознакомому человеку объяснять, что твой друг напал на тебя, как дикий зверь, и пытался задушить.

Все это было загадочно и даже страшновато. Алиса сделала шаг к медвежонку. Он поднял

на нее сиреневые глаза. Глаза были печальные-печальные и очень виноватые.

— Ну, как ты все это объяснишь? — спросила Алиса у медвежонка.

А тот заскулил, как побитый щенок.

Алиса посмотрела на карточки, разбросанные по полу. Если бы она что-нибудь понимала!

А Елена Федоровна, решив, что все ей почудилось, радостно произнесла:

— Здравствуй, мой звереныш! Я не смогла усидеть дома — так по тебе скучала. Видишь, испекла тебе пирог с яблоками. Ты же любишь пирог с яблоками?

Медвежонок поднялся и, переваливаясь, потопал к Елене Федоровне.

Подойдя, он протянул лапку к узелку.

— Понимает! — обрадовалась Елена Федоровна. — Умненький ты мой!

Алиса, не прощаясь, ушла.

Из дома она провидеофонила Пашке. Того не было дома. Интересно, как он объяснит свое нападение? Может быть, он хотел сделать сюрприз? Удивить весь мир тем, что научил медвежонка грамоте, и обиделся на Алису за то, что она подглядела и испортила сюрприз?

А что означало рычание медвежонка? Может, он просто перепугался, когда Пашка напал на Алису?

Когда Алиса пришла домой, мама была на кухне. На плите стоял бак, в котором варился борщ.

Алиса сразу догадалась, кто к ним будет в гости, — только громадный, ростом со слона, добродушный и вспыльчивый космический археолог и знаток галактических древностей Громозека мог съесть целый бак борща за один присест. Он любил мамин борщ так, что готов был перелететь половину Галактики для того, чтобы его отведать.

— Ой, мама! — обрадовалась Алиса. — Нежели Громозека прилетел?

— Он был на конференции, — сказала мама, — и по пути домой решил нас навестить.

Тут загремел старый кухонный комбайн, в который отец засыпал два ведра картошки и, конечно же, его перегрузил.

И Алиса, забыв о Пашке, и о медвежонке, и о всех странностях Космозо, о которых только что собиралась рассказать отцу, принялась помогать родителям готовить обед для дорогого гостя.

Громозека заявил не один. Он сделал замечательный сюрприз своим друзьям. Когда он втиснулся в дверь и пробился в прихожую, то тут же вытащил из мешков, пришитых к его одежде и называемых им скромно кармашками, двух маленьких громозек. Оказывается, у него родилось четверо детей. Двоих он оставил со своей женой, а двоих взял с собой на конференцию, чтобы они с детства приучались к научной обстановке. Одного маленького громозеку звали Помогризом, а второго Земогроком. Их было трудно различить, правда, один был в синем костюме, а второй в красном. В красном

был Помогриз, и хобот у него был короче, чем у брата, а в синем был Земогрок, и у него было на два щупальца больше. А вообще-то малыши были ростом побольше Алисы, а в объеме раз в пять крупнее ее. Так что пока Алиса и отец развлекали гостей, маме пришлось срочно ставить на плиту вторую порцию борща — на этот раз в ведре, потому что, оказывается, папа Громозека уже два месяца рассказывал своим малышам о том, как они прилетят к Селезневым и как мама Алисы приготовит им сказочный борщ.

За обедом Громозека и его малыши вели себя, как умирающие от голода дикари: пока они не съели весь борщ и не умяли три противня жареной картошки, не выпили шесть литров яблочного сока и восемнадцать банок компота из слив, они не разговаривали, а только ахали, охали и вздыхали от наслаждения. Потом, прямо за столом, малыши заснули, и, хоть мама хотела положить их в Алисиной комнате, папа Громозека заявил, что им куда лучше у папы под боком, и засунул спящих малышей в мешки-карманы своей куртки. Малыши мирно спали, только иногда поворачивались и бормотали или смеялись во сне, от этого Громозеку раскачивало и пол под ним скрипел, ведь нет такого стула, на котором бы уместился Громозека.

Отец стал расспрашивать Громозеку об общих друзьях — им не раз приходилось работать на разных планетах в совместных экспедициях. Но после второго или третьего

вопроса Громозека вдруг опечалился и опустил голову.

— Прости, — произнес он глухим голосом, — но нашего друга Гинде-бу нет в живых. Он погиб.

— Прости, — сказал отец. — Но как это случилось?

— Наша экспедиция работала на небольшой планете, давным-давно оставленной своими жителями. Оттуда коллеги сообщили нам, в Археологический центр, что отыскали сокровищницу древних царей и просят подмоги, потому что надо было описать, сохранить и вывезти эти сокровища. Мы срочно вылетели туда на большом корабле. Но когда прилетели, то не нашли ни одного живого человека...

— И не нашли сокровищ? — сказал отец.

— Кто-то узнал о сокровищах, налетел на планету, застиг экспедицию врасплох и безжалостно убил учёных.

— Чтобы замести следы? — догадалась мама.

— Вот именно, — согласился Громозека.

— Но как они узнали о сокровищах? — спросила мама.

— Все просто, — сказала Алиса. — Экспедиция наверняка вызывала вас открытым текстом.

— Разумеется.

— Это были космические пираты? — спросила мама.

— Космические пираты не перебили бы целую экспедицию. Ну, в крайнем случае

захватили бы всех заложниками. Нет, пираты — грабители, но не убийцы.

— Так кто же это был? — спросил отец.

— Так и не удалось узнать.

— И никаких следов? — спросила Алиса.

— Никаких. Впрочем, нет, погоди... Где же эта проклятая штука? Я всегда ношу ее с собой и всем показываю... Вдруг найдется кто-то, кто видел нечто подобное.

Громозека начал шарить многочисленными щупальцами по многочисленным карманам, его детишки проснулись, высунулись из карманов и тоже начали искать, хотя не знали, что искать, и потому вываливали на пол пуговицы, записные книжки, какие-то книжки, кассеты, аппараты, бумажки, пленки, черепки, бусинки... И скоро пол в комнате был по щиколотку засыпан содержимым карманов археолога.

— Вот! — наконец закричал Громозека, когда все отчаялись дождаться.

Он вытащил из нагрудного кармана небольшую фотографию. На ней был виден участок стены или какой-то каменной плоскости, на которой мелом был нарисован треугольник с хвостом, как будто какой-то малыш рисовал мышку.

— Но это же детский рисунок! — сказала мама. — Это мышка.

— Нет, — возразил Громозека. — Лучшие детективы изучали этот рисунок. Он сделан взрослой сильной рукой именно в тот день, когда погибла экспедиция и пропали сокрови-

ща. Если я узнаю, кто и почему нарисовал эту мышку, то смогу приблизиться к тайне гибели моих друзей.

— Я помогу тебе, — сказала Алиса.

— Что ты говоришь? — удивился отец.

— У тебя слишком плохая память для ученика, — укоризненно сказала Алиса. — Ты забыл, что я тебе несколько дней назад говорила об этом рисунке.

— Ты? Мне? — Отец был искренне удивлен.

— Как вредно не обращать внимания на открытия, которые делают дети, — произнесла Алиса. — А я с самого начала почувствовала неладное.

— Так говори, говори! — воскликнул Громозека.

А его детишки высунулись из карманов и даже завизжали от нетерпения.

И тогда Алиса рассказала, что точно такие же треугольники с хвостиками есть на ладонях золотого медвежонка.

Отец, разумеется, сказал, что это случайное совпадение, но Громозека отнесся к словам Алисы серьезно. И тут же стал собираться в Космозо.

Естественно, отец с мамой стали отговаривать Громозеку, убеждать, что лучше съездить завтра — сейчас Космозо уже закрыт. И открывать его — дело сложное.

Алиса не слушала спора взрослых. Она знала, что Громозека настоит на своем. Ее беспокоило совсем другое — она вспомнила, какие слова были сложены на полу в домике

медвежонка: «Девять вечера». Конечно, слова могли быть чисто учебным упражнением и ничего не значить. Или относиться к любому другому дню. А могли...

Алиса кинулась к видеофону и набрала номер Пашки. Подошла Пашкина мама.

— Простите, — спросила Алиса, — Паша пришел?

— А разве он не у тебя? — удивилась Пашкина мама. — Он сказал, что пошел к тебе делать домашнее задание по генетике.

Алиса хотела было сказать неправду, потому что неправду можно говорить, когда надо успокоить родителей. Но так как на нее одновременно посмотрели ее собственные родители, Громозека и маленькие дети Громозеки, она вынуждена была сказать правду:

— Нет, он еще не приходил.

— Но уже десятый час! — воскликнула мама Пашки.

— Но вы же его знаете, — ответила Алиса. — Он такой увлекающийся.

— Так вот, когда твой увлекающийся друг придет, — строго сказала Пашкина мама, — вели ему немедленно позвонить домой.

— Конечно, конечно, — пообещала Алиса и быстро выключила экран.

Она обернулась. Все смотрели на нее.

— Что еще с твоим Пашкой? — спросила мама.

— Он учил медвежонка читать и складывать слова, — призналась Алиса.

И рассказала о том, что случайно подгля-

дела сегодня, как Женечка складывал странные слова.

— Ох, и не нравится мне это! — совсем как Зеленый, произнес Громозека, и они все побежали к Космозо, благо бежать до него было всего пять минут.

От ворот отец вызвал ночного дежурного, и тот открыл служебный вход.

По пути к домику медвежонка отец спросил у дежурного:

— Никаких событий?

— В общем, все в порядке, — ответил дежурный, но в голосе его была неуверенность.

Отец сразу почувствовал ее и остановился.

— Что значит «в общем»? — спросил он строго.

— Но, может, мне показалось...

— Говорите. Быстро!

— Полчаса назад мне показалось, что на территорию опустился флаер.

— Как так — показалось?

— Но потом я подумал, откуда здесь быть флаеру в такое позднее время, — ответил дежурный.

— Где опустился флаер?

— Вон там, возле домика, где наш медвежонок живет.

— Вот именно! — воскликнул Громозека. — Этого я и опасался.

— Вы проверили? — спросил отец дежурного.

— Вот как раз собирался.

— Разумеется, — вздохнула Алиса. Ведь де-

журный смотрел триста шестую серию фильма «Бедным тоже щекотно» и не мог оторваться от переживаний за судьбу обнищавшей герцогини Леокадии.

Отец отмахнулся от дежурного и поспешил вслед за Громозекой.

Самые худшие их подозрения оправдались.

Дверь в домик медвежонка была распахнута, а домик пуст.

— Сбежал! — ахнул отец.

— Ему помог бежать мой Пашка, — сказала Алиса. — И я теперь очень беспокоюсь за его судьбу.

— Что ты говоришь! — возмутилась мама. — Почему ты должна бояться? Ну, мальчик шалит...

— Мальчик-то, может, и шалит, — произнес Громозека. — Но вот ваш золотой медвежонок, вполне вероятно, не такой уж невинный зверек, как вам кажется.

— Ты его не видел! — возразила мама. — Если бы ты его увидел, ты бы понял, какой он очаровашка.

— Не все золото, что блестит, — сказал тогда Громозека, который знал множество русских поговорок и очень любил употреблять их к месту и не к месту.

— Что теперь делать? — спросил отец, как бы передавая этим командование Громозеке. Он был очень расстроен, что не смог увидеть опасности, ведь, как и все, он был очарован милейшим медвежонком.

— Теперь надо спешить на космодром, —

сказал Громозека. — У меня есть подозрение, что этот ваш медвежонок с помощью мальчика Паши постараётся улететь с Земли.

— Но почему? Почему он оказался совсем один на дикой планете?

— Вот именно это и должно было тебя насторожить, — ответил Громозека. — Подумай, откуда может взяться такое большое животное на планете, на которой нет даже мелких зверюшек, тем более нет родственников золотого медвежонка.

— Мы думали об этом, — признался отец и развел руками.

— Так бежим на космодром.

— Нет, — возразил профессор Селезнев. — Бежать туда — дело долгое. Да и флаер надо вызывать. Пошли ко мне в кабинет, оттуда мы позвоним на космодром и предупредим охрану.

Все согласились, что это самое мудрое решение, и через пять минут они уже были в отцовском кабинете.

Отец дозвонился до космодрома. Дежурный был вежлив и, когда узнал, что из Космозо убежало редкое животное, которое может попытаться улететь на корабле, встревожился и тут же согласился, что искать медвежонка следует тихо, не объявляя об этом вслух, чтобы не спугнуть медвежонка и тем более не перепугать тысячи пассажиров, что толпятся в помещениях вокзала. Дежурный записал и приметы Паши, который мог быть вместе с медвежонком.

— Вот теперь мы можем ехать на космодром, — сказал отец. — Сейчас я вызову флаер.

— Подожди, папа, — остановила его Алиса. — Скажи, пожалуйста, а ты уверен, что они с Пашкой полетели на космодром?

— А куда же еще?

— Куда угодно, — ответил за Алису Громозека. — Мы же ничего не знаем. Даже не знаем, какие у них с Пашей отношения и кто из них командир.

— Боюсь, что командир — Женечка, — проговорила Алиса. — Только такая последняя дура, как я, могла спокойно смотреть на слова, сложенные медвежонком, и не поднять из-за этого тревогу на всю Москву. Почему я не догадалась, что дикое животное, прожившее на Земле всего три недели, не может складывать буквы на чужом языке? А если может, то тогда это никакое не животное.

— Вот я и думаю, — сказала мама. — Почему медвежонок прямо не поговорил с твоим Пашей, если они такие друзья?

— Да потому, что он водил Пашку за нос! Он оказался умнее всех нас вместе взятых. Пашка хотел научить его с помощью карточек. И Женечка сообразил, что если он выучится под Пашкиным мудрым руководством, то Пашка будет так счастлив, что дальше можно будет из него веревки вить. Если бы он попытался Пашке что-то приказать словами, то Пашка бы сразу заподозрил неладное и сказал бы об этом мне или папе. Но карточки! Гениальное Пашкино изобретение!

— Алиса права, — согласился профессор Селезнев. — Но если медвежонок попросил Пашку отвезти его на космодром, чего он этим добьется? Ведь Пашка не может положить его в карман. У него нет минимизатора.

— Да и с минимизатором ничего бы не получилось, — сказала Алиса. — Пашка не может вместе с Женечкой улететь с Земли, потому что у нас послезавтра контрольная по генетике, а Светлана сказала, что если Пашка не напишет ее по-человечески, то не видать ему летнего путешествия как своих ушей.

— Тогда что же он сделал? — в отчаянии воскликнул Селезнев.

Алиса понимала, что отец прав — получалась неувязка. Что же понадобилось медвежонку Женечке от Пашки Гераскина?

— Что мы знаем об этом медвежонке? — спросил Громозека. — О его способностях и странностях? Не может быть, чтобы вы ничего не заметили.

— Я заметила! — воскликнула Алиса. — Только для этого мне нужно позвонить Елене Федоровне.

— Зачем? — спросил папа.

— А затем, что в Космозо случались некоторые незначительные события, которые не получили объяснения, — сказала Алиса.

— Какие? — спросил отец, встревожившись.

— Например, пожар у крикуш. Или тот случай, когда тигрокрыс чуть не подавился граблями. Или когда Елена Федоровна одному глупому человеку хотела голову проломить.

— Что? — удивился отец.

Оказывается, о последнем событии он даже не знал.

Алиса уже набрала номер Елены Федоровны. Та словно ждала звонка.

— Что случилось? — спросила она. — Что он еще натворил?

— Вы кого имеете в виду? — спросил Громозека.

И Елена Федоровна, которой не приходилось встречать его раньше, не догадалась, что это профессор археологии и знаменитый учёный, она увидела слоноподобного осьминога или спрутоподобного слонопотама. И от страха выключила видеофон.

— Теперь ты немного подождешь, — сказала Алиса. — А я сама с ней поговорю.

Оба детеныша Громозеки высунулись из его карманов и принялись возмущаться поведением людей.

— Как можно! Как можно! — кричали они. — Наш папочка самый красивый. Мы не позволим, мы не допустим!

Громозеке пришлось заткнуть головки малышей в карманы и застегнуть карманы на «молнии».

Со второго раза Алиса дозвонилась Елене Федоровне. Та уже поняла, что проявила невежливость, и потому чувствовала себя виноватой. Громозека-то обиделся, отошел от видеофона и даже повернулся к нему спиной.

— Елена Федоровна, что-то случилось с

вашим медвежонком, — сказала Алиса. — Да-же не что-то, а он сбежал.

— Я этого ждала! — вздохнула пожилая женщина.

— Но если ждали, почему не сообщили директору Космозо? — поинтересовался профессор Селезнев.

— Так я думала, что рехнулась, — призналась Елена Федоровна. — С одной стороны, я не встречала никого милее и тише нашего питомца, а вот с другой стороны...

— Он не всегда был таким, каким казался окружающим? — спросила Алиса.

— Вот именно. Всем казался, а на меня внимания не обращал, потому что думал, что никто не поверит старой глупой бабке. То оскалится, то укусит, то ямку выроет на моей дороге, чтобы я ногу сломала, то испугает исподтишка... В общем, натерпелась я с ним!

— А вот тот случай, когда тигрокрыс грабли жевал...

— А я ничего не видела!

— Как же не видели! — снова вмешался отец. — Вы же с животным гуляли по дорожке.

— Гулять гуляла, а ничего не видела.

— Пускай женщина объяснится, — произнес, разворачиваясь, Громозека.

— Я долго голову ломала, — сказала Елена Федоровна. — Но ничего не вспомнила. Как будто проспала самое важное.

— А второй случай? Когда вольер крикун сгорел?

— Тоже загадка! — воскликнула женщина. —

Ничего не помню.

— И случай с шалуном посетителем?

— Совсем уж непонятно. Вроде бы присутствовала, должна была все видеть — и не видела.

— Пожалуйста, Елена Федоровна, расскажите нам об этом подробнее, — взмолилась Алиса. — Нам это очень важно!

— Алиса права, — поддержал Громозека. — Я вас очень прошу!

— Но я мало что могу рассказать, — ответила Елена Федоровна. — Я ничего не помню! То есть я помню, как мы шли и как мы смотрели на тигрокрыса, а он скалился на Женечку, а потом... потом какой-то провал в памяти, и я уже вижу только, как тигрокрыс давится этими граблями, а медвежонок улыбается...

— Улыбается? — переспросил профессор.

— А у меня внутри было так тепло-тепло, как будто случилась большая радость. — Елена Федоровна виновато опустила голову. Она, конечно же, понимала, что нормальному человеку, а тем более сотруднику зоопарка не может быть тепло и хорошо, если какому-нибудь животному плохо и больно. Но воспоминание было таким приятным!

— Скажите, — спросил Громозека, — а когда загорелись эти...

— Крикуши? Точно так же, — ответила Елена Федоровна. — Я помню, что было до пожа-

ра, а потом помню сам пожар. А вот что было... как он начался — не припоминаю.

— И, конечно же, не помните, как ударили молодого человека?

— Я не могла ударить человека! Это недоразумение! Я даже муху не могу прихлопнуть!

— Не помните?

— Не помню!

— Спасибо, Елена Федоровна, — сказал отец.

— Мне подавать заявление об уходе? — спросила женщина.

— Почему же? — удивился отец. — Вы хороший работник и любите животных.

— Но ведь я замешана в таких грязных историях!

— Ах, Елена Федоровна! — сказал тогда директор Селезнев. — Вы же все давно поняли, только сами себе не смеете признаться, потому что жалеете медвежонка. Вы же понимаете, что каким-то образом он замешан в этих каверзах!

— Нет, я отказываюсь в это верить! — воскликнула Елена Федоровна сквозь слезы. — Простите, я больше не могу...

Экран погас.

В кабинете Селезнева стало совсем тихо. Слышно было лишь, как о стекло окна бьется оса. Громозека протянул щупальце и открыл окно, чтобы оса могла улететь.

— Но как он это делал? — спросил сам себя Селезнев.

— Я думаю, что он вовсе не животное, —

сказала Алиса. И все кивнули, потому что думали так же.

— Вас всех сбивало то, что медвежонок, — заметил Громозека, — так похож на ваше земное животное, только лучше и красивее.

— И даже добрее, — добавила Алиса.

— Если Елена Федоровна не может простить себе ошибки, — произнес Селезнев, — то что делать мне, опытному ученому, который не отличил медвежонка от хитрого и разумного инопланетянина.

— А потому, папочка, — сказала Алиса, — что этот медвежонок не хотел, чтобы ты догадался, кто он на самом деле.

— Но почему? Почему?

Ответ на этот вопрос пришел буквально через три секунды.

— Вас вызывает космопорт, — сообщил видеотелефон.

Экран загорелся. На нем появился дежурный.

— Профессор Селезнев? — спросил он.

— Я здесь.

— Вы беспокоились о золотом медвежонке? — спросил дежурный.

— Да! Вы его нашли?

— Нет, — ответил загадочно дежурный. — Это они нас нашли.

И тут же на экране появились три золотых медвежонка. Именно три, именно золотых и именно медвежонка.

Были они крупнее Женьки, темнее его, все три с портфелями и в очках.

— Мы просим встречи с вами, — сказал тот медвежонок, у которого были самые толстые очки. — Мы официальная делегация с планеты Лумм. Вряд ли вы о нас слышали, потому что мы живем совсем в другом конце Галактики, и даже ваш журнал со статьей о золотом медвежонке в космическом зоопарке мы получили только неделю назад и сразу же выслали к вам военно-правительственную делегацию.

Три медвежонка поклонились экрану.

— Вы узнали... — сказал отец. — Вы узнали о чудовищном недоразумении. — Тут впервые в жизни Алиса увидела, как ее отец густо покраснел. — Да, мы совершили ошибку!

— Какую? — удивился главный медвежонок.

— Мы поместили в клетку и показывали посетителям разумное существо!

— Какое счастье, что вы так сделали! Хоть вы и не смогли, наверное, его полностью контролировать, но все же надеюсь, что в вашей клетке очень толстая и крепкая решетка.

— Что вы говорите! — испугался отец. — Нет, не думайте! Мы не варвары, ваш коллега... ваш соотечественник гулял на свободе.

— И еще не сбежал? — спросил второй медвежонок. — Я не поверю!

— Сбежал, — сказала Алиса в наступившей тишине.

— О ужас! — закричал третий медвежонок. — Вы должны тут же объявить всеобщую тревогу и ввести на планете карантин.

— Он болен! — догадался Громозека, и его карманы зашевелились. Из них бились и рва-

лись наружу его детишки. — Он разносит страшную заразу!

— Он здоров, но он разносит страшную заразу! — ответил первый медвежонок. — Где он сейчас?

— Мы не имеем представления, — признался отец.

— Тогда вы должны прекратить все полеты, запретить все вылеты с Земли. Если он вырвется, мы ничего не можем обещать! Вы не представляете, к чему это может привести.

— Да погодите вы! — рассердился тут Громозека. — Что вы кудахчете, как курицы! Опасность, опасность... Какая может быть опасность от одного маленького звереныша?

Алиса понимала, что Громозека нарочно так говорит, чтобы члены военно-правительственной комиссии с планеты Лумм перестали спорить и скорее рассказали, что же представляет собой этот золотой медвежонок.

Но отец не понял Громозеку — видно, очень волновался — и потому остановил его.

— Нет, ты не прав, мой друг, — сказал он. — Не надо перебивать наших гостей. Они сейчас приедут к нам, и мы поговорим. Я же не снимаю с себя вины за происшедшее.

— Боюсь, нам некогда встречаться, — возразил отцу Громозека. — Лучше обменяться мнениями сейчас же. Если уважаемые члены комиссии в самом деле встревожены, пускай они в двух словах все расскажут, и мы начнем действовать.

— Да погодите вы! — рассердился тут Громозека. — Что вы кудахчете, как курицы!

И видя, что отец не перечит ему, Громозека тут же задал главный вопрос:

— Кто этот медвежонок? Почему он оказался один на дикой планете? Почему он не признался в том, что он разумный, а тщательно изображал зверя?

После короткой паузы глава делегации начал свою речь:

— Имя этого... существа, которое вы называете медвежонком, Выпрахол Четвертый. В молодости он правил небольшим княжеством на острове того же названия...

— В молодости? — удивилась Алиса.

— Ему сейчас по вашим меркам... — сказал второй член делегации, — примерно шестьдесят три года и три месяца.

— Ничего себе медвежонок! — прошептала Алиса.

— Но ему не сиделось на острове, и он завоевал соседний остров. Он возглавил шайку насильников и бандитов без стыда и совести. И на нашу тихую планету пришла беда. Они назвали свою банду братством щита и кнута, и их гербом, который они рисовали повсюду и даже татуировали на ладонях, был треугольный щит, из-под которого высовывается конец кнута...

Конечно же, подумала Алиса. А мы считали это мышкой.

Отец покачал головой и тихо проговорил:

— Алиса же показывала мне этот знак! А я не поверил! Разве медвежата выжигают знаки на ладошках?

— Остров за островом, княжество за княжеством, страна за страной он покорил всю нашу планету и установил на ней дикие порядки. Никто не чувствовал себя в безопасности. Он был одержим желанием гадить всем хорошим людям. Часто даже его сподвижники и соратники вставали в тупик перед его преступлениями... Выпрахол Четвертый и его бандиты начали даже совершать нападения на другие небольшие планеты и всюду оставляли свой знак...

— И всюду оставляли свой знак, — повторил Громозека. — И убивали...

— Он убил моих родителей, — произнес второй член делегации. И голос его дрогнул.

— Да, — подтвердил глава делегации. — У маршала Варшула погибли родители, у меня подруга.

— А у меня запасная дочь, — произнес третий член делегации.

Алиса подумала, что обязательно надо будет спросить, что такое запасная дочь на той планете? Но события, которые развернулись вскоре, так отвлекли Алису, что она забыла об этом спросить и до сих пор мучается.

— Наконец терпение нашего народа лопнуло! — Медвежонок в очках топнул лапой, а два других зарычали. — Началось восстание. Борьба была долгой и жестокой, погибли тысячи людей!

— И мой брат, — добавил второй медвежонок.

А Алиса подумала: когда они переводят свои

слова на русский, то называют себя людьми. А мы их — медвежатами. Просто неприлично получается. Даже если ты произносишь такое слово мысленно.

— Власть кровавого диктатора и бандитов щита и кнута была свергнута. Большинство их было перебито, а самого Выпрахола Четвертого разжаловали в Выпрахола половинного...

— Да, именно так! — криками подтвердили эти слова остальные члены делегации.

— Для самого Выпрахола половинного была придумана страшная медленная казнь. Его отвезли на самую отдаленную планету, где не было больше ни одного живого существа. Навсегда. До самой смерти.

— А мы его нашли, — сказал тогда профессор Селезнев. — И еще ломали голову, почему звереныш совершенно одинок? Что случилось с его родителями?

— Нам очень обидно, что вы нас спутали с какими-то неразумными зверями, — сказал глава делегации, а второй ее член, маршал Варшул, добавил:

— Это помогло хитрому и злобному Выпрахолу. Каким-то дьявольским образом он догадался, что вы не знаете о нашем существовании. Он удивительно способная и хитрая тварь. Я уверен, что уже через день он знал ваш язык и все понимал.

— Конечно же! — признался отец. — В первый день он от нас убежал. А на второй пришел снова.

— Он понял, что вы для него — нежданное спасение.

— Конечно, если вы не догадаетесь, что он известный злодей, — добавил маршал Варшул.

— А как мы могли догадаться? — вздохнул отец.

— Должны были догадаться, — не согласился с ним Громозека. — Иначе вас зря на вашей работе держат. Даже с биологической точки зрения вся эта история была чепухой. Как может одно животное жить на целой планете? Кто тогда его родил? Кто его выкормил?

— Не надо спорить, — сказала Алиса. — Этим мы делу не поможем. Нам же надо поймать этого самого... четвертого Выпрахола.

— Нет-нет! — хором закричали медвежата. — Половинного!

Отец переключился на дежурного по космопорту.

— Никаких новостей? — спросил он.

— Ни ваш беглец, ни Павел Гераскин не появлялись, — ответил дежурный. — Служба безопасности предупреждена. Ни один корабль не поднимется в воздух. Он не улетит. Другие космодромы тоже предупреждены.

Дежурный был очень серьезен — он же слышал разговор с военно-правительственной делегацией с планеты Лумм.

Отец вновь переключился на зал, в котором стояли медвежата.

— Скажите, — спросил глава делегации, — а откуда еще могут подняться космические корабли?

— Все космодромы предупреждены, — ответил профессор Селезнев. — Можете не беспокоиться.

— А я бы не была такой уверенной, — сказала Алиса. — Разве трудно построить космический корабль? Например, в школе?

— Ты еще скажи — в детском саду, — улыбнулся Селезнев.

— Папа, когда ты учился в школе, были еще древние, отсталые времена, — сказала Алиса. — Тогда еще в детских садах дети не знали программ «Д-малое» и «Кобра вечером».

— Я и сейчас их не знаю.

— А сегодня, папочка, — продолжала Алиса, которой давно уже хотелось намекнуть родителям, что они жили в древнюю эпоху, — дети совершенно отличаются от вас. И космические корабли стоят в каждой школе. Разве ты не знаешь, что мы с Пашкой Гераскиным участвовали в гонках вокруг Луны?

— Но у вас же не настоящий космический корабль! Он не может вылететь за пределы Солнечной системы.

— А если долететь до Плутона и там захватить корабль геологов?

— Или на Марсе украсть мой корабль, — предположил Громозека. — Я его оставил на космической стоянке.

— Нет, это несерьезно, — сказал отец. Но голос его звучал неуверенно. Он уже ни в чем не был убежден.

— Простите, — вмешался в разговор глава делегации с планеты Лумм. — А молодой

человек по имени Паша знает о местонахождении такого вот небольшого планетарного корабля?

Значит, они сообразили, насколько это серьезно, поняла Алиса.

— Да, — ответила она. — Наш кораблик стоит на школьном дворе.

— Он готов к полету?

— Он может долететь до Марса.

— Тогда надо спешить туда! Сообщите нам адрес! — хором воскликнули луммцы и схватились за портфели так, что Алиса поняла — в портфелях у них бластеры или даже пушки.

— Пашка не такой глупец, чтобы посадить медвежонка одного в корабль, — сказал отец. Но сам уже поднялся и набирал на пульте вызов флаера.

— Может быть, ваш Пашка и не такой глупец, — ответил мохнатый маршал Варшул, — но бывший кровавый диктатор в тысячу раз умнее его, в сто раз коварнее и умеет подчинить себе любого человека.

— Как? — спросил Громозека.

— Во-первых, он может заговорить, обольстить и буквально околдовать любого. Если это не помогает, он может... и это самое страшное... Он может...

— Говорите! — воскликнула Алиса. — Я уже догадываюсь, что вы скажете. Елена Федоровна была жертвой его силы!

— Мы не знаем ничего о существе по имени Елена Федоровна, — сказал глава делегации, — но мы знаем, что Выпрахол спо-

собен испускать поток психоволн и на минуту полностью подчинять себе любое живое существо. Когда же гипноз пройдет, его жертва ничего не помнит.

— Все ясно, — сказала Алиса. — Вот как погибли крикуши и чуть не умер тигрокрыс!

— Как так? — спросил Селезнев. Одним глазом он следил за информацией на пульте — ждал, когда подлетит пассажирский флаер, а другим наблюдал за экраном связи с космопортом: нет ли вестей оттуда. — Как это случилось?

— Елена Федоровна, сама того не понимая, сунула в клетку к тигрокрысу грабли, потому что медвежонок решил сделать ей гадость. А потом она подожгла гнезда крикуш... и ничего не запомнила.

— Значит, он всех может загипнотизировать? — спросил Громозека.

— Во-первых, только на минуту и потом ему надо часа три восстанавливать силы, во-вторых, с нами он ничего поделать не сможет.

Сказав так, глава делегации вытащил из портфеля мягкий шлем, натянул на голову и сразу стал похож... На кого же он стал похож? Скорее всего на медведя в купальной шапочке.

Остальные члены делегации последовали его примеру.

— Он уже употреблял гипноз против Пашки, — сказала Алиса. — Пашка под гипнозом кидался на меня, как шакал. И тоже, наверное, ничего не помнит.

Она первой поспешила на улицу, где как раз приземлился вызванный отцом флаер. Вторая такая же машина, которая была на постоянной связи с Селезневым, уже ждала у космопорта делегацию с планеты Лумм.

Флаер резко взмыл в небо, подчиняясь программе экстренного полета. Дети Громозеки, который с трудом втиснулся в просторную машину, запищали — им не понравились перегрузки.

— Приучайтесь, малыши! — прикрикнул на них археолог Громозека, похлопывая щупальцами по шевелящимся карманам. — Вам всю жизнь придется терпеть перегрузки — такова судьба бродячего археолога.

Уже через три минуты внизу показался парк, в котором расположена Алисина школа. Вот и площадка практических игр, где стоят машины, придуманные и построенные учениками. Выше всех поднимается округлое ребро летающего блюдца, построенного Пашкой и другими ребятами еще в прошлом году.

— Они еще здесь! — закричала Алиса. — Они не улетели.

— Если дети на Земле так любят строить космические корабли, то не исключено, что они в другой школе или даже в детском саду, — заметил Громозека. — И мы до следующего года будем облетать и проверять ваши детские учреждения.

Никто не ответил Громозеке. Селезневы внимательно приглядывались к тому, что творится внизу. У корабля никого не было. Но,

когда они опустились ниже, Алиса заметила, что люк в корабль приоткрыт.

— Осторожно, папа, — прошептала она, словно боялась, что ее услышат. — Они могут быть внутри.

Селезнев кивнул. Он опустил флаер метрах в пятидесяти от диска.

Первым вышел он сам, потом Алиса. Последним выбрался Громозека. Детишки бились в его карманах, норовя высунуть головы наружу, чтобы не пропустить интересное зрелище.

Профессор Селезнев сделал Алисе знак, чтобы она остановилась, а сам подошел к люку.

Все молчали.

Наступил весенний вечер, похолодало, небо стало зеленым и розовым, а по нему плыли лиловые и сизые облака. Деревья вокруг площадки шумели молодой листвой, под деревьями было темно. Из полуоткрытого люка вырывался желтый уютный свет.

— Паша, — позвал Селезнев.

Никто не ответил.

Селезнев сделал еще два шага — он был совсем близко от люка. Алисе так хотелось помочь ему, но она была умным человеком и понимала, что в боевой операции бывает только один командир. Громозека тоже это понимал. И даже его малыши затихли, хоть Громозека и расстегнул карманы, чтобы их успокоить...

Изнутри корабля неожиданно послышались

шум возни, хихиканье, потом смеющийся Пашкин голос произнес:

— Да погоди ты, малыш! Слышишь, меня зовут! Не бойся.

Тут люк распахнулся, и в нем показался силуэт Пашки.

Алиса вздохнула с облегчением. Хоть с Пашкой ничего не случилось!

Пашка казался вырезкой из черной бумаги.

— Здравствуйте, — сказал он, узнав Селезнева. — Вы ищете Алису? Но Алисы тут нет.

— Нет, Паша, — ответил профессор Селезнев. — Мы с Алисой ищем совсем другого человека.

— Кого? — удивился Пашка.

— Человека по имени Выпрахол половинный, который оказался страшным преступником.

— Я не знаю такого!

— Ты его знаешь. Он похож на золотого медвежонка и жил до сегодняшнего дня в Космозо.

Пашка смеялся. Врать в глаза профессору Селезневу он не мог.

Он растерянно обернулся, будто ожидая, что ему подскажут из корабля, как себя вести.

— Разреши, я войду в корабль, — сказал Селезнев, — и поговорю с твоим приятелем.

— Но я ему обещал! — воскликнул Пашка. — Он так просил показать ему Луну.

— Что? — удивился Селезнев. — Какую еще Луну?

— Я научил Женечку читать и складывать

карточки, — сообщил Пашка профессору. — Он такой способный! Я хотел исполнить его мечту.

— Вот и отлично, — сказал Громозека, подходя к Селезневу. — Ты его научил, а теперь нам с ним надо серьезно побеседовать.

— Он так стесняется, Громозека, — ответил Пашка, совсем не удивившись тому, что археолог участвует в разговоре. Пашка казался каким-то подавленным и пришибленным. — Может быть, лучше мы сначала с ним немного полетаем, а поговорите вы потом, когда мы вернемся?

Пашка сделал шаг назад и попытался закрыть за собой люк, но профессор Селезнев быстро взбежал по лесенке, чтобы помешать Пашке.

— Нет! — закричал тогда Пашка и, словно пантера, кинулся на профессора Селезнева.

Селезнев успел отшатнуться, и Алиса увидела в проеме люка темный силуэт медвежонка, который, конечно же, гипнотизировал Пашку. Пашка неудачно упал на землю и застонал, схватившись за ногу. Профессор Селезнев хотел было схватить медвежонка, но и его постигла участь Пашки — он вдруг спрыгнул на землю и, повернувшись к остальным, закричал не своим голосом:

— Назад! Назад! Скорее назад! Не мешайте этому несчастному зверенышу посмотреть на Луну! Иначе я вас всех перебью!

— Папа! — закричала Алиса. — Папа, что с тобой?

Но в этот момент ее охватило странное чувство — безгранична любовь к несчастному золотому медвежонку. И ей хотелось лишь одного — скорей пробраться в корабль и показать медвежонку, как лучше управлять им, помочь медвежонку взлететь в небо.

Алиса как будто бодрствовала, но не принадлежала себе.

Она хотела было быстро подняться в корабль, закрыть за собой люк и помочь медвежонку улететь, но тут на площадку опустился еще один флаер.

Из него выскочили три медвежонка в купальных шапочках. Вид у них был странный и даже смешной. Но Алисе не было смешно — ей в сердце вонзился ужас при виде этих отвратительных карателей. Вместе с Пашкой и папой она, как дикая кошка, кинулась на военно-правительственную делегацию с планеты Лумм, стремясь стереть пришельцев в порошок. Но Громозека? Что с ним? Почему он медлит? Почему он не идет нам на подмогу?

Все эти мысли пронеслись в голове Алисы как молния — за секунду.

Больше Алиса ничего не помнила.

Она лишь увидела строгие глаза маршала Варшула с планеты Лумм, который надвигался на нее, целясь из бластера.

И больше ничего...

Алиса очнулась минут через пять. По крайней мере ей сказали потом, что она была без сознания пять минут после того, как и ей

достался парализующий заряд из бластера маршала Варшула.

Рядом на земле лежали без чувств ее отец профессор Селезнев и лучший друг Пашка Гераскин.

Громозека навис над ними, растерянно разведя щупальца в стороны, а из боковых карманов его широкого костюма выглядывали многоглазые лица его детишек.

Алиса села. Голова кружилась.

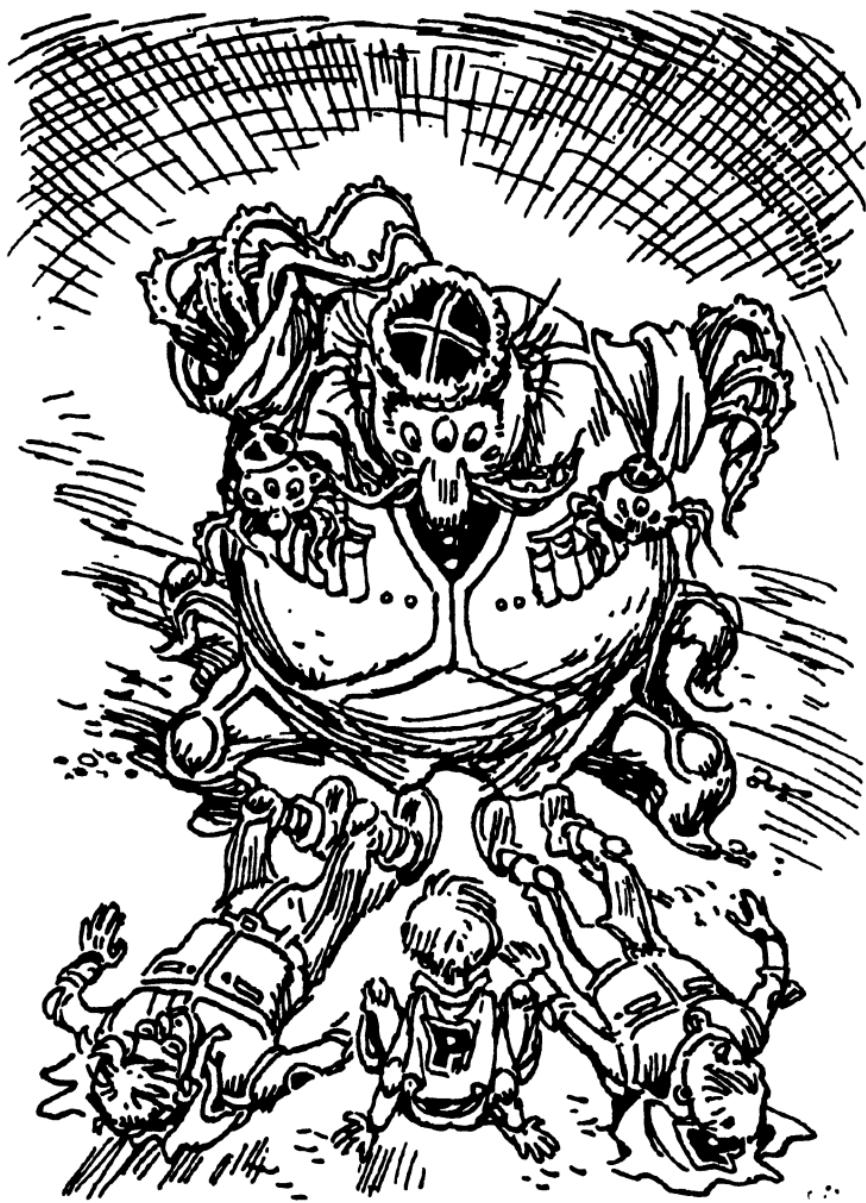
Совсем недалеко от нее стояли три медвежонка в купальных шапочках, защищающих от гипноза. Они окружили четвертого, самого золотого. Они стояли, направив на него бластеры.

Рядом зашевелился Пашка. Будто просыпался. Случайный комар сел ему на нос, и, прежде чем прийти в себя, Пашка хлопнул себя по носу. Затем очнулся и отец.

— Простите, — сказал глава делегации с планеты Лумм. — Мы вам причинили небольшие неудобства. Теперь Выпрахол будет жестоко наказан. Его будут называть Выпрахолом четвертинным.

— Только не это! — закричал по-русски золотой медвежонок. Кричал он совсем без акцента, будто в Москве родился. — Я Четвертый! Я всегда буду Четвертым и умру Четвертым. Вы можете отнять у меня свободу, вы можете связать и сослать меня. Но не троньте мое честное имя!

— У тебя, преступник, нет честного имени, — ответил маршал Варшул.

*Громозека навис над ними, растерянно разведя
щупальца в стороны.*

— Алиса! — обратился к ней медвежонок. — Неужели тебе меня совсем ни капельки не жалко?

И удивительное дело: Алиса все знала и понимала, она ничуть не верила Выпрахолу и в то же время не могла не любоваться его славной мордочкой, его золотой пушистой шерстью, его беззащитными сиреневыми лу-чистыми глазами.

— Хватит! — сказал маршал. — Хватит тебе обманывать человечество. Тебе многие верили, и где они? Погибли.

— Профессор Селезnev! — закричал медвежонок. — Я обращаюсь к вам официально как к директору космического зоопарка и известному гуманисту. Вы должны охранять редких животных! Я требую занести меня в Красную книгу, и чем скорее, тем лучше.

Профессор Селезnev поднялся с земли. Он чувствовал себя неловко. Не глядя на космического преступника, он подошел к Алисе, положил ей руку на плечо и спросил:

— Тебе не больно?

— Все хорошо, папа, — ответила Алиса.

Селезnev обернулся к Пашке.

— У меня тоже все в норме, — ответил Пашка, догадавшись, о чем хочет его спросить отец Алисы. — Только не понимаю, как же я попался?

— Павел! — закричал медвежонок. — Как мы славно полетим с тобой! Да здравствуют щит и кнут! Долой врагов и бездельников! Бери

свой бластер, сядем в крейсер, врежем всем по первое число!

— По-моему, он не совсем нормальный, — сказал Пашка.

— Ненормальный-то он ненормальный, — не удержалась Алиса, — но обвел тебя вокруг пальца. Видите ли, мы решили показать ребеночку Луну!

— Кто так говорил? — удивился Пашка.

— Ты так говорил.

— Я так никогда не говорил. Я не мог такого сказать!

— А зачем вам понадобился наш школьный космический корабль?

— Чтобы... чтобы посмотреть!

Тут этот разговор прервал глава военно-правительственной делегации с планеты Лумм.

— Простите за причиненное беспокойство, — произнес он, протягивая руку профессору Селезневу. — И вдвойне простите, что мы были вынуждены вас временно парализовать. Вы попали под власть этого преступника.

— Все, кроме меня, — сообщил Громозека.

— И нас! И нас! — поддержали его малыши.

— У него на вас силенок не хватило, — сказал маршал. — Он потратил их на землян.

Попрощавшись с остальными, медвежата, то есть члены военно-правительственной делегации, направились к своему флаеру. Между ними шагал, переваливаясь, золотой медвежонок.

Перед тем как войти в флаер, он обернулся и крикнул:

— Мне стыдно за вас, профессор Селезнев! Вы отказались занести меня в Красную книгу! Если я буду истреблен, вина падет на вас.

Маршал подтолкнул его в спину, и люк в флаере закрылся.

Золотистой каплей флаер поднялся к по-темневшим облакам, к первым звездам, к светящейся рекламе детского питания, прикрепленной к ручке ковша Большой Медведицы.

— Посетители Космозо будут очень расстроены, — сказал после долгой паузы профессор Селезнев. — Они успели полюбить золотого медвежонка.

— А я уже статью придумал. Для вашего журнала, — сообщил Пашка. — «Опыт обучения золотых медвежат с помощью карточек с буквами». Интересно?

— Ты лучше скорей маме позвони, — ответила Алиса. — Она волнуется, куда ты пропал.

— Я не пропал, а попал под вредное влияние одного завоевателя и диктатора, — ответил Пашка. — Можно, я флаер возьму?

— Возьми, — сказал Селезнев, — мы пешком пройдем до дома. Тут недалеко. И погода хорошая.

— Правильно, — согласился Громозека и выпустил из карманов своих детей. Чтобы побегали вокруг. И глядя, как они топают и неуклюже резвятся, он добавил: — Хорошая погода. Но если бы не эта делегация... быть бы нам рабами такого маленьенького, славненького медвежонка.

*Медвежата направились к своему флаеру.
Между ними шагал, переваливаясь,
золотой медвежонок.*

— Ничего! — крикнул Пашка, забираясь в флаер. — Дружба все равно победила!

— Подкрепленная парализующими бластерами, — вздохнул Громозека. — Что-то много в Галактике развелось нечисти. И никак не уменьшается. Как вы можете объяснить это, хорошие люди и настоящие друзья?

— Если бы нечисти не было, — догадалась Алиса, — как бы понять, что мы такие хорошие? С кем сравнивать?

Флаер, уносящий Пашку, резко взмыл в темное небо, а остальные пошли не спеша домой, где мама готовила ужин на всю эту дружную компанию.

• МИССИ

ЧУДОВИЩЕ У РОДНИКА

Алиса кончила мыть посуду и вдруг увидела, что на пульте в камбузе загорелся красный сигнал: вода на исходе.

— Пашка! — воскликнула Алиса. — Тебя нельзя пускать в космос.

— Можно, — ответил Пашка. — А что я еще натворил?

— Ты обещал перед отлетом проверить все системы. Я тебе поверила. Воду не экономила, очиститель не включала.

— Вода должна быть, — сказал Пашка, но уверенности в его голосе не было.

— Придется переходить на замкнутый цикл, — сказала Алиса.

— Ты с ума сошла! — сказал Пашка. — Я вторичную воду не выношу! Лучше спустимся на какую-нибудь тихую планетку, наберем воды, заодно разомнемся. Сколько дней летим — скучно!

Алиса не ответила. Ей самой хотелось высадиться где-нибудь, отдохнуть. Может, даже лучше, что вода кончилась.

Пашка уже включил дисплей звездного атласа.

— Нам повезло, — заявил он. — Почти не надо уходить с курса. Слушай: «Планета Ког. Население редкое, занимается земледелием. Климат в основном засушливый. Не рекомендуется опускаться возле поселений, чтобы не пугать местных жителей». Ну как, посетим?

— Посетим, — согласилась Алиса.

Через три часа корабль вышел на орбиту.

Внизу долго тянулась рыжая пустыня, потом на ней появились пятна зелени. Вот и деревня — множество небольших глинобитных хижин вдоль пыльной улицы.

— Заодно, — сказал Пашка, — мы купим у них фруктов и овощей. Нам нужны витамины.

— Но ведь сказано: не пугать местных жителей.

— Сказано, чтобы не опускаться на корабле, — возразил Пашка. — А мы пойдем пешком.

Пашка ловко опустил корабль на прогалине в кустарнике.

Они вышли, закрыли за собой корабль.

Алиса несла пустую корзину для фруктов, а Пашка сумку с подарками для поселян. Ведь совершенно неизвестно, что они захотят получить за свои фрукты.

Было жарко. Дул сухой ветер. Справа от корабля начинались горы, сначала невысокие,

бурые, покрытые лесом, потом высокие, голубые, со снежными вершинами.

Пашка быстро нашел тропинку, которая вела к деревне. От каждого шага поднималась пыль. Кусты тянули колючие ветки с редкими тонкими листьями. Над кустами носились мухи.

— Мне здесь не нравится, — заявил Пашка, вытирая рукавом пот со лба. — Может, перелетим севернее?

— Жаль время терять, — возразила Алиса. — До деревни недалеко.

Пашка чуть было не наступил на змею, похожую на пустынного удавчика. На всякий случай они подождали, пока змея не проползла мимо, ведь неизвестно, как ведут себя здешние змеи.

Кусты расступились, и впереди показалась деревня.

Перед деревней был загон, в котором толпились животные, похожие на коз и овец. При виде гостей животные начали скулить и блеять.

Дорога, что вела к хижинам, была покрыта толстым слоем пыли. Пыль долго не садилась, в носу свербило, глаза слезились. Откуда-то выскочил большой голый кот и грозно зарычал.

На шум из ближней хижины вылез полосатый темнокожий человек небольшого роста в одной набедренной повязке и начал кричать, что ему не дают поспать после обеда.

Тут он разглядел в пыльном облаке гостей и от изумления раскрыл рот.

— Это еще что такое? — удивился человек. — Кто такие? Почему не знаю?

Весь он, от пяток до бритого затылка, был раскрашен белыми и голубыми полосами и узорами.

— Простите, — сказала Алиса. — Мы путешественники. Мы хотели купить у вас фруктов и узнать, где здесь источник или родник с чистой водой?

— Еще чего не хватало! — вдруг возмутился полосатый человек. — Она над нами издевается!

— Честное слово, мы не издеваемся, — сказал Пашка. — Мы даже не знаем, над чем издеваться.

Человек задумался, верить Пашке или нет. А тем временем жаркая пыльная улица заполнилась народом. Все мужчины были полосатыми, а женщины без полос. У мужчин были косы, а женщины были бритыми наголо. Дети кричали и смеялись, коты рычали, козы блеяли, овцы скулили. И все: мужчины, женщины, дети, коты, овцы и козы были голыми и пыльными, если не считать браслетов и колец в носах.

— Погодите! — воскликнула Алиса, стараясь перекрыть общий шум. — Если вы будете кричать хором, мы ничего не поймем. Пожалуйста, пускай говорит кто-нибудь один.

Шум немного утих, и из толпы вытолкнули махонького старичка с длинной желтой бородой, заплетенной в косичку. Старичок был раскрашен ярче всех. Он поднял сухую ручку и воскликнул:

— Тише! Дайте им оправдаться. Может быть,

они не виноваты. Подумайте, что они расскажут о нас, когда вернутся в свою деревню.

— Они не вернутся, — сказала мрачная старуха с большим глиняным кувшином на голове. — Мы их растерзаем.

— Разве это так обязательно? — спросил Пашка.

Старичок задумался. Он долго жевал губами, потом вдруг спросил:

— Как вы узнали, что у нас в этом году нет фруктов?

— Мы не знали, — возразила Алиса. — Иначе зачем нам брать с собой пустую корзинку? Зачем нам брать с собой сумку подарков?

— Покажи подарки, — потребовал старичок.

Пашка раскрыл сумку и в тот же момент чуть не погиб, потому что все сто жителей деревни кинулись на сумку и получилась куча-мала. Когда они разошлись, стискивая в кулаках бусы, зажигалки, записные книжки, брелоки для ключей, пачки леденцов и перочинные ножи, Алиса с трудом откопала Пашку из пыли. А от сумки попросту ничего не осталось.

На улице было пусто. Возле них остались только старичок и голый кот, которым ничего не досталось.

Старичок стоял как ни в чем не бывало и, как только увидел, что Алиса помогла Пашке подняться на ноги, спросил:

— А откуда вы знаете, что у нас нет воды?

— Ничего мы не знаем! — Алиса готова была заплакать. — Мы сейчас уйдем.

Старичок как будто не слышал. Он еще подумал, потом спросил:

— Значит, это не вы напустили на нас чудовище?

При слове «чудовище» из хижин донеслись вопли и стоны. Значит, жители деревни подслушивали разговор.

К воплям присоединились козы и овцы в загоне, пришлось опять ждать, пока шум утихнет. Пашка постарался отряхнуть пыль, но это ему не удалось.

Наконец снова наступила тишина.

Пашка уже отдохнул настолько, что к нему вернулось любопытство.

— А что за чудовище? — спросил он. — Слон? Тигр?

— Мы не знаем, как оно называется, — сказал старичок. — Мы знаем только, что это Страшное Чудовище!

— А чем оно вам мешает? — спросила Алиса.

— Ясно чем, — ответил за старичка Пашка. — Оно их пожирает.

— Хуже, — быстро ответил старичок. — Оно нас лишило воды.

— Как так?

— Всю хорошую воду мы берем в роднике, который впадает в озеро.

Старичок показал в сторону гор.

— А чудовище, — продолжал он, — непускает нас к роднику. Мы пытались угова-

ривать его, чудовище нас не слушает. Мы пытались испугать его, но испугались сами. Мы даже вызвали из соседней деревни известного богатыря непобедимого Влоса Большая нога. Он вышел на схватку с чудовищем...

— И погиб, — сказал Пашка.

— Нет, он прибежал обратно в деревню, потеряв дар речи. Он видел нечто такое страшное, что откусил себе кончик языка.

— А вы видели чудовище? — спросил Пашка.

— Видел, — сказал старичик. — Издали.

— На что оно похоже?

— На что? Лучше не спрашивайте!

— И дальше что будет? — спросила Алиса, пытаясь отогнать цепких мух, что слетелись со всех сторон.

— Дальше мы умрем, — сказал старичик покорно. — Воды у нас нет, урожая не будет...

— Может, вам лучше уйти отсюда? — спросила Алиса.

— Куда? Воды на нашей земле мало, все хорошие места заняты. Кому нужна целая деревня? Кто нас прокормит?

— Все ясно, — сказал Пашка. — Мы немногого задержимся.

— Почему? — спросила Алиса.

— Потому что мы обязаны избавить деревню от чудовища.

— Пашка! — ахнула Алиса. — Ты представляешь, что говоришь? Целая деревня, да еще богатырь Большая нога не смогли справиться с чудовищем...

— Неужели ты намерена бросить этих не-

счастных людей на произвол судьбы? Если они умрут, я никогда себе этого не прощу.

— У тебя даже нет оружия!

— Ты девочка, — сказал Пашка. — Тебе положено бояться чудовищ. Но я не так воспитан.

— Ты плохо воспитан, — возразила Алиса. — Во-первых, девочкам нельзя говорить, что они трусливые, потому что это неправда.

— И все-таки ты девочка, и я должен тебя оберегать.

— От чудовищ?

— Хотя бы от чудовищ.

— Когда оно тебя сожрет, — сказала Алиса, — некому будет меня оберегать.

— Ты подождешь меня в корабле, а если я погибну, полетишь домой.

— И скажу твоей маме, — продолжала Алиса, — простите, Мария Трофимовна, ваш Пашенька сражался с одним чудовищем, и чудовище его съело. Ах, как грустно! И твоя мама скажет: «Ах, как грустно! Я только что хотела испечь Паше пирожок на ужин».

— Глупости говоришь! — возмутился Пашка. — Еще чего не хватало! Почему я должен погибать? Я побежу чудовище и вернусь домой.

— Сначала научись говорить, — сказала Алиса, — а потом уж сражайся. Побежу!

— Ну, победю!

— Не лучше. Если чудовище узнает, что у тебя тройка по русскому языку, оно даже есть тебя не захочет.

Когда Пашка собирается на очередной подвиг, он шуток не выносит и не понимает.

— Как оно может узнать про тройку? — спросил Пашка серьезно.

— Я ему скажу!

Только тут Пашка сообразил, что над ним издеваются, и хотел кинуться на Алису с кулаками, но вспомнил, что вся деревня слушает их разговор и ждет, что будет дальше.

Пашка понял: надо взять себя в руки — не время ссориться с обычновенными девчонками. Он сказал старику:

— Успокойтесь. Я займусь вашим чудовищем.

Старичок рухнул на колени в пыль и протянул к Пашке худые руки.

— Спаситель! — доносились крики из хижин. — Спаситель! Бери что хочешь! Бери козу любую!

— Бери в жены любую из девушек нашего племени, — произнес старичок с желтой бородой.

И пока Пашка с Алисой поднимали старичка на ноги, из хижин выбежали девушки. Все они, толстые и худые, звенели кольцами и браслетами, смотрели на Пашку влюбленными глазами и согласны были тут же выйти за него замуж.

Алиса не выдержала, засмеялась, а Пашка сказал:

— Товарищи девушки, это лишнее. Чудовище я еще не поборол. Вернемся — поговорим. Пока что я о женитьбе не думал.

— Мы будем ждать! — хором закричали все девушки деревни.

— Куда идти? — спросил Пашка. Он чувствовал себя героем.

Старичок показал в сторону гор.

— Идите по тропинке, — сказал он.

— Мне бы вооружиться, — спохватился Пашка. — У вас что есть? Я бластер на борту оставил.

Это была ложь, бластера у Пашки не водилось, но он полагал, что любой богатырь должен быть достойно вооружен.

— Оружие? — Старичок подергал себя за косичку-бороду и послал Пашкиных невест искать по хижинам оружие для освободителя.

Через минутку у Пашкиных ног лежали двадцать копий с каменными и медными наконечниками, три лука со стрелами, палица, дубинка и большой тупой нож.

Пашка в растерянности глядел на это богатство. Он представлял себе бой с чудовищем несколько иначе.

— А чего-нибудь огнестрельного у вас нет? — спросил он.

— Огнестрельного? — Старичок Пашку не понял.

— Огнестрельное оружие стреляет огнем и пулями, — объяснил Пашка.

— Огнестрельное бывает только у дракона, — сказал старичок. — Мы — люди, нам такое ни к чему.

— Ладно уж, — сказал Пашка. Он поднял из пыли нож и заткнул за пояс.

Потом он обернулся к Алисе, которая, не скрывая улыбки, наблюдала за приготовлениями к бою.

— Алиска, — сказал он, — если ты останешься, иди на корабль. Если пойдешь со мной, вооружайся.

— Не спеши, — ответила Алиса. — Мы же ничего не знаем.

И пока Пашка переминался с ноги на ногу — ему не терпелось победить чудовище, — Алиса выспросила у стариичка, что он знает о чудовище. Оказалось, не так уж и много. Чудовище не пускало их в лес, к роднику. Оно кидало камни, рычало, шумело, оно даже могло устроить лесной пожар. Показываться оно не любило, предпочитало таиться в чаще и пугать оттуда. Шкура у него блестящая, как у дракона, собой оно массивное с громадными лапами и выпущенными глазами. Вот, пожалуй, и все. Если кто и видел чудовище вблизи, так это богатырь из соседней деревни. Но пока у него не заживет язык, богатырь ничего не расскажет.

Потом стариичок с невестами показали тропинку, которая вела к роднику, даже проводили друзей до козьего загона, но дальше никто не осмелился сопровождать героев. Стариичок хмурился, а девушки не скрывали слез.

— Мы будем молить богов, чтобы вы благополучно вернулись, отважные пришельцы! — кричали вслед невесты. Они понимали, что там, где не справился настоящий богатырь из сосед-

ней деревни, вряд ли счастье улыбнется малолетнему жениху. Но так хотелось надеяться...

Алиса и Пашка шли по узкой тропинке, уклоняясь от колючек и отмахиваясь от слепней. Воздух был неподвижным и густым от жары.

Они пересекли запущенное поле, над которым поднимались засохшие стебли.

Пашка сбросил куртку и повесил ее через плечо.

Он обернулся к Алисе, которая шагала сзади, и сказал хрипло:

— Могли бы нам фляжку с водой дать.

— Они бы дали, — ответила Алиса, которой тоже ужасно хотелось пить. — Но ты так спешил сражаться с чудовищем, что забыл их попросить.

— А у тебя что, языка нет? — огрызнулся Пашка. — О хозяйстве в походе заботятся женщины.

Тропинка стала совсем узкой. Кусты кончились, вокруг стояли корявые деревья с редкими узкими листьями, которые почти не давали тени. На ветках грелись ящерицы.

— Может, и нет никакого чудовища, — сказал вдруг Пашка. — Одна видимость.

Алиса поняла, что Пашка ищет предлог вернуться на корабль, но промолчала. Пашка к любому слову придерется.

— Они ведь совершенно первобытные люди, — продолжал Пашка. — У них дикое воображение. Увидят камень, а думают — слон.

И в этот момент до них донеслось глухое

рычание. Этот звук трудно было с чем-нибудь сравнить. Похоже, что какая-то большая машина разводит пары. В наступившей тишине было слышно, как трещат сучья, — нечто огромное и могучее пробивалось к ним навстречу сквозь чащу.

Ребята замерли. Даже по тому, как трещали сучья, можно было догадаться, что чудовище не придумано жителями деревни. И оно очень большое.

— Тише, — прошептал Пашка. — Нам нужно к нему поближе подобраться, посмотреть. Только чтобы оно нас не заметило.

Алиса подумала: «Какой Пашка храбрый! Вот я испугалась, а Пашка ничуть не испугался. Он даже рад, что чудовище наконец объявились».

Треск и шум прекратились. Видно, чудовище не знало, где притаились его враги.

— Сойдем с тропинки, — прошептал Пашка, — попытаемся обойти его лесом.

Они осторожно взяли вправо. Деревья были колючие, ноги проваливались в песок и застревали в перепутанных корнях. Идти было трудно...

И вдруг впереди послышался оглушительный треск.

Потом снова тишина. Только жужжат мухи. Ребята застыли на месте. Минута, две, три... Ничего не произошло. Пошли дальше.

Когда они подобрались к тому месту, откуда слышался треск, оказалось, что несколько деревьев повалено так, что получился непроходи-

мый завал. Деревья упали только что — даже листья на них не успели пожухнуть.

— Давай вернемся, Пашка, — сказала Алиса. — Я боюсь, что такое чудовище нам не по зубам. Долетим до Паталипутры, попросим, чтобы сюда наведались зоологи. Они лучше знают, как обращаться с чудовищем.

— Нет, — сказал Пашка твердо. — Сначала мы на него поглядим.

Через завал они перебрались там, где его край упирался в склон холма.

Дальше шли медленно, стараясь не наступить на сучок, готовые при первом признаке опасности броситься наутек.

С холма, на который они взобрались, была видна низина, поросшая редкими деревьями и зеленой травой. За низиной поднималась каменная стена.

— Чего же оно молчит? — прошептала Алиса. — Наверное, подстерегает.

— А я думаю, что оно нас потеряло, — сказал Пашка.

— Тогда подождем, — сказала Алиса. — Посмотрим, что оно будет делать.

— Может, ты и подождешь, — не согласился Пашка, — а я скоро умру от жажды. Знаешь, как сделаем: ты сиди здесь и смотри. Как только опасность — кричи мне. А я спущусь вниз и поищу воду. Потом тебя позову.

Алиса согласилась остаться на наблюдательном посту.

Пашка, пригибаясь, побежал вниз, петляя среди стволов.

Ближайшее к нему дерево вдруг покачнулось и начало падать.

Пашка отпрыгнул.

Дерево ухнуло в траву.

Видно, Пашка решил, что дерево упало само по себе. Он взял правее. Но тут же рухнуло другое дерево — Пашка чуть было под него не угодил.

Это Пашку всерьез рассердило. Он поднялся во весь рост, вытащил свой нож и закричал:

— Трусливая скотина! Выходи на бой! Чего прячешься?

В листве деревьев за стволами что-то блеснуло. Чудовище!

Оно медленно приближалось к Пашке.

— Назад, Пашка! — крикнула Алиса. — Оно нападает!

Пашка не стал испытывать судьбу — как заяц, он взлетел обратно на холм.

— Что же делать? — сказал он, стараясь отдохнуть. — Надо что-то придумать. Зря я лук не взял — сейчас бы пустить в него стрелу. Оно бы взвыло и выскочило на открытое место.

Но чудовище не спешило выходить на открытое место.

И это было совершенно удивительно, потому что ни Алисе, ни Пашке еще не приходилось встречать говорящих чудовищ.

— Уходите! — пронесся над лесом глухой голос. — Уходите, пока целы!

— Этого нам не хватало! — сказала Алиса. — Значит, это не ящер и не дракон...

— Снежный человек? — предположил Пашка.

— А может, здешние драконы разумные?

Пашка приподнялся и крикнул:

— Чудовище, ты меня слышишь?

— Уйди! — раздался голос в ответ.

— Я не уйду, — ответил Пашка. — Пока тебя не победю! Нет, пока тебя не побежу... Пока тебя не одолею!

— Уйди! — тупо протянуло в ответ чудовище.

— По-моему, — сказал Пашка, — оно умом не отличается.

— Нам от этого не легче, — сказала Алиса.

— Нет, легче. Значит, мы его перехитрим. Мы сделаем так. Ты останешься на холме, так, чтобы чудовище тебя видело. И будешь с ним разговаривать. А я окружу его...

— Это опасно, — испугалась Алиса.

— Мы с тобой космические волки. Не нам бояться отсталых чудовищ на отдаленных планетах.

С этими словами Пашка быстро пополз в сторону, а Алиса, стоя так, чтобы ее было видно, закричала:

— Чудовище, чем мы тебе помешали? Почему ты нас не пускаешь?

— Нельзя, — проревело чудовище. — Не хочу!

— Это не ответ, — сказала Алиса. — Мало ли чего кому хочется. Мне хочется пить, а ты не даешь. Разве это правильно?

— Уходи, — ответило чудовище, видно, ничего умнее не придумало.

Алиса кинула взгляд направо. Пашка скрылся в кустах.

Чудовище может услышать, как ползет Пашка, подумала Алиса. Надо отвлечать его энергичнее.

— Слушай, чудовище! — воскликнула Алиса. — Сейчас я пойду к тебе. Я тебя не боюсь. И ты пустишь меня к роднику.

— Нельзя! — зарычало чудовище в ответ.

Алиса стала спускаться с холма.

— Я могучий, я страшный! — раздался голос чудовища. — Я обвалю на тебя скалы, я подниму против тебя горы! Беги, ничтожное создание!

И для того чтобы доказать силу, чудовище начало раскачивать вершины деревьев, и далеко впереди со скалы начали сыпаться камни.

Любопытно, думала Алиса, продолжая спускаться. Оно не нападает. Пугает, кричит, но само не нападает. Казалось бы, что может быть проще для чудовища, если оно видит, какие маленькие его враги. Может быть, оно боится, что Алиса вооружена? А может быть, оно не умеет бегать?

Алиса спустилась с холма в низину.

Перед ней лежало сваленное дерево. Надо было через него перелезть.

Алиса с опаской поглядела на соседнее дерево. Как бы оно не рухнуло! Чудовище было мастером валить деревья.

Как там Пашка? — подумала Алиса. Скорее

бы уж он зашел в тыл чудовищу. Пока оно не подозревает о Пашкиной хитрости. Ну что ж, продолжим разговор.

— Только попробуй погубить еще одно дерево! — крикнула Алиса. — Я очень на тебя рассержусь. Видишь, я иду к тебе.

— Нельзя! — Голос чудовища раздался совсем близко. — Дальше ни шагу нельзя.

— Можно, — ответила Алиса. Она уже поняла, что чудовище что-то защищает. Вернее всего, свое гнездо, своих детенышней.

Дерево перед Алисой зашаталось.

Сквозь листву она разглядела лапу чудовища, которая оканчивалась двумя пальцами.

Лапа была велика — каждый палец размером с руку Алисы.

Но что же неладно? Конечно же! Лапа была металлической! А металлических чудовищ, как известно, природа пока не изобрела.

— Стой! — крикнула Алиса. — Приказываю, замри!

Рука замерла. Дерево, накренившись, шелестело листьями.

— Ты робот? — спросила Алиса, стараясь, чтобы ее голос не дрогнул. — Отвечай!

— Отвечаю, — послышался голос из чащи. — Я робот.

— А я человек, — сказала Алиса. — Неужели ты не знаешь об этом? Неужели тебя не научили, что ты не имеешь права причинять человеку вред?

— Уйди, — сказал робот. — Я не причиню тебе вреда. Но дальше ты не пойдешь.

— Покажись мне, не бойся, — приказала Алиса. — Я без оружия. Я не буду на тебя нападать.

Она смело пошла вперед и чуть не налетела на громадного робота, который стоял в самой чаще.

Такого робота Алисе еще не приходилось видеть.

Ростом он был с двухэтажный дом, держался на трех лапах коротких мощных ног, а над «туловищем» поднималась полуширием голова с выпуклыми глазами, которые поочередно вспыхивали красным светом. У робота были две длинные членистые ручищи, они кончались металлическими пальцами. Правда, с одной рукой что-то было неладно — она была прижата к длинному туловищу и неподвижна.

При виде Алисы робот начал отступать и показался ей похожим на жука, который испугался муравья.

— Ты куда? — спросила Алиса.

— Уйди, — прогудел робот. — Нельзя!

— Робот, ты мне надоел, — сказала Алиса. — Сколько можно повторять одно и то же? Роботы так себя не ведут. Они должны слушаться людей, а не пугать их. Ты знаешь, что из-за тебя целая деревня сидит без воды? Что люди не могут поливать поля и останутся без урожая? Ты о людях хоть раз подумал?

Робот продолжал отступать к скале, в которой чернела узкая расщелина.

Он с трудом втиснулся в расщелину и застрял в ней, выставив вперед железную руку.

«Хорошо мне сейчас, — подумала Алиса. — Я-то знаю, что это робот. Большой служебный робот, который потерялся. Может быть, его забыла экспедиция, и от одиночества робот сошел с ума».

Алиса знала, что подобные машины служат на кораблях и в экспедициях грузчиками, носильщиками и ремонтниками и к тому же охраняют членов экипажа.

«Хорошо мне, а каково бедным здешним крестьянам? Они никогда не видели автомобиля или ракеты, даже о телеге не знают. А тут служебный робот высотой в шесть метров. К тому же рычит, пугает, блестит и мигает огнями...»

Алиса подошла к роботу поближе.

— Простите, — сказала она. — Почему вы здесь оказались? Вас забыли? Скажите, откуда вы, я обязательно сообщу на вашу планету или базу, и за вами прилетят. Я даю вам слово.

Алиса была почти уверена, что робот, если кибернетический мозг цел, обязательно успокоится и ответит, как положено разумной машине.

Но робот, ничего не отвечая, продолжал отчаянно втискиваться в расщелину.

Алиса решила позвать Пашку. Теперь, когда чудовище оказалось не чудовищем, его хитрые маневры потеряли смысл.

— Павел! — закричала Алиса. — Па-ша! Иди сюда! Это всего-навсего робот!

С громким скрежетом, смяв себе бока, робот

все же протиснулся задом в расщелину. Алиса не спешила за ним. Осторожность не помешает.

Она подождала, пока робот исчез между скал, и только тогда заглянула в расщелину.

В расщелине было полутемно. Впереди ухал, скрипел, трещал по всем швам отступающий робот.

На полминуты шум прервался.

И затем удар, громкий всплеск! И снова тишина...

Алиса прошла по расщелине метров тридцать. Впереди светило солнце.

Алиса остановилась на краю невысокого обрыва.

Оттуда она увидела небольшое заболоченное озеро. Чистая вода была лишь в самой середине, а по краям озеро было затянуто тиной и заросло тростником.

Робота нигде не было видно.

Алиса присела на каменную глыбу, рассуждая, что же делать дальше. Если робот подстерегает ее за скалой, то лучше не соваться туда, а подождать Пашку. Этот робот какой-то не-нормальный.

И тут тростники у дальнего берега озерка расступились, и из воды показалось страшное существо.

Алиса даже не сразу сообразила, что это робот.

Существо было густо покрыто тиной, к бокам прилипли длинные водоросли, а с вытянутой вперед рукой робота они свисали густо, словно конская грива.

Буро-зеленое существо, разгребая прибрежную грязь, медленно и неуверенно выбралось на берег, и именно в этот момент из кустов на той стороне вышел забывший об осторожности друг Алисы, отважный рыцарь Павел Гераскин.

Вместо того чтобы смотреть перед собой, Пашка глядел под ноги, потому что увидел куст земляники. Он даже присел на корточки, чтобы удобнее было сорвать ягоды, и Алиса, понимая, что произойдет, если Пашка сейчас поднимет голову и увидит вблизи робота, закричала:

— Пашка! Назад!

То ли Пашка услышал крик, то ли треск тростника, но голову он поднял и замер от ужаса.

Представьте себе Пашкино положение. Ты гуляешь по лесу, ты почти забыл, за чем идешь. Никаких чудовищ нет, вокруг поют птички и звенят стрекозы. Ты нагибаешься, чтобы сорвать спелую ягоду. Потом поднимаешь голову, потому что тебе слышится какой-то шум...

А к тебе зловеще тянется зеленая волосатая ручища, что принадлежит бурой громадине, страшнее и отвратительнее которой тебе и видеть не приходилось.

Это долго рассказывать. На самом же деле события заняли ровно две секунды. За это время Пашка поднял голову, увидел замаскированного водорослями робота и сделал невероятное сальто назад из положения «на корточках». Если вам или какому-нибудь великому гимнасту удавалось совершить такое сальто без

*Пашка поднял голову,
увидел замаскированного водорослями робота
и сделал невероятное сальто.*

подготовки, то первое место в мире вам обеспечено.

Совершив сальто, Пашка не стал останавливаться на достигнутом.

Он понесся в лес с такой скоростью, что поставил несколько мировых рекордов. На стометровке, на двухсотметровке и по трехкилометровому бегу с препятствиями.

Опомнился он только через пять километров на вершине скалы, что поднималась круто над лесом выше десятиэтажного дома. И только там к нему вернулась способность думать.

И он принялся думать:

Как спасти Алису и предупредить ее, что чудовище непобедимо, громадно и смертельно для любого человека?

Как выбраться из леса живым и не попасться чудовищу на зуб?

Как спуститься со скалы, если ты забрался на нее неизвестно как?

Пока Пашка думал, Алиса, спокойная за его судьбу, отправилась дальше за роботом, который, ничего не видя, брел сквозь чащу, ломая деревья, словно спички.

Алисе было интересно узнать, есть ли цель в движении робота.

К тому же она еще не знала, как уговорить машину не портить жизнь обитателям деревни.

Так они и шли минут десять.

Раза два робот останавливался и пытался стереть с себя слой тины и водоросли. Он терся боками о стволы самых толстых деревьев, но

деревья не выдерживали этого и, как правило, падали.

Были бы у робота две здоровые руки, он бы сумел привести себя в порядок. Но с одной рукой это сделать нелегко.

Лес становился все реже. Между деревьями попадались поляны, поросшие мягкой травой. Из травы высовывались серые спины камней.

Робот не оборачивался и не замечал, что Алиса идет следом.

Он перевалил через груду камней, и тут Алиса увидела, что впереди, в низине между скал, лежит, накренившись, космический корабль.

Ясно, что корабль потерпел крушение.

Люк в корабль был открыт. Вокруг ни одной живой души.

Робот добрался до корабля и обернулся.

Водоросли подсохли, грязь местами отвалилась от его тела, и в тех местах проглядывал металл.

— Нельзя, — сказал робот, как будто только теперь сообразил, что Алиса рядом.

Но Алиса его уже совсем не боялась.

— Робот, — сказала она, — я все поняла. Ты охраняешь свой корабль. Ты никого не хочешь убивать. Но ты не знаешь, что тебе делать и откуда ждать помощи. Разве я не права?

— Нельзя, — сказал робот. Он замолчал, словно подыскивал слова. — Авария. Всякие существа идут. Я непускаю. Связи нет. Жду помощи.

— Отойди от люка, — сказала Алиса. — Мне надо войти.

— Нельзя.

— Я хочу помочь, — сказала Алиса. — Пойми же ты, железный цепной пес!

Она подошла к роботу, который поднял руку, чтобы помешать ей войти в люк.

Но рука двигалась плохо. Видно, и ее робот повредил, когда свалился в озеро.

Алиса наклонилась и быстро проскользнула в корабль.

Там было темно.

Робот неуверенно вошел в открытый люк следом за Алисой.

— Дай свет, — приказала ему Алиса.

Робот подчинился. Вспыхнул прожектор.

В свете его Алиса дошла до следующего люка, поменьше, который вел во внутренние помещения. Робот остановился. Он был слишком велик, чтобы войти в жилые отсеки.

— Дай сюда фонарь, — сказала Алиса.

Робот покорно вывинтил один из своих глаз и передал девочке. Фонарь был большой и тяжелый.

Алиса пошла по коридору. Вскоре она отыскала вход на капитанский мостик.

Там было пусто.

Пульт управления был почти не поврежден, но от удара некоторые приборы сдвинулись со своих мест. Очевидно, корабль шел в автоматическом режиме. Где же тогда экипаж?

Алиса подошла к пульту и постаралась его

включить. Но расположение приборов было неизвестно.

Алиса обернулась и крикнула:

— Робот, ты не знаешь, как включается аварийная система обеспечения?

— Не знаю, — донесся далекий печальный голос.

«Жаль, что Пашки нет, — подумала Алиса. — Он куда лучше меня разбирается в кораблях». Она отыскала в нише справочник по управлению кораблем и потратила не меньше получаса, прежде чем разобралась что к чему.

Наконец ей удалось включить аварийную систему. На пульте загорелся свет. Зажглись лампы в коридорах. Один за другим включались приборы.

Ожил информационный блок.

— Что за корабль? — задала Алиса первый вопрос.

— Космический корабль первого класса «Венитор», — ответил ровный голос информатория. — Порт приписки — планета Вестер. Цель полета — соседняя Галактика.

— Где экипаж?

— Экипаж находится в анабиозе, — ответил информаторий. — Он будет разбужен при приближении к цели.

— Проверьте, — приказала Алиса информаторию, — состояние анабиозных ванн. Не пострадали ли члены экипажа?

Информаторий замолчал.

В корабле было очень тихо. Где-то далеко

мерно падали капли. Жужжал какой-то прибор на пульте.

— Анабиозный отсек не поврежден, — ответил наконец информаторий. — Экипаж находится в ваннах. Все спят.

— Приказываю, — сказала Алиса. — Включить систему пробуждения.

— Есть включить систему пробуждения, — ответил информаторий.

Алиса поднялась с кресла.

— Как мне пройти в анабиозный отсек? — спросила она.

— Центральное ядро среднего яруса, — ответил информаторий.

— Какой код?

— 1654.

— Спасибо.

Алиса поднялась с кресла и вышла в коридор. Она знала, куда идти. Все галактические корабли построены по одинаковому принципу. Они могут различаться в деталях, как автомобили. Но если вы увидите автомобиль, в какой бы стране он ни сделан, вы сразу догадаетесь, где у него двигатель, а где пульт.

Герметическая дверь в анабиозный отсек была задраена.

Алиса набрала код на пульте у двери, и дверь отсека медленно отошла в сторону.

Перед ней было обширное низкое помещение, в котором в два ряда висели в воздухе поддерживаемые амортизаторами ванны. В них спали члены экипажа. Ванны были рассчитаны таким образом, что даже при вынужденной

посадке с ними ничего не должно было случиться.

Алиса подошла к первой ванне.

В специальной жидкости лежал молодой человек. Глаза его были закрыты. Он ровно дышал.

На маленьком пульте возле ванны перемигивались огоньки.

Начался процесс пробуждения.

Алиса знала, что через несколько минут приборы осторожно и бережно изгонят из тела космонавта глубокий сон, затем жидкость уйдет из ванны и человек откроет глаза.

Это случится минут через десять.

Все в порядке. Приборы работают нормально. Люди живы.

Стоять и ждать, пока проснется экипаж, не было смысла.

Алиса вышла из анабиозного отсека и пошла по коридору к выходу.

Ей хотелось сказать верному роботу, что его вахта закончилась. Больше охранять потерпевший бедствие корабль не надо. Ничто не угрожает жизни экипажа.

Робот все также стоял перед входом в жилую часть корабля.

Он осветил Алису последним глазом.

Алиса зажмурилась и подняла руку, чтобы закрыться от яркого света.

— Перестань, — сказала она. — Давай выйдем наружу. Скоро ты увидишь своего капитана.

— Ты... их... вернула? — спросил робот.

— Да. Аварийная система, к счастью, цела. Через несколько минут экипаж проснется.

— Я охранял, — сказал робот. — Моя задача — охранять людей до последней возможности. Были опасности. Были чужие существа. Я не делал вреда. Я никого не пускал в зону корабля. Я прав?

— Не совсем, — сказала Алиса. — Защищая свой корабль, ты мешал жить другим людям, которых ты называешь существами.

— Они не были разумные, — сказал робот. — Они кидали в меня камни, они хотели меня разрушить. Они могли разрушить корабль. Я их не убивал. Я только пугал и не пускал.

— А заодно не пускал их к роднику. И они остались без воды.

— Это не входило в мою программу, — сказал упрямый робот.

— Ну что с тобой делать! — вздохнула Алиса. — Вылезай из корабля. Мне надо отыскать друга. Ты так его испугал, что я не знаю, где его искать.

— На корабле есть система оповещения, — сказал робот. — Мы включим громкоговоритель, его слышно за десять километров. Твой друг услышит и придет.

С этими словами робот вылез из люка на траву.

Но не успел он сделать и шага, как из-за скалы вылетел камень и ударил его в лоб.

Бзззик! — разлетелся вдребезги фонарь-глаз робота.

Робот, защищаясь, поднял единственную руку.

Тут же второй камень ударился в руку.

— Перестаньте! — закричала Алиса. — Что вы делаете! Ваш родник свободен!

— Вот и я говорю, — печально заметил робот. — Эти существа совсем дикие. Я был обязан защищать от них корабль.

И в этот момент дикое существо выбежало из-за скалы.

Это был Пашка Гераскин, который соорудил из лианы прашу и так удачно метал камни в робота.

— Алиса! — кричал он на бегу. — Ты жива?

— Эх, Пашка! — сказала Алиса. — Неужели ты не видишь, что здесь космический корабль? Разве можно кидать камни?

— Я потому и кидал, что увидел, как это грязное чудовище забралось внутрь.

— А меня ты не заметил?

— Честное слово, не заметил. — Пашка остановился в отдалении, с опаской поглядывая на робота. — Я вижу — потерпел бедствие корабль. А это чудовище лезет внутрь. Что делать? Тогда я сел в засаду и стал ждать. Вдруг вижу — оно вылезает снова! Вот я и запустил ему в глаз!

— Дикое существо, — сказал робот. — Теперь меня придется чинить.

— Это робот? — удивился Пашка.

— Служебный корабельный робот модели КР, к вашим услугам, — сказал робот. — В меня здесь все кидают камнями.

— Зачем же такая маскировка? — спросил Пашка.

— Это не маскировка, это нечаянно, — сказал робот и принял счищать с себя водоросли и остатки грязи.

— Я преследовал его по всему лесу, — сказал Пашка. — Еле догнал. А теперь оказывается зазря.

Алиса не стала напоминать Пашке, что видела, как он удирал от робота возле озера. Зачем портить человеку настроение? Ведь Пашка уже искренне верит, что он победитель роботов.

В люке появился человек в комбинезоне. Он был еще слаб и держался за раму.

— Что произошло? — спросил он. — Это какая планета?

— Здравствуйте, капитан, — первым ответил робот. — Корабельный робот системы КР докладывает: за время моего дежурства происшествий почти не было. Но планета мне не понравилась.

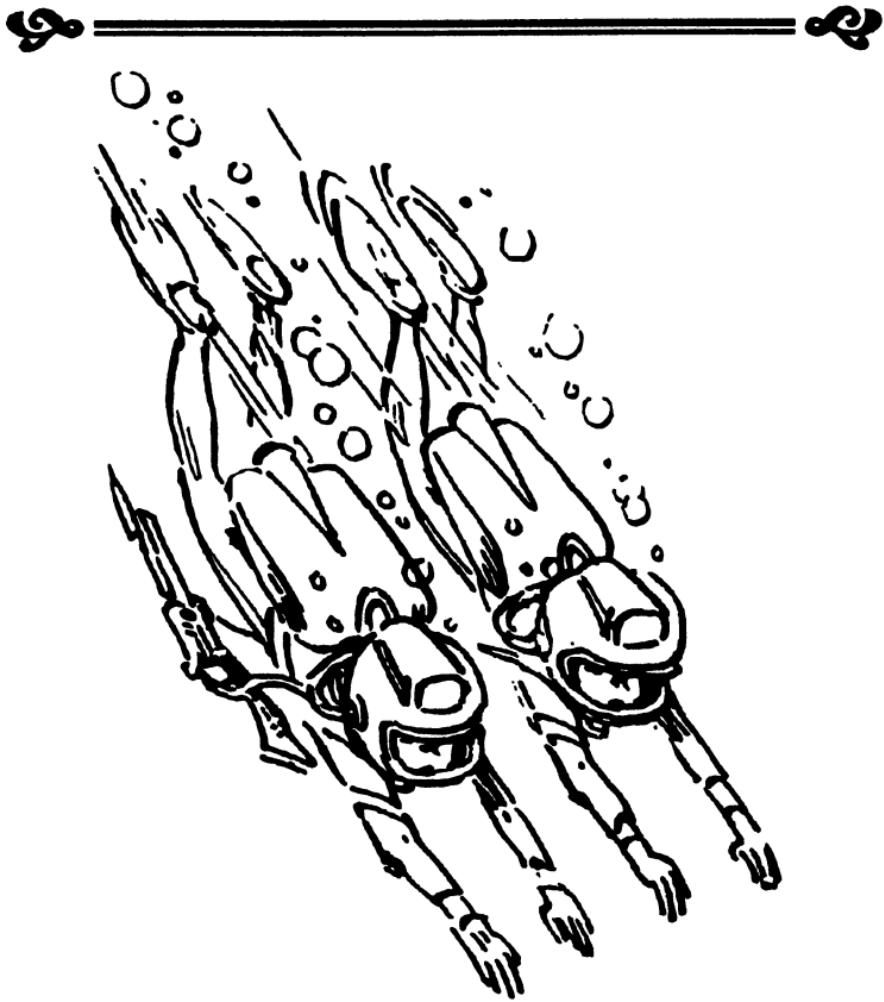
— Я вам все объясню, — сказала Алиса.

— Только сначала мы хотели бы напиться, — добавил Пашка. — У нас с утра во рту ни капли воды не было.

— А потом вернемся в деревню, — улыбнулась Алиса. — Местные жители ждут возвращения героя.

Пашка уже готов был согласиться, но вспомнил, сколько у него в деревне невест, и быстро сказал:

— Как-нибудь в другой раз.

РАССКАЗЫ

ВОКРУГ СВЕТА ЗА ТРИ ЧАСА

Эта история началась очень мирно. Ничто не предвещало драматических событий.

В середине сентября, в четверг, сразу после школы Алиса и ее друг Пашка Гераскин решили слетать на Волгу, в леса за городом Калязином, где, как говорили, отличные уродились рыжики. Алиса любит собирать грибы, а Пашка готов к любому приключению, лишь бы не сидеть дома.

Они взяли Пашкин флаер и не спеша полетели на северо-запад по тихой проселочной воздушной трассе. Пашке все не терпелось спуститься искать грибы, поэтому он, как увидел хороший лес, начал уверять, что, по его мнению, именно здесь растут самые лучшие рыжики. Но Алиса не сдавалась и упрямо вела

машину дальше. Настоящие рыжики водятся далеко не везде.

Наконец внизу проплыли белые небоскребы Калязина, показалась река, посреди которой стояла колокольня. Когда-то, в первой половине XX века, Волгу возле Углича перегородили плотиной, вода поднялась и затопила часть старого Калязина, в том числе и собор. Так и осталась колокольня посреди реки, подобно высокой острой скале.

Еще через несколько минут флаер опустился на берегу небольшой речки. Было тихо, солнце еще грело, но от реки тянуло холодком. Деревья уже начали облетать, хоть трава еще была зеленая.

Алиса взяла корзину, а Пашка пошел рядом, рассуждая о том, что давно пора изобрести грибоискатель, и даже придумал принцип его работы — по запаху. Для того чтобы доказать, что грибоискатель придумать нетрудно, он срывал поганки и сыроешки, нюхал и что-то диктовал на свой очень тяжелый браслет, в котором объединены телевизор, диктофон и секундомер, не говоря уж о термометре и барометре.

Пашка мешал Алисе своей болтовней, потому что грибы требуют тишины и сосредоточенности, и она велела ему отойти. Тогда он заявил, что скоро начнется футбол и он будет смотреть его, поэтому выйдет сейчас к речке, по ней вернется к флаеру и там дождется Алису. Алиса согласилась.

Они взяли Пашкин флаер и не спеша полетели на северо-запад по тихой проселочной воздушной трассе.

Пашка побежал направо, забыв о грибах, а Алиса почти тут же увидела в траве небольшую розовую, темнеющую к центру шляпку — рыжик. За ним второй, третий... Но через минуту ее занятие было прервано отчаянным воплем Пашки:

— Алиса-а-а! Сюда!

Он кричал так, словно на него напал медведь. Алиса бросилась в ту сторону.

Метров через двести деревья расступились, показалась поляна, за ней текла речка.

Пашка прыгал по краю поляны, размахивая руками.

— Что с тобой?

— А ты посмотри!

И тут Алиса увидела, что Пашка суетится возле недавно погашенного костра, а дальше на траве валяются консервные банки, пластиковые пакеты, скомканная бумага и другой мусор.

Такого Алиса за свою жизнь еще не видела. Она знала, конечно, что когда-то встречались люди, которые засоряли леса, жгли деревья, портили реки, и из-за этого потом пришлось потратить громадные средства и усилия, чтобы сейчас привести Землю в порядок. Но эти грустные события давно уже ушли в историю. На всей Земле не нашлось бы человека, который мог не убрать за собой мусор в лесу, разорить муравейник или убить лягушку. Все с грудного возраста понимали, что Земля — это наш дом и наша кормилица. И портить ее хуже, чем обидеть маленького ребенка.

Но вот, оказывается, нашелся такой человек.

— Этого не может быть, — произнесла Алиса.

— Вот я и кричу, — ответил Пашка.

Алиса оглянулась. Может, этот человек просто отошел и по рассеянности забыл за собой убрать? Но тут же она поняла, что пытается себя утешить. Мусор был мокрый, а дождь шел только утром, к тому же на банках и бумажках валялись иглы и бурье листья — они насыпались не только что.

А Пашка, словно угадав мысли Алисы, показал на примятую под деревом траву и углубления от креплений — тут была надувная плащ-палатка, в которой этот негодяй ночевал.

— Ну что, уберем, а потом сообщим лесному патрулю? — спросил Пашка.

— Погоди, — возразила Алиса. — Это ужасное преступление. Если узнает лесной патруль, он будет беспощаден.

— А что будет?

— С ним никто здороваться не станет, — предположила Алиса. — Его жена уйдет, его дети возьмут себе другую фамилию, никто не захочет с ним рядом работать.

— Да, тяжелый случай, — сказал Пашка. — Давай тогда сами быстренько уберем — пускай живет.

— А он и дальше будет гадить? Если человек начал совершать преступления, его трудно остановить, пока он убежден в своей безнаказан-

ности. Я читала об этом. Представляешь, среди нас будет ходить такой тип и еще ухмыляться.

— Ну что же тогда делать?

— Я знаю, — сказала Алиса. — Мы заставим его самого все убрать.

— Правильно! — обрадовался Пашка. — И пусть он знает, что только наше чрезвычайное благородство и доброта его спасли. Ему от возмездия никогда не уйти.

Все было замечательно. Решение принято.

— Постой, — сказала Алиса. — А где он?

— Он? — удивился Пашка. — Он трепещет перед неминуемым наказанием. Он прячет свое жирное тело в утесах.

— Прости, а в каких конкретно утесах?

— Не знаю.

— А как мы его найдем и заставим за собой убрать?

— Не подумал, — сказал Пашка. — Из головы вылетело. А в самом деле, как?

Алиса опустилась на корточки, разглядывая мусор. Вся их затея висела на волоске. Если не найти преступника, то как его наказать? Эту проблему еще никто и никогда не смог решить.

Алиса взяла консервную банку. Надпись на ней была английская. «Бифштекс с жареной картошкой. Саморазогревающийся. Чуть недожаренный. Сделано в Дарвине».

— Вот так, — сказала Алиса. — Уже что-то.

— Дарвин, — произнес Пашка. — Это, на-

верное, в Англии. Я думаю, что это город, а котором родился Чарльз Дарвин.

Он тоже присел рядом и начал разглядывать пластиковый мешок, на котором был изображен красивый город на фоне невысоких гор. Маленькими буквами под картинкой было написано: «Веллингтон».

— Ну, что я говорил! — обрадовался Пашка. — Веллингтон. Это английский маршал, он победил Наполеона. А в этом городе он родился. Надо лететь в Англию и выяснить, кто там любит рыжики.

— Павел, — сказала Алиса, — ты как доктор Паганель, который завел своих друзей в другую часть света, потому что был слишком ученым.

— А что? — насторожился Пашка, который Жюля Верна знал наизусть и сразу понял, что сплоховал. — Разве Дарвин родился в Америке?

— Вернешься в школу, — строго сказала Алиса, — добровольно пойдешь к географу и попросишь, чтобы он тебе поставил незачет за первое полугодие. В прошлом году мы проходили Австралию. Там есть город Дарвин. Веллингтон находится в Новой Зеландии.

— Я и говорю, — ничуть не смущился Пашка. — Но тем не менее Веллингтон победил Наполеона при Ватерлоо. А ты об этом и не подозревала.

И Алисе ничего не оставалось, как улыбнуться и продолжить поиски.

Она теперь знала, что преступник прилетел сюда из Австралии или Новой Зеландии. Вряд ли он специально слетал туда за пакетом и консервными банками. Кстати, остальные банки тоже были австралийскими и новозеландскими. Но все-таки этого было мало, чтобы его найти. Двадцать миллионов австралийцев и пять миллионов новозеландцев ни в чем не виноваты и никогда не были в лесу под Калязином.

Так как больше ничего найти на том месте не удалось, Алиса пошла вниз, к реке. Там она увидела еще следы варварства. Тот человек ловил там рыбу, чистил грибы и не только за собой не прибрасывал, но и оставил у воды грязную тарелку. И тарелка послужила последней уликой. На ее бортике была оттиснута в обрамлении волн и ветвей английская надпись: «Подводная база Морсби. Новозеландский океанографический центр».

С тарелкой в руке Алиса поднялась наверх, где Пашка смотрел футбол на миниатюрном телевизоре своего браслета, и сказала:

— Паш, ты тут пока посиди, а я слетаю в Новую Зеландию.

Алиса показала ему тарелку.

— Ясно, — сказал Пашка. — Я с тобой. Как только кончится футбол, сразу полетим.

— Нет, — ответила Алиса. — Я быстренько — туда и обратно. А ты оставайся здесь, потому что может прилететь лесной патруль, а они ничего не знают. Ты им все объяснишь,

скажешь, что я полетела, чтобы притащить этого негодяя сюда.

— Может, все-таки я, а? Вдруг он будет сопротивляться?

— Я там буду не одна.

— Ну, тебе виднее, — сказал Пашка. — Только я в сторонке посижу, чтобы его безобразие не видеть. А то мне захочется убрать, я не выдержу и все тебе испорчу.

Алиса за несколько минут добежала по берегу до флаера. У нее была еще идея, и ее она осуществила, когда пролетала над Калязином. Она вызвала сверху городскую гостиницу и, когда на экранчике появилось лицо дежурной, спросила:

— Простите, у вас не останавливался тут один турист из Новой Зеландии?

— Нет, — ответила дежурная. — Из Новой Зеландии у нас туристов не останавливалось. Сейчас вообще не сезон... За последние два дня прилетели только воднолыжники, а также С.Иванов, Пуркинелли и Смайлс с детьми.

— Смайлс? Очевидно, это тот, кто мне нужен.

— Он врач из Канады и проходит стажировку в нашей больнице.

— Тогда он мне не нужен.

Алиса поблагодарила дежурную и взяла курс на Москву. Она гнала изо всех сил. К счастью, аэропорт Внуково расположен по эту сторону города, так что Алиса через сорок минут уже

бежала к стойке, где шла регистрация на вылет в Сидней.

Еще через двадцать минут стратолет взмыл свечой в небо, покинул земную атмосферу и по кругой дуге пошел на юго-восток. Через пятьдесят минут он опустился в Сиднее, и Алиса местным рейсом долетела до Веллингтона, откуда на таксоплане добралась до подводной базы Морсби.

Такси опустилось на квадратную платформу, посреди которой возвышалось небольшое строение — сама станция лежала на морском дне, на глубине километра, а платформу с ней связывали скоростные лифты.

Алиса вбежала в строение.

Вид у нее был взъерошенный, осунувшийся, да и одета она была для осеннего леса под Калязином, а совсем не для теплого океанского климата.

Молоденькая девушка в белом купальнике при виде Алисы вскочила из-за стола.

— Что случилось? — спросила она.

— Простите, — сказала Алиса. — Я к вам на минутку. Мне только надо спросить: кто-нибудь из ваших сотрудников в последние дни улетал на север?

— Я даже и не знаю, — ответила девушка. — Хочешь воды, девочка? Или сока? У нас много сотрудников, и все летают туда-сюда.

— А кто-нибудь из них любит рыжики?

Девушка от удивления открыла рот. И если при этом учесть, что разговор шел по-англий-

ски, а Алиса не знала, как рыжики по-английски, а сказала просто «рыжие грибы», то удивление дежурной можно понять.

— Что произошло? Ты откуда прилетела?

— Из Москвы. Вернее, из леса.

— А что было в лесу?

— Я не могу сказать, — ответила Алиса. — Это слишком ужасно. Я не имею права бросать подозрение на человека, которого не знаю.

— Но на кого?

— Вы мне можете сказать, кто из ваших подводников прилетел сегодня?

— Пожалуйста.

Девушка протянула Алисе стакан сока, а сама набрала запрос на компьютере. Через несколько секунд желтая карточка лежала перед Алисой.

Она не успела взглянуть на нее, потому что в дверь влетели три человека, обвешанные камерами, осветительными приборами и штативами.

— Где? — закричал с порога первый из них.

— Вы опоздали, — ответила девушка.

— Как опоздали?

— Его уже почти загнали в сеть, но он скрылся в подводной трещине.

— И не успели сфотографировать?

— К счастью, Семен успел это сделать, — ответила девушка.

Алиса так и не поняла, о чем идет речь. Она уже снова глядела на карточку. На ней в столбик было выписано шесть имен. Она

очень надеялась отыскать среди них имя Смайлса. Но имени Смайлса там не было. Там были: Сато, Пирсон, Эминеску, Чакраварти, Поло и С.Иванов.

— Иванов! — буквально подскочила Алиса. — Вот ты мне где попался!

Она не стала ничего спрашивать у девушки. Вниз вел только один путь — лифтом.

Алиса вбежала в лифт и нажала кнопку нижнего этажа.

Лифт остановился в большом зале, перекрытом прозрачным куполом. Купол был похож на звездное небо. И Алиса не сразу поняла, что это не небо, а черная вода, в которой снуют, плавают и висят на месте светящиеся рыбы и другие морские животные.

В зале было довольно много народу. Все громко разговаривали, спорили, даже кричали. Многие разглядывали цветные фотографии.

— Простите, — спросила Алиса, подойдя к первой группе людей, — вы не видели С.Иванова?

— Семена? — спросил седой бородач в плавках. — Минут пять назад здесь был.

Алиса кинулась к другой группе людей.

— Скажите, — спросила она у худенькой японки, — вы не видели С.Иванова?

— Конечно, видела, — ответила японка. — Он мне отдал эту фотографию. Хотите посмотреть?

Она протянула фотографию Алисе. На фотографии было изображено животное, похожее

на тюленя, только с очень длинной шеей и маленькой головой. Рядом с животным плыл человек, и ясно было, что животное очень велико, метров шесть длиной, а может, и больше.

— Что это? — спросила Алиса.

— Неужели не догадалась? Это же морской змей! Мы его преследовали и выслеживали шесть месяцев. И если бы не С.Иванов с его гениальным умением фотографировать, все наше многочасовое преследование морского змея пропало бы впустую.

— Он умеет не только фотографировать, — язвительно сказала Алиса, но японка ее не поняла, она уже вновь разглядывала фотографию загадочного чудовища.

Алиса обежала весь зал, подходила ко всем, всех спрашивала о С.Иванове. Все его только что видели, но никто не знал, куда он делся.

Минут через пятнадцать, поняв, что Иванова в подводном зале нет, Алиса поднялась наверх.

— Ну что? — спросила дежурная. — Нашла, кого искала?

— Он только что был. Может, убежал?

— А кто тебе все-таки нужен?

— Мне нужен ваш гениальный фотограф С.Иванов, — сказала Алиса.

— Но он минуту назад промчался мимо меня, как молния, — сказала девушка. — Вот, дал мне фотографию и исчез.

— Куда? — почти закричала Алиса.

— Он не сказал, — ответила девушка. — Но ты не расстраивайся. Может, он еще вернется. Хочешь фотографию на память? Первый морской змей!

— Спасибо, — сказала Алиса и вышла на платформу, возле которой на маслянистых ленивых волнах покачивались несколько пустых флаеров.

Алиса поглядела вверх. Ей показалось, что на фоне голубых гор Новой Зеландии она видит точку флаера. Это он!

Теперь он не скроется!

Алиса прыгнула во флаер и полетела вдогонку. Но уже через три минуты оказалось, что она гналась за альбатросом.

Так окончилась ее погоня.

Алиса не знала, что ей делать. Конечно, можно вернуться на подводную станцию и ждать, пока С.Иванов вернется обратно. Можно объявить его розыск в Веллингтоне.

Но тут Алиса взглянула на часы и поняла, что прошло уже больше двух часов, как она улетела из леса, и Пашка сидит там голодный и волнуется, куда она делась. Да и сама она устала.

«Ладно, — подумала Алиса. — Пусть Иванову будет хуже. Не надо было скрываться. Я прилечу обратно, мы уберем с Пашкой мусор, а потом расскажем обо всем лесному патрулю. Имя преступника известно. Больше ему не

придется раздаривать фотографии морских змеев».

С такими мыслями Алиса добралась до аэропорта, села в первый же стратолет, который шел через Антарктиду в Африку, в Дакаре пересела на московский рейс и через три часа и десять минут после отлета из леса вернулась на поляну у речки.

Она посадила флаер там, где ее должен был ждать Пашка.

Но поляна была пуста. Больше того, Пашка, оказывается, не дождался ее и все убрал. Поляна была чиста, и лишь примятая трава там, где была палатка преступника С.Иванова, напоминала о том, что здесь произошло.

— Пашка! — закричала Алиса. — Эй, ты где?

Никто не откликнулся.

Алиса устала, даже грибы собирать не хотелось. Тем более что ее корзины нигде не было видно. Но улетать без Пашки нельзя: у него нет флаера.

Алиса присела на траву и стала ждать. Она разглядывала фотографию морского змея.

— А вот и ты! — раздался веселый Пашкин голос.

Алиса обернулась. Пашка вышел из леса. За ним шел молодой человек с полной корзиной рыжиков в руке.

— Здравствуйте, — сказал молодой человек. — Простите, что из-за меня вам пришлось потратить столько времени. — Он протянул руку и представился: — Семен Иванов.

— Ах, это вы!.. — произнесла Алиса, вложив в эти слова все свое возмущение.

— Да погоди ты, не сердись! — засмеялся Пашка. — Сеня так хотел рыжиков, — он сам из Ленинграда, а работает на подводной станции, — что он взял отпуск на три дня и прилетел сюда. А тут срочный вызов со станции — нашли морского змея...

— Мы полгода за ним охотились, — перебил Пашку Иванов. — Нельзя было терять ни секунды. Я скатал палатку, прыгнул во флаер и помчался на станцию. К счастью, успел сфотографировать чудовище, прежде чем оно от нас сбежало.

— И как только смог, — добавил Пашка, — сразу на стратолет и обратно. Вы с ним, видно, совсем рядом были.

— Я вас видел, — сказал Семен. — Вы как раз из лифта выскочили и вбежали в подводный зал. А я ждал лифта, чтобы наверх подняться. Меня очень мучила совесть, но ведь я так спешил...

— Все в порядке, — сказала Алиса. — Вы мне подпишете фотографию?

И она протянула ему фотографию морского змея.

А потом, как Алиса ни отказывалась, Семен заставил ее взять корзину рыжиков. Он еще соберет, а Алиса из-за него осталась без грибов. Пашка, конечно, поддержал Иванова.

Так что Алиса вернулась домой с грибами.

ЭТО ВАМ НЕ ЯБЛОЧНЫЙ КОМПОТ!

Есть такая травка, растет на Паталипутре, в пустыне, где весна длится ровно один день. И чтобы выжить и дать потомство, травке приходится за этот день вырасти, отцвести и сбросить на землю семена. Не успеешь — налетит песчаная буря, и погибнешь, не оставив детей.

Эта травка описана открывшим ее ботаником Путейкиным во втором номере журнала «Космоботаника» за 2076 год, а ее семена хранятся в космическом Фонде.

Аркаше Сапожкову пришла в голову идея, и потому он заказал в Фонде несколько семечек и сказал Алисе Селезневой:

— А что если попробовать скрестить ее с клевером?

— Зачем? — спросила Алиса.

Разговор этот происходил на станции юных биологов, той самой, что на Гоголевском бульваре. Утро было морозным, февраль еще не кончился, и потому жираф Злодей гулял между елками в меховой шубе, которую ему сшила Машенька Белая.

— Реальная польза, — сказал Аркаша. — Если мы ускорим созревание клевера, скажем, в десять раз, то в десять раз больше коров сможет пасть на одном лугу.

Идея Алисе понравилась, и она согласилась помочь Аркаше, потому что работа предстояла очень сложная. Ведь хромосомы травки с Паталипутры отличаются от хромосом земного клевера.

Как-то, когда Алиса с Аркашем сидели в лаборатории, туда заглянул Пашка Гераскин. Узнав, чем занимаются его друзья, он тут же начал их укорять.

— Какой еще клевер! — воскликнул он. — Приземленные вы люди. Думайте шире. А как вам нравится яблоня, которая дает урожай через три дня после того, как ее посадили в землю? А как вам нравится корабельная роща, что вырастет за неделю? А вы подумали, что и коровы могут расти как грибы...

— Все ясно, — засмеялась Алиса. — Мы вырастим за неделю из Пашки Гераскина центрового баскетбольной команды!

— Но на первой же игре он умрет от старости, — добавил Аркаша.

— С вами нельзя говорить серьезно, — обиделся Пашка.

— Никто не мешает тебе работать с нами, — сказала Алиса. — Садись к манипулятору, нам лишние руки не помешают.

— Завтра, — ответил Пашка. — Сегодня я страшно занят. Один пришелец привез с Альдебарана редчайшую серию марок. И может мне ее поменять на коробку шоколадных конфет.

— Сластена он, что ли? — спросил Аркаша.

— Нет. Эта серия сделана из шоколада. Почти весь тираж уже съеден. А он согласен менять марки на конфеты.

И с этими словами Пашка испарился.

На следующий день он не смог прийти, через день он сразу после уроков улетел на Гавайи участвовать в соревнованиях по серфингу — кататься на доске в волнах прибоя, а потом на неделю совсем пропал. Он всем рассказывал, что отыскал клад капитана Кидда. Но из проверенных источников стало известно, что Пашка попал под домашний арест — учительница Галина Сергеевнаожаловалась его отцу, что Гераскин страшно отстал по русскому языку. Вот отец и изолировал Пашку.

Так что опыты проходили без его участия.

Алиса с Аркашой бились над этой травкой недели две. Устали так, что шатались. Тут как раз прилетел большой друг Селезневых археолог

Громозека. Хотел посетить новые раскопки в Вавилоне, приглашал Алису.

— Прости, Громозека, — сказала Алиса. — Ничего не получится. Наша травка не хочет скрещиваться.

— Девочка больна, — заявил Громозека. — Ни один здоровый человек не откажется от поездки в Вавилон из-за какой-то травки.

Громозека был убежден, что археология — единственная стоящая из всех наук. А остальные не стоят внимания.

Отчаявшись, юные биологи поехали к профессору Алексееву в Институт космогенетики. Профессор был толстый, веселый, он долго читал записи опытов, поил юных биологов чаем, иногда хлопал себя ладонями по коленям и восклицал:

— Молодцы! Будущие гении! Жалко только, что необразованные.

Профессор Алексеев не удивлялся тому, что к нему пришли шестиклассники. Таких молодых ученых он встречал уже не раз. Давно известно, что интересные открытия делают не только взрослые, но и дети, потому что дети часто не догадываются, что можно делать, а что нельзя. И делают то, что противоречит законам природы. Изредка получаются сногсшибательные результаты. Хотя чаще ничего не получается.

— Ничего у вас не получится, — заявил наконец профессор. — Идея неплохая, но

скрестить земные растения с травкой не удастся.

— Мы все равно будем работать, — упрямо сказал Аркаша.

— Ученый должен думать, а не упрямиться, — рассердился вдруг профессор. — Не получается — ищи новый путь.

— А какой? — спросила Алиса.

— Попробуйте синтезировать гормон, который вызывает рост травки. Сможете — вводите его в растения. Только вашего оборудования для этого не хватит. Я вас познакомлю с моим аспирантом Просей. Хорошая голова, тяжелый характер. Поработаете с ним.

Профессор вызвал аспиранта со странным именем Прося, а пока они ждали аспиранта, сказал:

— Когда принимаешься за опыт, обязательно надо помнить, к чему он приведет. Наука ради науки редко бывает полезной.

— Но мы и хотим принести пользу, — сказал Аркаша. — Разве не ясно? Какие стада будут пастись на наших лугах!

— Вы уверены? — улыбнулся профессор.

— Уверены.

— А скажите, откуда ваши растения будут брать питательные вещества?

— Из земли.

— Но если клевер будет вырастать за день, значит, он за день должен получить всю воду и питательные вещества, которые обычный

клевер получает за лето. Откуда они возьмутся?

— Мы его будем поливать.

— Это очень красиво получается в лаборатории, — сказал профессор. — Но совсем не так в поле. Стоит задуматься.

Тут открылась дверь, и вошел аспирант Прося.

Он был похож на большую мохнатую гусеницу в два метра ростом, которая стояла на задних ножках, а десять пар передних были прижаты к животу и в них множество вещей: записные книжки, колбы, реторты, калькуляторы и даже бутерброды.

— Аспирант Прося, — сказал профессор, — родился на окраине нашей Галактики. Расскажите ему о ваших проблемах.

Алиса поглядела на необычного аспиранта с недоверием. А тот совсем не смутился при виде гостей.

— Чепуха! Какие у вас могут быть проблемы? — сказал он глубоким басом и, повернувшись, засеменил к двери. Его длинное мохнатое тело чуть покачивалось, и он шел так быстро, что Аркаше с Алисой пришлось за ним бежать.

В лаборатории аспирант Прося залез в кресло, свернулся в нем кольцом, и его многочисленные передние ручки начали быстро шевелиться. Каждая из них занялась своим делом. А тем временем голова оберну-

лась к Алисе, большие выпуклые янтарные глаза светились изнутри.

— Выкладывайте, комары, — сказал аспирант басом. — И побыстрее. Время не ждет.

Пока Аркаша рассказывал аспиранту об их проблеме, тот успел вымыть химическую посуду, пообедать, написать небольшую статью, разбить пробирку, собрать осколки, вымыть пол, посмотреть по видео последние космические известия — даже в глазах рябило от его движений. Казалось, что ему некогда слушать.

Но он слушал. И все понял. И сказал:

— Звоните домой, что остаетесь у меня до двенадцати часов ночи. В двенадцать катализатор будет готов.

— Меня до двенадцати не отпустят, — сказал Аркаша.

— Чепуха! Наука требует жертв, — ответил басом аспирант Прося. — Человек, который не может убедить своих родителей, что он настоящий ученый, недостоин заниматься наукой.

— А вы убедили? — спросила Алиса.

— Моя мама, — серьезно ответил Прося, у которого, как оказалось, не было чувства юмора, но было двести ценнейших научных талантов, — снесла триста двадцать икринок. И больше к ним не возвращалась. Мы воспитывались в инкубаторе.

После сложных переговоров с родителями разрешение работать до полуночи было полу-

чено, и ровно в двенадцать часов аспирант Прося сказал:

— Можете брать ваш катализатор и идти домой.

И тут же забыл о своих помощниках. Даже вроде и не слышал, как Аркаша с Алисой благодарили его. А может, все слышал, но был уже занят другой проблемой.

На следующий день Аркаша ввел катализатор в зерно пшеницы и высадил его в ящик. И случилось чудо. Алиса, которая стояла рядом с лейкой, наполненной водой с удобрениями, увидела, как из темной влажной земли показалась зеленая стрелка и потянулась вверх с такой скоростью, как жучок ползет по ветке.

Алиса хоть и ожидала увидеть нечто подобное, но так удивилась, что забыла поливать росток. Аркаша выхватил у нее лейку.

— Ты хочешь все загубить! — закричал он.

На его крик в лабораторию вбежали сестры-близняшки Маша и Наташа Белые, заглянул на шум глупый, но любопытный питекантроп Геракл, а жираф Злодей сунул голову в открытое окно.

Через час пшеница уже была взрослой. Стебель начал колоситься.

Пашка Гераскин, который прибежал откуда-то взмыленный, сначала не поверил, что зерно посажено так недавно, а поверив, обрадовался и начал строить планы. Слушать его не стали, но и не прогнали — не чужой человек на биостанции.

Яблоня выросла быстро, совсем как в сказке.

Тем же вечером пшеница созрела, пожелтела, зерна еесыпались из колоса, а экспериментаторы разошлись по домам. Алиса позвонила аспиранту Прося и сказала ему:

— Спасибо, катализатор действует.

— Чепуха, — ответил Прося басом, — пустяки.

Но видно было, что аспирант доволен.

Когда Алиса на следующее утро забежала перед школой на биостанцию, там уже был Аркаша. Расстроенный — смотреть жалко.

— Что случилось?

— Что и должно было случиться, — ответил Аркаша. — Когда за дело берутся такие недорумки, как мы.

И он показал на ящик с землей, где они вчера выращивали пшеницу. Ящик был полон пересушенной пыли, поверх нее лежал слой соломы.

Алиса поняла с первого взгляда: когда они ушли, зерна, упавшие из колоса, начали прорастать — уже не одним стеблем, а целым лесом стеблей. Но вырасти они не смогли — не хватило воды. Они высосали воду из ящика до последней микрокапли и погибли.

Алиса с Аркашой написали о своих работах небольшую статью в научный журнал. Они хотели, чтобы третьим автором был аспирант Прося, без которого они никогда бы не выделили катализатор, но аспирант сказал:

— Чепуха!

— Слушай, Прося, — сказала Алиса, которая

уже привыкла к аспиранту и перестала перед ним робеть. — Пошли гулять. Ты скоро зачахнешь в своей комнате. Тебя не узнают триста твоих братьев и сестер.

— Чепуха! — сказал аспирант. — У меня же нет сестер. Из икры моей мамочки выводятся только мальчики.

И никуда, конечно, не пошел.

Алиса с Аркашой продолжали опыты. Им удалось вырастить кактус ростом с двухэтажный дом за какие-нибудь два часа, потом они начали опыты с яблоней. Яблоня выросла быстро, совсем как в сказке. И яблоки налились, покраснели и спели за несколько минут. Одно яблоко Алиса даже успела съесть, но остальные упали на землю и тут же сгнили.

Никому не хочется трудиться зря. Поэтому Аркаша позвал на помощь ребят с технической станции. Ребята пришли, подивились на то, как растет яблоня, и сконструировали компотную машину.

Машина была простой. Представьте себе широкий и глубокий металлический желоб. Он свернут кольцом диаметром побольше метра. В него налита вода, которая в нужный момент подогревается до кипения. Желоб положили на землю и в центр образованного им круга посадили яблоневое семечко. Пока яблоня росла, вода в желобе нагревалась. И начала кипеть, как только яблоки созрели.

Тут надо было не терять ни секунды. Био-

логи и техники принялись трясти яблоню, и яблоки, поднимая фонтанчики горячей воды, посыпались в желоб. Машенька Белая ходила вокруг и сыпала в желоб сахар. Через несколько минут в желобе оказалось сорок литров изумительного яблочного компота.

Все закричали «ура!» и сели пить компот. Даже если ты очень любишь компот, не так просто выпить сорок литров. Пили сами, угостили жирафа Злодея, который вежливо отказался, дали кружку питекантропу Гераклу, а компот все не кончался. И тут кто-то вспомнил, что нет Пашки Гераскина. Он так и не выходил из лаборатории.

— Пашка! — позвала Алиса Гераскина. — Ты что компот не пьешь?

— Сейчас! — откликнулся тот из лаборатории. — Некогда.

— Странно, — сказал Аркаша. — И даже подозрительно. Я не могу поверить, что наш друг откажется от компота, если он не замыслил какой-нибудь каверзы.

— Я ничего не замыслил, — откликнулся Пашка. — Может, у меня живот болит.

И голос у Пашки был такой лживый, что Алиса поднялась и поспешила в лабораторию. Аркаша за ней.

При виде друзей Пашка быстро выскочил из-за лабораторного стола, сжимая что-то в кулаке. Алиса сразу заметила, что катализатора в пробирке осталось на донышке и манипулятор включен.

— Ты что здесь делал? — произнесла она грозно.

— Ничего интересного, — ответил Пашка, — так... наблюдал.

— Ты лжешь, бледнолицый! — возразил Аркаша. — Покажи, что у тебя в кулаке.

Ловким движением Пашка увернулся от Аркаши, прыгнул в открытое окно и бросился прочь.

Алиса кинула взгляд вокруг. На полу валялась кедровая шишка. Она подняла ее. Шишка была вылущенной — ни одного орешка.

— Аркаша! — воскликнула Алиса. — Он хочет вывести скороспелый кедр!

— Но через час такой кедр вырастет на сто метров и рухнет. Может произойти несчастье, — испугался Аркаша.

И они кинулись вслед за Пашкой.

Пашку они настигли у Арбатской площади. Он бежал по газону к стоянке флаеров.

— Стой! — закричал Аркаша на бегу. — Послушай!

Пашка увидел преследователей, которые старались отрезать его от флаера, и метнулся в сторону. Алиса прыгнула за ним и повалила его на газон. Пашка вырвался, побежал было дальше, но тут на него навалился Аркаша.

Люди на площади остановились, не понимая, что происходит. Пашка отбивался как лев, а Алисе и Аркаше бороться было нелегко, ведь в каждом литра по два компота! Правда, тут

им на помощь подоспели остальные биологи, и наконец Пашка был повержен.

— Где семена? — спросила Алиса.

— Ничего не знаю, — упрямко сказал Пашка. — Не было никаких семян.

— Похвалиться захотел? — сказал Аркаша. — Я тебя знаю. А ты подумал, что через час эти кедры рухнут от старости и, может, даже на детей?

— Не рухнут, — сказал Пашка мрачно. — Вы такое дело загубили, что даже не представляете. — И он мрачно пошел прочь. Остальные за ним.

— Ты хоть скажи, зачем ты наш катализатор истратил? Чего ты хотел? — спросила Алиса.

— Я сделал открытие, а вы его сорвали.

— Какое еще открытие?

— Я хотел посадить эти семена на болоте. Кедры бы высосали всю воду из болота — и не надо никакого осушения. Два часа — и нет болота. Это революция в ирригации.

— А почему ты нам ничего не сказал?

— А вы бы поверили? Вы бы сказали, что я хочу похвастаться перед знакомыми... Вы меня всерьез не принимаете.

— А где семена?

— Пока вам сопротивлялся, там потерял. — Пашка обернулся и показал на газон посреди площади.

Машенька Белая ахнула.

Газона не было. Всю середину Арбатской

площади занимала молодая поросль кедровника.

Перепуганные прохожие разбегались с площади, флаеры поднимались повыше в небо, от движения молодых ветвей над площадью поднялся ветер.

— Их надо выполоть! — закричал Аркаша.

— Поздно.

И в самом деле, Пашка так накачал семена кедра катализатором, что росли они — метр в минуту.

Вскоре уже над площадью шумел лес, и земля начала вздрагивать.

Это могучие гибкие корни молодых кедров пробивались сквозь землю в поисках воды — воды им не хватало. Вспучилась и лопнула стенка подземного туннеля — какая-то машина еле успела выскочить оттуда. Как живые, корни рвали подземные коммуникации. Вот они разорвали водопроводную трубу, но и этого им было мало. Земля на газоне просела под тяжестью деревьев.

Со сказочной быстротой зрели орехи на ветвях, падали со стуком на землю, и на их месте появлялись новые кедры. Чтобы увидеть вершины деревьев, уже надо было задирать головы.

Когда примчались флаеры пожарной команды и ремонтные роботы, на Арбатской площади стоял густой могучий кедровый лес.

— Это что еще такое? — остолбенело

спросил пожарник, увидев кучку растерянных школьников. — Откуда это? Утром не было.

— Ничего, — сказал Аркаша. — Это скоро кончится. Только надо оцепить площадь, чтобы никто не подходил близко к деревьям.

— Их рубить дня два придется, не меньше, — сказал ремонтный робот.

— Их не придется рубить, — мрачно ответила Алиса.

Со страшным скрежетом обвалился туннель, вздрогнули дома вокруг площади, зазвенели стекла в домах.

Сверху спустился флаер, и из него вышла высокая гусеница — аспирант Прося.

— Чепуха! — сказал аспирант. — Нельзя пускать детей в науку.

И тут одно из старых могучих деревьев со страшным скрежетом и треском, ломая ветви, рухнуло на землю, выбив верхушкой стекла в ресторане «Прага».

И деревья принялись падать — одно за другим.

Казалось, что сотрясается вся Москва.

— Понимаешь, что ты наделал? — сказала Алиса. — Мы тебя выгоним со станции биологов.

— Меня нельзя выгнать, — ответил Пашка как ни в чем не бывало. — Уже завтра по моему методу будут осушать болота во всем мире. Это вам не яблочный компот.

Последний кедр упал на искореженную землю, и наступила тишина.

ВТОРОГОДНИКИ

Сосед Алисы Всеволод Михайлович от случая к случаю работал на телестудии, где играл древних дедов или волшебных злодеев. К тому же он любил давать консультации и советы. Не все они были цennыми, потому что в сознании деда путалось то, что было при нем, и то, о чем он читал в исторических романах. Он жил на свете так долго, что порой ему казалось, что когда-то он даже встречался с Наполеоном. На самом деле Всеволод Михайлович родился примерно в середине двадцатого века, ему еще не было и ста пятидесяти лет.

Алиса любила к нему ходить, потому что дед за свою долгую жизнь так оброс воспоминаниями и сувенирами, как дно корабля ракушками. Часто Всеволод Михайлович рассказывал ей удивительные истории, где правда

перемешивалась с вымыслом, отчего истории становились похожи на сон.

У деда было одно качество, не всегда приятное для собеседников. Ему казалось, что сто лет назад все было лучше, чем теперь.

Иногда он вдруг замирал посреди комнаты, держа на весу тяжелый комплект «Огонька» за 1979 год, и задумчиво произносил:

— Мы выходим с Андрюшой из кино. А там киоск. В нем самая вкусная вещь на свете — мороженое эскимо! Трещит мороз. Мы стоим с Андрюшой и держим по мороженому за деревянные палочки!

— Зачем деревянные палочки? — спросила Алиса.

— От них был главный вкус. Какой вкус!

— Разве сейчас мало мороженого? — удивлялась Алиса.

— Это не мороженое. — Дед был категоричен. — Это развлечение для хлюпиков, которые поднимаются на Эверест на фуникулере. В наши дни мы шли туда пешком...

Всеволод Михайлович замолк. Потом вдруг сказал:

— Завтра у меня день рождения. Сто пятьдесят лет. Круглая дата. А кто об этом вспомнит?

За окном шел первый снег, начинался ноябрь, и Алисе стало грустно. Вот прожил человек столько лет, внуков-правнуров много, да все разъехались. Один на Венере живет, другой улетел в звездную экспедицию. Некому деду подарок поднести.

— А вы не пробовали заказать эскимо на фабрике? — спросила Алиса. — Там же могут сделать все что угодно.

— Ты угадала, — сказал Всеволод Михайлович. — В прошлом году я туда поехал. Они покопались в архивах и говорят: эскимо снято с производства шестьдесят лет назад. Рецепт утерян. Можем предложить «Марсианский рассвет», «Шоколадный восторг» и еще сто названий. И кому мешали деревянные палочки?

Алиса пришла домой и задумалась.

Если эскимо нет, надо его достать. День рождения не бывает без подарка.

Алиса нашла альбом со старинными монетами, вынула из него металлический рубль с памятником Юрию Долгорукому, выпущенный к Олимпиаде 1980 года, и поехала в Институт времени.

Рабочий день кончился. Работы уже начали уборку, техники проверяли камеры для путешествий во времени, сотрудники, которые вернулись из командировок в прошлое, сдавали находки. Только в одном зале камеру готовили к работе. Перед ней стоял средних лет человек в длинном полосатом халате и белой чалме, в руке у него был суковатый посох, через плечо висел кожаный мешок.

— Простите, — спросила Алиса, — вы уезжаете в прошлое?

— Да.

— У меня к вам небольшая просьба, — сказала Алиса, протягивая человеку рубль. —

Для одного дедушки, у которого завтра день рождения, нужно привезти мороженое эскимо.

— К сожалению, — ответил человек, — я отправляюсь в Среднюю Азию в четырнадцатый век, чтобы поговорить с Ходжой Насреддином. Боюсь, что в те времена мороженое эскимо еще не делали.

Алисе стало неловко, что она задала такой глупый вопрос. Видно же, что человек едет совсем не туда.

Надо было возвращаться домой. Но Алиса — человек упрямый. Она пошла дальше. В небольшой комнате она увидела камеру, возле которой никого не было. На ней надпись: «Не включать. Испытания».

Не включать так не включать. В Институте времени посторонним вообще находиться нельзя, а к камерам подходить строжайше запрещено.

Алиса сказала сама себе: «Я пошла домой». А ноги уже несли ее в камеру. Она включила «пуск». Камера работала нормально. «В конце концов, — подумала девочка, — мне недалеко и ненадолго».

Какой код набрать? Допустим, «1986 год». И она нажала на клавиши.

Через минуту Алиса вышла из камеры, которая была спрятана в подвале старого дома в переулке у Арбата. В подвале было темно, туда редко кто заглядывал. А если бы и заглянул, никогда бы не увидел камеру, искусно спрятанную за кирпичной стеной.

Алиса выбралась из подвала и побежала к Арбату. Она уже бывала в прошлом, поэтому не удивилась ни одежде людей, ни шуму.

Шел мокрый снег, дул холодный ветер. На углу Арбата, у аптеки, Алиса увидела добрую на вид бабушку.

— Простите, — спросила она, — где здесь продают мороженое эскимо?

— Не скажу, — ответила бабушка.

— Почему? — удивилась Алиса.

— Ты никогда не донесешь мороженое до дома, съешь его на улице. Тут же у тебя начнется ангина, ты ляжешь в постель и пропустишь занятия в школе. Отстанешь от своих товарищей по классу и останешься на второй год. И никто тебя не пожалеет, потому что ты сама во всем виновата.

Бабушка говорила очень строго, глаза ее за толстыми стеклами очков сверкали.

— Это не для меня, — сказала Алиса, — это для дедушки.

— Ах, ты еще и лжешь! — возмутилась бабушка. — Ни один дедушка не будет есть эскимо. Эскимо — это мороженое для прогульщиков и второгодников!

Алиса побежала прочь.

«Бабушка не представляет, — думала она, — что у нас нет ангины, свинки, коклюша и скарлатины, что я купаюсь в проруби и поднимаюсь на Эльбрус. Но ведь бабушка не поверит... И то, что на второй год у нас не оставляют, она тоже не подозревает».

Если бы Алиса знала в тот момент, как она ошибается!

Буквально через сто метров Алиса увидела нужного человека. Нужному человеку было лет двадцать. Он медленно шагал по улице и жевал мороженое.

— Где вы его купили? — спросила Алиса.

— В такую погоду... — начал было молодой человек, но увидел отчаянные глаза Алисы и быстро ответил: — У метро. Деньги есть?

— Спасибо! — Алиса бросилась в том направлении, какое указал молодой человек.

Киоск был открыт. У стекла выставлены в ряд пачки, но Алиса не знала, какое из них эскимо. И сколько оно стоит. Поэтому довольно робко протянула рубль в окошечко и сказала:

— Мне одно эскимо, пожалуйста.

Толстая женщина в белом халате поверх пальто открыла крышку холодильника, вынула оттуда совсем маленькую, невзрачную на вид пачку, из которой торчала плоская деревянная палочка, и начала считать сдачу. Она пододвигнула мелочь Алисе, но та не уходила.

— Ты что? — спросила продавщица.

— Скажите, а у вас коробка есть? — спросила Алиса.

— Зачем коробка?

— Мне домой надо отнести, дедушке на день рождения. Я боюсь, что оно растает. Я вам все деньги оставлю. Мне не нужно.

— Нет, вы только поглядите! — громко ска-

зала продавщица, как будто выступала перед большим залом. — Ребенок о дедушке заботится, себя без мороженого оставляет, а я должна с нее деньги за пустую коробку брать! Да за кого вы меня принимаете? Держи свои деньги, дай мне сюда свое мороженое!

Продавщица отобрала эскимо у Алисы, вытащила из-под прилавка довольно большую коробку из-под торта и положила в нее кучу дымящихся кусков сухого льда. Потом спрятала в лед целых пять пачек эскимо, закрыла коробку, завязала ее и сказала:

— Бери, вот тебе еще пачка, сама съешь. И не суй мне свои деньги. Пускай мне внук на день рождения мороженого принесет!

И как ни старалась Алиса отдать продавщице деньги, ничего из этого не вышло. Так и вернулась она в будущее, прижимая к груди холодную коробку, а в кулаке сжимая горстку мелочи.

Когда Алиса вышла из временной кабинки, она очень удивилась.

В зале было человек пятьдесят. Среди них ее папа, мама, Всеволод Михайлович, врачи, ученые, техники и даже директор Института времени.

— Алиса, ты жива! — закричала мама, схватив ее в объятия.

— Осторожно! Коробку раздавишь.

— Я же говорил, что ничего не случится, — сказал директор института. Но голос его дрожал от волнения.

— Как вы успели сюда прийти? — спросила Алиса. — Меня ведь не было самое большое полчаса.

— Ты, по-моему, не умеешь читать, — сердито произнес директор института. — Видишь надпись: «Не включать. Испытания»?

— Я виновата, — сказала Алиса, — но мне так хотелось сделать подарок Всеволоду Михайловичу на день рождения.

И она протянула ему коробку. Дед открыл коробку, из нее повалил белый пар.

— Эс-ки-мо! — изумился дед. — Девочка, дорогая моя девочка... — Больше он ничего не смог выговорить от волнения.

Тут Алиса поглядела в окно и увидела, что деревья одеты в молодую листву.

— Что такое? — удивилась она.

— Сейчас май, — ответила ее мама. — И мы полгода живем в ужасе.

— Это экспериментальная машина для исследования времени. Тебе казалось, что прошло полчаса, а ты отсутствовала полгода, — объяснил директор института.

К сожалению, эта история так просто не кончилась.

На следующий день Алиса пошла в школу.

Светило солнце, пели птицы, летали майские жуки. Зацветала сирень.

В классе ее ждали. Но она ничего не успела рассказать — ее сразу же вызвал директор школы.

Директор ждал Алису в оранжерее. Сам он

преподавал генетику и притом был крупным профессором по генному конструированию, так что его растительные питомцы были сами на себя не похожи.

— Алиса, — спросил директор, — знаешь ли ты, что прошло полгода с тех пор, как ты в последний раз пришла в школу?

— Мне очень трудно в это поверить, — ответила Алиса. — Но все об этом говорят.

— А знаешь ли ты, — продолжал директор, как будто не услышав ответа, — сколько всего интересного и важного узнали за это время твои товарищи по классу?

Он сорвал с куста анютиных глазок нечто похожее на огурец и протянул Алисе. Она послушно откусила от этого зеленого, которое оказалось на вкус самой обыкновенной морковкой.

— Да, — ответила Алиса, — знаю, и мне очень жалко, что я так много пропустила.

— Что же будем делать? — поинтересовался директор. — Думаю, тебе придется остаться на второй год в третьем классе. Немного отдохни от своего путешествия, почитай, позанимайся сама, а со следующего сентября пойдешь снова в третий класс.

— Нет, — сразу ответила Алиса.

— Но почему?

— Я не могу остаться без моих ребят, — сказала Алиса. — Они все мои друзья. Я догоною. В конце концов, я уже взрослый человек.

— Взрослые люди, — резонно возразил директор, — не лазят без спроса в сломанные машины времени и не сводят с ума своих родителей. Считай, что вопрос закрыт. Ты свободна, Алиса Селезнева.

Алиса послушно вышла из оранжереи и, понурив голову, побрела в класс.

— Ну что там? — спросил ее друг Пашка Гераскин. — Ругался?

— Хуже, — ответила Алиса. — Оставил на второй год.

Все ребята ахнули.

— Ни в коем случае! — сказал Пашка. — Я этого не допущу.

— Как же ты не допустишь? — спросила Машенька Белая. — Если наш директор решил... — И она, грустно вздохнув, добавила: — Но без тебя, Алиса, наш класс станет не тем.

— А я знаю, что сделаю, — сказал Аркаша Сапожников, самый умный ученик в классе.

Он включил свою пишущую машинку и начал диктовать. Все окружили Сапожникова и смотрели на лист бумаги, который медленно вылезал из машинки.

— «Заявление, — говорил Аркаша. — Директору школы. Сейчас я веду большую научную работу, и мне совершенно некогда заниматься текущими учебными делами. Очень прошу оставить меня на второй год. С уважением Аркадий Сапожников, третий класс».

— Это что же получается! — закричал Пашка

— Эс-ки-мо! — изумился дед.

Гераскин. — Значит, Сапожников будет учиться с Алисой и дальше, а мы к ним в гости будем ходить? Где моя пишущая машинка?

Он тут же включил пишущую машинку и принялся ей диктовать.

Сестры-близнецы Маша и Наташа Белые тоже кинулись к своим пишущим машинкам, а Джавад сказал:

— Нельзя повторяться, это вызовет подозрения. Я скажу все честно.

В этот момент в класс вошла молоденькая учительница Каролина Павловна и, поздоровавшись, принялась с грустью разглядывать Алису.

Аркаша тихо подошел к столу и положил перед учительницей свое заявление.

— Ничего не понимаю, — сказала Каролина Павловна. — Какую такую работу ты ведешь, которая тебе мешает учиться?

— А вот мое заявление. — Пашка Гераскин принес листок бумаги.

— «Директору школы, — прочла вслух Каролина Павловна. — Я должен признаться вам, что только сегодня понял, что весь год недостаточно вдумчиво занимался и материала за третий год совершенно не усвоил. Поэтому мне очень хочется еще раз прослушать весь курс третьего класса. Надеюсь, что мне не откажут в моей просьбе. С уважением Павел Гераскин».

— Как? — удивилась Каролина Павловна. — Значит, ты меня обманывал? А я всегда думала, что тебе интересно на моих уроках.

— Интересно, — сказал Пашка, — вот я их еще раз и прослушаю.

Заявления одно за другим ложились на учительский стол.

— Невероятно! Я сойду с ума! — воскликнула Каролина Павловна, собирая со стола листочки. — Такого не было не только в истории нашей школы, но и в истории человечества.

И с этими словами она быстро ушла из класса.

А когда шум в классе немного утих, Алису и Пашку избрали от класса разведчиками, чтобы они подкрались к оранжерее, где уже заседал учительский совет, обсуждая необычные события в третьем классе.

Когда ребята подкрались к оранжерее и спрятались за кустами, совет уже кончался. Говорил директор. Он держал в руке стопку заявлений.

— Мы воспитываем в нашей школе самостоятельных людей и всегда стараемся уважать их мнение, даже если это только первоклассники. Если сегодня по разным причинам весь третий класс хочет остаться на второй год, мы не можем подозревать, что все дети делают это из лени или нежелания трудиться. Таких в наше время почти не осталось. Следовательно, мы должны удовлетворить их просьбу. Но, с другой стороны... — Директор сделал паузу, а Пашка прошептал Алисе на ухо:

— Если он и в самом деле оставит нас всех на второй год, мои родители ужасно удивятся...

— Но, с другой стороны, — повторил директор, — я полагаю, что есть выход. Алиса, ты подслушиваешь?

— Да, — призналась Алиса, выходя из кустов.

— Подслушивать нехорошо, тем более что у нас нет секретов от учеников.

— Извините, — сказала Алиса. — Но мы переживаем.

— Передай своим товарищам, — попросил директор, чуть улыбаясь, — что мы удовлетворили просьбу твоего класса. И весь класс оставлен на второй год. И будет в будущем году снова называться третьим классом. Но если твои товарищи помогут тебе, Алиса, наверстать то, что ты пропустила за полгода, и ты сама поработаешь летом, то первого сентября мы устроим тебе экзамен, и если ты его выдержишь, то всех переведем в четвертый класс. Тебе ясно?

— Ясно, — обрадовалась Алиса. — Спасибо.

— Ну, конечно, если Паша Гераскин чувствует, что он не справился с годовой программой, мы сделаем для него исключение и оставим его...

— Не надо, — выскочил из кустов Пашка. — Я буду заниматься вместе с Алисой.

На том и порешили.

Разумеется, третий класс не остался на второй год. Уже в конце мая Алиса догнала своих ребят. Правда, всем и ей в первую очередь пришлось немало потрудиться.

КЛАД НАПОЛЕОНА

Алиса открыла дневник и записала:

«8 октября. Суббота. Сегодня ночью я стала кладоискательницей. Я разбирала бабушкин книжный шкаф и нашла там старинную книгу о Наполеоне. Я так зачиталась, что чуть не забыла лечь спать. Из этой книги я узнала, что, когда Наполеон отступал от Москвы в 1812 году и его догнала зима, он решил отделаться от сокровищ, которые вез из Кремля. Обоз с драгоценностями мешал его войску быстро бежать.

Французы нашли в лесу глубокое Сумлевское озеро и сбросили в него все ящики. Они надеялись, что следующим летом вернутся и завоюют Россию, но, конечно, не вернулись.

С тех пор в озере много раз искали этот клад, но не нашли. Даже неизвестно точно, в том ли

озере надо искать. Да и само Сумлевское озеро глубокое, может, драгоценности погрузились в ил.

Я бы не стала кладоискателем, если бы не вспомнила, что в прошлом году была на Сумлевском озере. Мы туда летали с отцом за грибами. Я помню, как сидела на берегу этого озера и представляла, каким оно было в сказочные времена. В нем могла жить русалка, а на берегу сидел старый леший и любовался, глядя, как она плавает.

Я так точно представила себе это озеро, что совсем не удивилась тому, что в нем может таиться клад. И мне захотелось его найти.

И тогда я подумала: ведь клад не нашли раньше потому, что у старых кладоискателей не было космического скафандра. А у меня он есть. Настоящий скафандр с прожектором и лазерным резаком, в котором не только в лесное озеро можно спуститься, но даже в жерло вулкана.

Поэтому для меня найти клад совсем не сложно.

Так что завтра с утра я лечу за кладом Наполеона».

Кончив писать, Алиса спрятала дневник в секретный ящик стола, потому что дневник был ее самой секретной вещью. В нем она писала только правду, и о себе, и о других. А людям, даже самым умным, не всегда приятно узнать о себе всю правду.

На рассвете Алиса вышла на кухню, прошептала домработнику, что скоро вернется,

сделала себе два бутерброда, налила в термос горячего чаю. Потом велела домработнику отнести термос и бутерброды, а также большой пластиковый мешок для сокровищ к флаеру. А сама сняла в шкафу космический скафандр, проверила лазер и прожектор и поспешила на улицу.

Шел мелкий дождик, в лужах плавали желтые листья. Домработник укладывал в открытую дверь флаера термос и пакет с бутербродами. Он ничего не понял и спросил:

- На какую планету собралась?
- За грибами, — ответила Алиса.

Домработник был сплетником и путаником. Если сказать ему о кладе, через час Алису начнут искать в Париже или на острове Святой Елены, где Наполеон, как известно, умер.

— Не срывай мухоморов, — сказал домработник на прощание. — Они ядовитые.

Алиса поблагодарила его и подняла флаер в воздух.

В городе ранним субботним утром движение в воздухе небольшое, а за Москвой встречаются только грузовые флаеры да яркие пузыри грибников, которые далеко от города не отлетают.

Добралась Алиса до лесного озера часа через два из-за того, что пришлось покружить над лесами, прежде чем она отыскала то озеро, что ей требовалось.

Под мелким серым дождем озеро казалось совсем не таинственным, и трудно было пове-

рить, что там, в глубине, могут таиться сокровища.

Алиса опустилась у самой воды, позавтракала, не вылезая под дождь, потом не спеша облачилась в скафандр. С каждой минутой ей все меньше верилось, что из ее затеи что-нибудь выйдет.

Хлюпая тяжелыми башмаками по грязи и раздвигая тростник, Алиса вошла в серую воду. Испуганная лягушка отпрыгнула в сторону. Ноги увязали, и каждый шаг давался с трудом. Вода поднялась до колен, потом до пояса, двигаться стало еще труднее. Когда вода дошла до горла, Алиса оглянулась. Флаер ярким пятном стоял на фоне почти голых деревьев. Было пустынно и скучно.

«И что я сюда полезла? — подумала Алиса. — Мало мне было приключений на далеких планетах? Вот завязну в этом глухом озере, и никто меня не найдет. Найдут, — успокоила она себя, — по флаеру найдут». И с этой мыслью она шагнула вперед, дно круто пошло вниз, Алиса потеряла равновесие и села на дно, сразу глубоко уйдя в тину. Ил поднялся тучей, стало совсем темно, и Алиса включила прожектор. Этот прожектор, хоть и маленький, линза как человеческий глаз, выручал Алису на самых диких планетах, посыпая свой тонкий луч на десять километров вверх. Но тут он был почти бессилен. Так что передвигаться приходилось ощупью. Не-

удивительно, что никто не смог в этой каше отыскать клад.

Дно было неровным, начали встречаться большие камни. И каждый раз Алиса надеялась, что это не камень, а ящик. Один из камней она даже разрезала лазерным лучом, вода за светилась голубым страшноватым светом, и камень развалился, медленно, нехотя... Обе его половинки сразу скрылись в тине. Конечно, подумала Алиса, здесь нужен очень мощный насос, чтобы очистить озеро от тины.

Можно было бы вылезать, но Алиса из чистого упрямства продолжала пробираться по дну. Она уже забралась глубоко.

И вдруг впереди Алиса увидела зеленоватое светящееся пятно.

Она замерла. Что это могло быть?

Пятно, увеличиваясь, медленно двигалось навстречу.

Алиса включила внешний микрофон. Она, разумеется, не испугалась, потому что русалкам в этой грязи не выжить. Вернее всего, кто-то пролетел над озером, увидел на берегу пустой флаер, забеспокоился и отправился искать утопленника.

А может, это другой кладоискатель?

— Алиса! — услышала она. Голос прозвучал близко. Как будто кто-то подошел к самому уху. — Это ты?

«Так и есть, — догадалась Алиса. — Глупый домработник поднял панику, и меня ищут».

— Кто здесь? — спросила Алиса.

И тут она увидела — кто.

Навстречу ей легко, как по воздуху, двигалась другая девочка в короткой белой тунике, окруженная зеленоватым сиянием. Она была без скафандра, лицо ее было веселым и очень знакомым.

— Ты кто? Русалка? — спросила Алиса.

— Я пришла. Ты меня пригласила, и я пришла. Я давно хотела с тобой увидеться. Мне о тебе столько рассказывали!.

Алиса поняла, что другая девочка окружена силовым полем и потому ей вода не страшна. «Может, инопланетянка? Но откуда она меня знает?»

Словно угадав ее мысли, девочка сказала:

— Я не инопланетянка, хотя живу на Альдебаране. В наше время это неважно. Сегодня я на Земле, завтра я на Марсе, послезавтра я уже на Сириусе.

— Но я тебя не знаю. Откуда ты знаешь меня?

— Потому что я твоя прапраправнучка. И меня тоже зовут Алиса. В твою честь.

Девочка подошла, вернее, подплыла совсем близко. Она не касалась ногами дна.

— Но почему ты тут? — Алиса все еще не понимала, что случилось, да и трудно ей было поверить, что ее прапраправнучка встретилась ей именно на дне Сумлевского озера.

— Я читала твой дневник, — сказала девочка. — Раньше мне его не давали, пока я не подросла, а теперь дали. И я в нем прочитала,

Навстречу ей легко, как по воздуху, двигалась другая девочка в короткой белой тунике.

что ты сегодня будешь на дне этого озера и приглашаешь меня на свидание. Мне стало так интересно увидеться с тобой, что я тут же собралась и прилетела. Это ведь не очень просто — между нами сотни лет. Но я все о тебе знаю и очень стараюсь тебе подражать.

— Но я ничего не знаю о тебе. Как я могла пригласить тебя сюда?

— Разве это так важно? — спросила вторая девочка. — Может, мы поговорим?

— Тогда давай вылезем из озера, — сказала Алиса. — Тут очень неудобно.

— К сожалению, я не могу этого сделать, — сказала прапраправнучка. — Мне категорически запрещено появляться в прошлом. Поэтому я могу видеться с тобой только здесь, на дне озера.

— Надо же придумать такое неудобное место, — сказала Алиса. — Но все равно мне очень приятно с тобой познакомиться. Знаешь, я раньше вела дневник от случая к случаю и по целому месяцу в него не заглядывала. А теперь, пожалуй, буду писать почаше.

— Конечно, будешь, — согласилась девочка. — Потому что у нас дома лежат пять томов твоих дневников. Это удивительное чтение. Ты жила в странное и даже первобытное время, когда людям, чтобы пролететь Галактику, надо было потратить несколько месяцев, когда еще были болезни, встречались космические пираты. Ах, какое это было романтическое время!

— Вот чепуха! — рассмеялась Алиса. — Я

всегда думала, что наше время слишком обыкновенное. Самый конец двадцать первого века! То ли дело сто лет назад, когда люди еще только выходили в космос и собирались лететь к Марсу. Тогда людей подстерегали опасности и трудности. Моей бабушке, которая была маленькой в 1990 году, требовался целый час, чтобы долететь до Ленинграда. А мой прадедушка поднялся на Эверест, и о нем писали в газетах. Вот тогда жили настоящие герои!

— Все на свете относительно, — сказала девочка. — У нас, в двадцать четвертом веке, скажу тебе, жить просто неинтересно. Мы даже в школу не ходим.

— А как же?

— Уже сейчас я знаю столько, сколько ты будешь знать, когда кончишь школу. Я могу в мгновение ока перелететь на любую планету. Сейчас мы осваиваем другую галактику. Так в моей жизни нет никакой романтики.

— Другая галактика! — воскликнула Алиса. — Хотела бы я там побывать.

— А я хотела бы остаться в твоем романтическом, трудном и опасном двадцать первом веке. Слушай, давай поменяемся. Ты полетишь ко мне, а я побуду здесь.

— Ну что ж, — ответила Алиса. — Я не против.

— Нет, — вздохнула девочка из двадцать четвертого века. — Это невозможно: мы не совершаем таких легкомысленных поступков. Это несолидно. Я читаю твои дневники как

приключенческий роман. Но знаю, что для меня это только роман. Слушай, у тебя нет ничего поесть? А то я так спешила к тебе, что забыла позавтракать.

— У меня остался бутерброд и чай в термосе. Но это в моем флаере, который стоит на берегу. Хочешь, я поднимусь туда, а ты подождешь?

— Зачем? Если можно взять, то я возьму.

— А как же... — Но Алиса не успела договорить, как в руках девочки оказался ее термос и бутерброд. Причем Алиса могла поклясться, что ее праправнучка не двинулась с места.

— Мы так много можем, — сказала девочка печально, — что даже неинтересно.

Она отпила из термоса и начала жевать бутерброд.

— Хорошо еще, — посочувствовала ей Алиса, — что тебе надо есть. А то было бы совсем скучно.

— Честно говоря, — ответила девочка, — если нужно, я могу прожить месяц без еды.

Девочка доела бутерброд, и за эту минуту Алиса успела придумать тысячу вопросов, которые надо было задать праправнучке. Но та, отправив пустой термос обратно во флаер, сказала:

— Прости, прапрабабушка, но я читаю мысли и потому заранее могу тебе сказать, что на некоторые твои вопросы я ответить не могу, а на некоторые могла бы, но ты ничего не поймешь. Не сердись. К тому же мне пора. Через шесть минут и двадцать три секунды я

вылетаю в Крабовидную туманность, а мне еще надо собраться и попрощаться с друзьями.

— Жалко, — сказала Алиса. — Но ничего не поделаешь. Беги, а то опоздаешь. Передавай привет Крабовидной туманности.

— Я рада, что встретилась с тобой. Может, еще увидимся.

Девочка начала медленно растворяться.

— Стой! — крикнула Алиса. — Я забыла спросить: клад в этом озере есть?

— Клад не в этом озере... — Голос девочки растворялся, исчезал, утихал. — Клад в...

Но где, Алиса и не услышала.

Яркая вспышка света возникла на том месте, где только что была прапраправнучка. И только бурая вода колыхалась вокруг.

«Ну что ж, — подумала Алиса, — может, она и права. Человеку интересно забраться в озеро и искать в нем клад. А ей, прапраправнучке, достаточно взглянуть сверху и понять, что никакого клада и нет».

И, что самое удивительное, хоть Алиса теперь знала, что никакого клада в озере нет, она еще полчаса упрямо шла по дну, пока не перешла все озеро и не вылезла на другом берегу. И, конечно, ничего не нашла.

Потом она обошла озеро вокруг, набрала много красивых желтых листьев, у трухлявого пня нашла семейку опят, а когда забралась во флаер и поднялась в небо, то еще несколько минут летела не домой, а рядом со стаей диких гусей, которые улетали к югу.

Дома она отдала грибы домработнику и поставила термос на место.

Все еще спали.

Алиса прошла к себе в комнату, открыла дневник и записала в нем:

«9 октября. Воскресенье. Сегодня я искала клад на дне Сумлевского озера. Клада я не нашла, но встретилась с одной очень интересной девочкой, которую тоже зовут Алиса. И если она когда-нибудь будет читать этот дневник, она догадается, кого я имею в виду. И мы с ней увидимся».

Содержание

Повести

Пленники астероида	5
День рождения Алисы	121
Золотой медвежонок	237
Чудовище у родника	305

Рассказы

Вокруг света за три часа	341
Это вам не яблочный компот!	357
Второгодники	373
Клад Наполеона	387

КИР БУЛЫЧЕВ
(Игорь Всеволодович Можейко)

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Серия «Детская фантастика»

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ АЛИСЫ

Составитель *А. В. Алексеев*
Художник *Е. Т. Мигунов*
Технический редактор *А. Н. Аникеев*
Корректор *Л. М. Гусева*
Оригинал-макет *Л. И. Шмелева-Агинская, О. В. Новикова*
Ответственный за выпуск *Е. А. Новиков*

ЛР № 061490 от 30.07.92
Издательство «Хронос»
121099, Москва, а/я 880

Подписано в печать 16.02.96. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага офсетная. Объем 21 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 15,5.
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Тираж 15 000.
Заказ 7130.

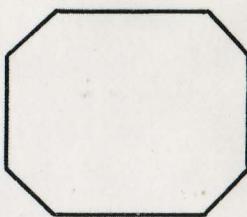
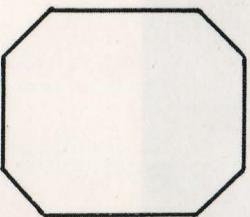
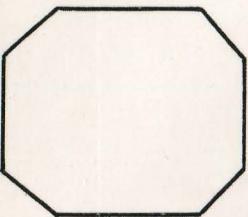
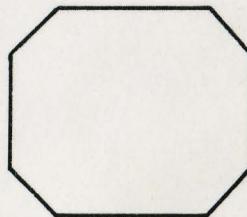
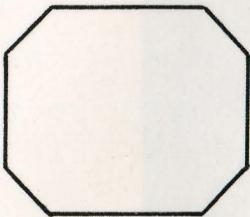
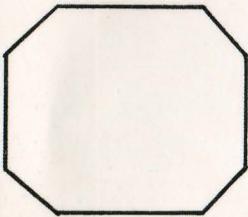
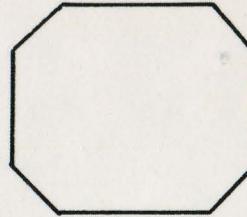
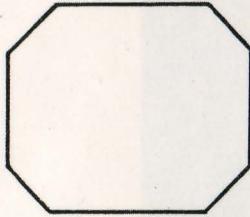
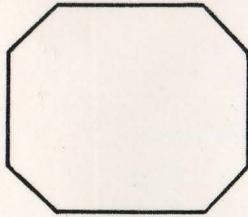
При участии издательства «АРМЭ»

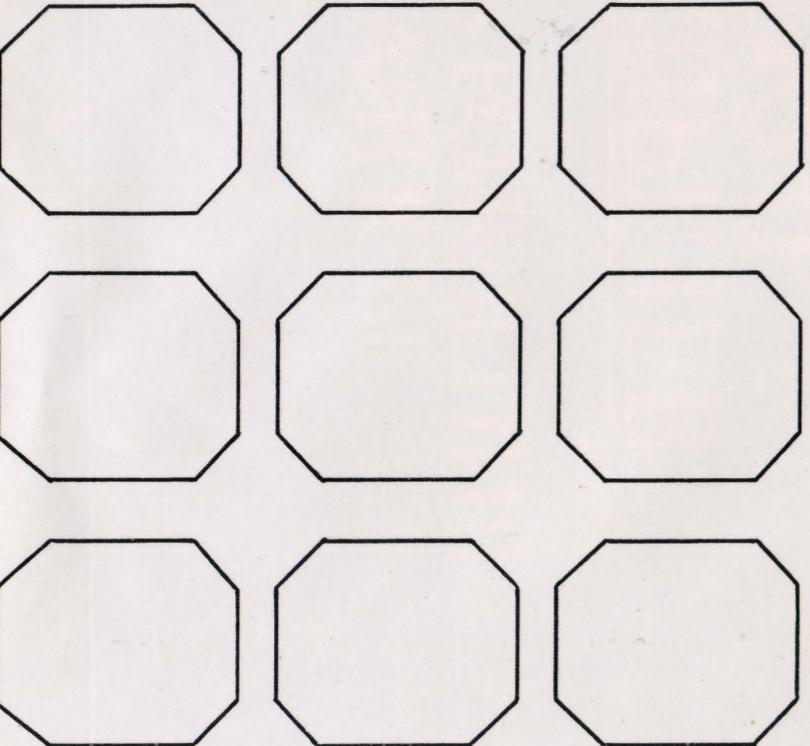
Отпечатано с готовых диапозитивов
на Книжной фабрике № 1 Комитета РФ по печати
144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевоясина, 25.

Сканирование и обработка:
Алексей Н. (Lion)

КИР БУЛЫЧЕВ

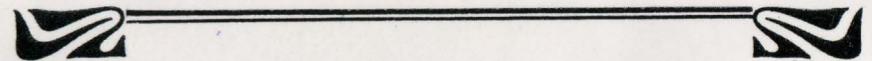
КИР БУЛЫЧЕВ

КИР БУЛЬЧЕВ

КИР БУЛЬЧЕВ

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ
АЛИСЫ

